

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

3
2019

No 3

IJSHR

2019

3/2019

**SOCIAL-HUMANITARIAN
REVIEW**

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

Editorial Board

E.P. Bazhanov,
doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

Е.П. Бажанов,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

I.S. Barchukov,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

И.С. Барчуков,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

V.K. Baturin,
doctor of philosophical sciences, candidate
of pedagogical sciences
(Russian Federation)

В.К. Батурин,
доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская Федерация)

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ю. Бельский
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Y.B. Borev,
doctor of philology,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Ю.Б. Борев,
доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор
(Российская Федерация)

V.N. Buzin,
candidate of sociology
(Russian Federation)

В.Н. Бузин,
кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

G.A. Vasilevich,
doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

R.B. Gandaloev,
candidate of political sciences
(Russian Federation)

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук
(Российская Федерация)

I.V. Groshev,
doctor of economic sciences, doctor of psycholog-
ical sciences, Honored worker of science of Russia, professor

И.В. Грушев,
доктор экономических наук,
доктор психологических наук
заслуженный деятель науки РФ, профессор

Редакционная коллегия

D.I. Gryadovoy,
candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

Д.И. Грядовой,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

D. S. Patelis,
Associate Professor of Philosophy
Technical University of Crete

Д. С. Пателис,
Доцент философии
Технический университет Крита

D.D. Dolidze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

Д.Д. Долидзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.Л. Золкин,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

Л.А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

R. Kvarackheliya, doctor of law
(Georgia)

Р. Кварацхелия,
доктор юридических наук
(Грузия)

A. Kiknadze, doctor of politology
(Georgia)

А. Кикнадзе, доктор политологии
(Грузия)

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.A. Lebedev,
doctor of philology
(Russian Federation)

А.А. Лебедева,
доктор филологических наук
(Российская Федерация)

V.A. Lerekhin,
doctor of philosophical science,
the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

В.А. Лепехин,
кандидат философских наук
генеральный директор Института ЕврАзЭС
(Российская Федерация)

V.P. Majkova,
Bauman Moscow State technical University
Doctor of Philosophical Science

В.П. Майкова,
Московский государственный технический университет
имени Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал),
профессор кафедры педагогики, психологии, права,
истории и философии, доктор философских наук, доцент

A.M. Martazanov,
Doctor of Philological Science,
Professor, Rector of Ingush State University
(Russian Federation)

А.М. Мартазанов,
доктор филологических наук, профессор,
ректор Ингушского государственного университета
(Российская Федерация)

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science, professor
(Russian Federation)

Л.А. Никитич,
доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical sciences, professor
(Israel)

Л.М. Прейгерман
доктор физико-математических наук, профессор
(Израиль)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences, professor,
honored worker of Science, corresponding
member of RAO (Russian Federation)

А.А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО (Российская Федерация)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

А.П. Садохин,
доктор культурологии, кандидат философских наук,
профессор (Российская Федерация)

L.G. Skulmovskaya,
Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Honored Worker of Culture
of the Khanty Mansiysk Autonomous Okrug,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

Л.Г. Скульмовская,
доктор социологических наук,
профессор, Заслуженный деятель культуры
Ханты Мансийского автономного округа,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ (Российская Федерация)

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences, professor
Financialm University under the Government of the
Russian Federation

А.Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology,
professor, honored worker of Russian higher school
(Russian Federation)

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук, доктор психологических
наук, профессор, заслуженный работник высшей школы
РФ (Российская Федерация)

D.A. Skhirtladze,
doctor of medicine (USA)

Д.А. Схиртладзе,
доктор медицины (США)

L.N. Terman,
doctor of economic sciences, professor
(Israel)

Л.Н. Терман,
доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences, professor,
corresponding member of the Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences (Russian Federation)

Т.Я. Фхакадзе,
доктор медицинских наук (Российская Федерация)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Academician of the IASP (Republic of Kazakhstan)

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО (Республика Казахстан)

G.S. Chovdyrova,
doctor of medical sciences, doctor
of psychology, professor (Russian Federation)

Г.С. Човдырова,
доктор медицинских наук, доктор
психологических наук, профессор (Российская
Федерация)

L. Sharvadze,
doctor of medicine (Georgia)

Л. Шарвадзе, доктор медицины (Грузия)

A.A. Shirinyants,
doctor of political sciences, candidate of philosophical
sciences, professor of faculty of political science of MGU
(Russian Federation)

А.А. Ширинянц,
доктор политических наук, кандидат философских наук,
профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences, candidate
of philology, professor
(Russian Federation)

Н.Ю. Штрекер,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор
(Российская Федерация)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences, candidate of law,
doctor of economic sciences, professor
(Russian Federation)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Российская Федерация)

M. Yanich
University of Nish (Serbia) doctor of philosophical sciences

М. Янич,
Университет г. Ниш (Сербия), профессор философского
факультета, доктор филологических наук

CONTENTS 3/2019

Registration certificate 433103973

Chief editor

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.D. Ioseliani,
doctor of philosophical sciences,
professor

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

V.N. Zakaidze

CEO of publishing house
«UNITY-DANA»

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

in USA:

D. Skhirtladze, MD, MPH

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

+12157605939

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,

professor

3, Tze'Elim, Yokneam

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP 30,

Gagarin str., Shymkent

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers don't bear responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works by authors of articles. Responsibility for quality, correctness and a correctness of citing works are born only by authors of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

Информационное сообщение о научной конференции международно-правового факультета Университета МВД России им. В.Я. Кикотя на тему «У войны — не женское лицо»	5
O.V. Bibikova. War is not a Woman's Face	6
O.I. Zhukova. The «Lady Death» Who Did not Want to Kill	8
N.A. Krainyuk. In Memory of the Killed in Afghanistan	10
N.M. Mudrov. Antinomies of War	12
J.D. Chutkova. In the Name of Life on Earth	14
Thi Tam Nguyen. Livelihood of Bru-Van Kieu Ethnic Group: Impacts on Socio-Economic Development and Security of Vietnam — LAOS Border Area	16
L.G. Skulmovskaya, S.I. Kalinkina. L'influence Mutuelle Des Cultures Causes Par Les Changements Globaux	20
O. V. Baranova. Factors of Development of Modern Russian Law	26
V.Y. Belsky. Socio-Philosophical Concepts of K.D. Ushinsky and the Problem of Education	31
A.N. Borozdin. Imperial Doctrine in Support of Civilizational Entities of Russia	35
M. Delyagin. Clash of Projects of Transformation of Europe	42
I.V. Lyagushkin, A.D. Chursina. The Level of Awareness of the Threat of Information War Against Russia Among Students and its Importance for Improving the Educational Process in Educational Institutions of the Interior Ministry of Russia	46
L.V. Molodkina, E.M. Moiseeva. To the Question of Aesthetic Pleasure in Creativity: the Analysis of the Aristotelian Concept	50
I.V. Polozova. Role and Functions of Metaphors in Scientific Cognition	54
I.V. Polozova. Transformation and Deformation of the Values of Modern Humanity	59
V.D. Samoilov. Slavic Writing and Culture (Public and Historical-Legal Aspects)	63
A.I. Satsuta. Legal Policy of the State as an Object of Political Science Analysis	66
A.N. Piatakov, A.V. Kharlamenko. Transnational Military Mechanism and the State Erosion: Global and Latin American Aspects	72

СОДЕРЖАНИЕ 3/2019

Свидетельство о регистрации 433103973

Главный редактор

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,
доктор философских наук, профессор

Научный редактор

А.Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат
юридических наук, доктор
экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

В.Н. Закаидзе

Генеральный директор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»

123298 Москва,

ул. Ирины Левченко, д. 1 Тел./факс:
+7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент

М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,

пр. Александра Казбеги, д. 44,

Справедливая Грузия

Тел./факс: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Д. Схиртладзе,

доктор медицины

в США: штат Пенсильвания,

г. Хантингдон Вэли,

ул. Эденкрофт Роуд 3565

E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор

Июкнеам, ул. Цеелим, д. 8

E-mail: termn32@list.ru

в Республике Казахстан:

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук, профессор,

академик МАНПО

г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57

Тел: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии

ООО «Буки Веди»

на оборудовании Konica Minolta

105066, Москва, ул. Новорязанская,

д. 38, стр. 1, пом. IV

Заказ

Редакция и внешние рецензенты не

несут ответственности за качество,

правильность и корректность

цитирования произведений авторами

статей. Ответственность за качество,

правильность и корректность

цитирования произведений

несут исключительно авторы

опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

Информационное сообщение о научной конференции международно-правового факультета Университета МВД России им. В.Я. Кикотя на тему «У войны — не женское лицо»	5
О.В. Бибикова. У войны — не женское лицо	6
О.И. Жукова. «Леди Смерть», которая не хотела убивать	8
Н.А. Крайнюк. В память о погибших в Афганистане	10
Н.М. Мудров. Антиномии войны	12
Ю.Д. Чуткова. Во имя жизни на земле	14
Thi Tam Nguyen. Livelihood of Bru-Van Kieu Ethnic Group: Impacts on Socio-Economic Development and Security of Vietnam — LAOS Border Area	16
L.G. Skulmovskaya, S.I. Kalinkina. L'influence Mutuelle Des Cultures Causes Par Les Changements Globaux	20
О.В. Баранова. Факторы развития современного российского права	26
В.Ю. Бельский. Социально-философские воззрения К.Д. Ушинского и проблема образования	31
А.Н. Бороздин. Имперская доктрина в обосновании цивилизационной сущности России	35
М. Делягин. Столкновение проектов преобразования Европы	42
И.В. Лягушкин, А.Д. Чурсина. Уровень осознания угрозы информационной войны против России в среде учащейся молодежи и его значение для совершенствования образовательного процесса в учебных заведениях МВД России	46
Л.В. Молодкина, Е.М. Моисеева. К вопросу об эстетическом удовольствии в творчестве: анализ аристотелевской концепции	50
И.В. Полозова. Роль и функции метафор в научном познании	54
И.В. Полозова. Трансформация и деформация системы ценностей современного человечества	59
В.Д. Самойлов. Славянская письменность и культура (государственные и историко-правовые аспекты)	63
А.И. Сацуга. Правовая политика государства как объект политологического анализа	66
А.Н. Пятаков, А.В. Харламенко. Транснациональный военный механизм и эрозия государства: глобальный и латиноамериканский аспекты	72

Информационное сообщение
о научной конференции международно-правового факультета
Университета МВД России им. В.Я. Кикотя на тему
«У войны — не женское лицо»

По инициативе курсантов международно-правового факультета, Научного общества факультета при участии кафедр истории государства и права, социологии и политологии и кафедры философии в Университете проведена научная конференция на тему «У войны — не женское лицо». Было подготовлено 30 научных сообщений, посвященных различным аспектам войны как общественного явления, роли женщины на войне, подвигу солдата-защитника Родины, памяти всех, кто с оружием в руках отстаивал свободу и независимость нашей страны, ее интересы, выполнял интернациональный долг. В обсуждении приняли участие заместитель начальника междуна-

родно-правового факультета Петрова А.С., председатель Совета ветеранов, помощник начальника Университета по работе с ветеранами Гришин А.А., профессор кафедры философии, доктор юридических наук Медушевская Н.Ф., доцент кафедры социологии и политологии кандидат философских наук, доцент Гусев Н.Н.

По итогам конференции Дипломом 1 степени награжден курсант Жукова О.И., Дипломом 11 степени — курсант Полякова П.А., Дипломом 111 степени — Крайнюк Н.А.

Наиболее интересные работы курсантов предлагаются вниманию читателей.

WAR IS NOT A WOMAN'S FACE

У войны — не женское лицо

Olga Valentinovna BIBIKOVA,
cadet of the international law faculty Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. J. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Ольга Валентиновна БИБИКОВА,
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Научный руководитель: В.Ю. Бельский, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: О.В. Бибикина. У войны — не женское лицо. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 6—7.

Annotation. The speech raises the problems of the impact of war on the status of women in society, the performance of gender-specific functions associated with participation in hostilities, as well as the problems of post-war consequences for the participation of women in demographic processes and the functioning of the family institution.

Key words: war, women, marriage, childbearing, incomplete family

---

Аннотация. В выступлении поставлены проблемы влияния войны на положение женщин в обществе, выполнению ею несвойственных гендеру функций, связанных с участием в боевых действиях, а также проблемы послевоенных последствий для участия женщин в демографических процессах и функционировании института семьи.

Ключевые слова: война, женщины, брачность, деторождение, неполная семья

У войны не женское лицо,
У войны для женщин нет работы,
Как нет пола у ее бойцов,
И у всех у них — свои заботы.
(Светлана Алексиевич)

Когда приходит война не имеет значение кто ты. Ты можешь быть женщиной, мужчиной, ребенком. Война не щадит никого, поэтому в ней принимают участие все слои населения, а также люди всех возрастов. Женщина на войне играет не менее важную роль, чем мужчина. Женщина может быть не только медицинской сестрой или врачом. На ее плечи ложатся более широкие обязанности. Женщина-снайпер, женщина-летчица, женщина-зенитчица... Примеров история знает немало — Зоя Космодемьянская, Татьяна Барамзина, Маша Ускова и многие другие. Тысячи героинь вписали свои имена в историю самой

масштабной войны ценой собственной жизни, крови и труда.

Никому не было легко на войне. Никто не знал, вернется ли он живым домой, и будет ли его там кто-то ждать. Женщины теряли мужей, сыновей, отцов, братьев. Они оставались одни, и им ничего не оставалось, как идти на фронт и воевать ради единственного, что у них осталось — Родины.

Часто происходили ситуации, когда мужчины находили себе на фронте других жен, и семьи распались после окончания войны. Результатами войны стали значительный рост разводов в послевоенные годы, увеличение

числа неполных и материнских семей, одиноких женщин брачного возраста, вдов и разведенных, а также распространение безотцовщины. Дети росли без отцовского влияния, многие оставались сиротами. Все эти социальные проблемы обрушились на страну сразу после окончания Великой Отечественной войны.

Из-за высокой смертности мужчин упала рождаемость среди населения. В результате военных потерь мужского населения было резко нарушено соотношение полов, прежде всего внутри возрастных групп, которым в 1941 г. было 18—27 лет. Соотношение оказалось следующим — мужчин было 38%, а женщин 62%. Следовательно, многие женщины оставались одиночками, и, следовательно, не было возможности заводить детей.

Вокруг царил разруха, многие люди не решались обзаводиться потомством в послевоенный период — необходимо было заново

строить свой быт, чтобы иметь возможность растить детей.

Война нанесла огромный ущерб здоровью населения. Доказательством служит анализ статистики заболеваемости и причин смерти. Лишения военного время, антисанитария, проблемы в питании приводили к высокой смертности населения. Особенно страдали женщины и дети: женщины из-за того, что отказывали себе во всем ради детей, а малыши из-за более слабого иммунитета, по сравнению со взрослыми.

Последствия войны нельзя оценивать только экономическим ущербом... Мы видим, что огромный вред был причинен и институту семьи, потому что невыносимые тяготы выпали на женскую долю, который не только воевали бок о бок с мужчинами, но и выполняли их функции в тылу. Правильно говорят: «У войны — не женское лицо!»

The «Lady Death» Who Did not Want to Kill

«Леди Смерть», которая не хотела убивать

Olga Igorevna ZHUKOVA,
cadet of international law faculty of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. J. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Ольга Игоревна ЖУКОВА,
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Научный руководитель: Д.Г. Лощаков, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: О.И. Жукова. «Леди Смерть», которая не хотела убивать. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 8—9.

Annotation. In his speech, the author on the example of the feat of arms of Hero of the Soviet Union Lyudmila Mikhailovna Pavlichenko (Belova), which during the great Patriotic war of 1941-1945 was a sniper tells about the role and fate of women in the war. The problem of the purpose of women to give life and the need to kill in defense of the Fatherland is posed

Key words: war, women, Hero of the Soviet Union Lyudmila Mikhailovna Pavlichenko (Belova)

Аннотация. В выступлении на примере ратного подвига Героя Советского Союза Людмилы Михайловны Павличенко (Беловой), которая в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. была снайпером повествуется о роли и судьбах женщин на войне. Ставится проблема о предназначении женщины давать жизнь и необходимости убивать, защищая Отечество.

Ключевые слова: война, женщины, Герой Советского Союза Людмила Михайловна Павличенко (Белова), подвиг женщины-солдата, патриотизм

Испокон веков женщины являлись хранительницами домашнего очага, кормилицами, музами поэтов и музыкантов. Женщина дает жизнь, и в этом есть ее главное предназначение; смысл ее жизни. Но когда над нашей страной нависла угроза, женщинам пришлось взять в руки оружие и защищать родину от фашистских захватчиков. В разное время на фронте сражалось от 600 тыс. до 1 млн солдат-женщин, 80 тыс. из которых были советскими офицерами. Они служили практически во всех боевых частях, осваивая различные профессии, так необходимые на фронте: военные санитарки, связистки, пулеметчицы, летчицы, автоматчицы.

Но самой «неженской» профессией считается снайпер. Известно около 2 тыс. советских женщин-снайперов, воевавших с 1941 года по 1945 год. Самой известной и результативной среди них является Герой Советского Союза

Людмила Михайловна Павличенко (Белова), получившая от тогдашних союзников американцев прозвище «Леди Смерть». На ее счету 309 уничтоженных солдат и офицеров противника (в том числе 36 снайперов). Людмила Михайловна в 1941 году ушла добровольцем на фронт. Она сражалась в Молдавии, в Одессе и Севастополе, выполняя все свои обязанности наравне с мужчинами. Павличенко стойко и мужественно преодолевала все тяготы и лишения службы, ходила на «охоту», маскировалась, выслеживала врага и убивала.

Что помогло двадцатипятилетней Людмиле добиться таких высоких результатов? Ответ на этот вопрос прост: ненависть к врагу, зоркий глаз, выносливость и терпение. Безграничное терпение, которым обладают все женщины по своей природе. Каждый раз, выходя на позицию, у Людмилы Михайловны было две наиболее важные задачи: во-первых,

выполнить очередное боевое задание, а во вторых вернуться живой. Слава о юной женщине-снайпере быстро распространилась по всему Советскому Союзу. Нередко Людмила попадала в объективы камер, заметки, агитационные листовки. Она стала символом победы, солдаты шли в бой с ее именем на устах.

В 1942 году лейтенант Павличенко в составе советской делегации была направлена в США, Канаду и Великобританию. Там она «стыдила» союзников за то, что они всячески избегали открытия второго фронта. В Чикаго Людмила Михайловна произнесла свою самую известную речь: «Джентльмены, мне двадцать шесть лет, и на фронте я успела уничтожить 309 фашистских захватчиков. Не кажется ли Вам, джентльмены, что Вы слишком долго прячетесь за моей спиной?».

Память снайпера увековечена в названиях улиц в городе Белая Церковь и в Севастополе. Еще в 1946 году Американский певец Вуди Гатри посветил ей песню «Miss Pavlichenko». В 2015 году был выпущен русско-украинский военный драматический фильм «Незламна» —

«Несокрушимая», который в русском прокате назвали «Битва за Севастополь».

Людмила Михайловна является образцом патриотизма, самоотдачи, храбрости и мужества. Именно на таких людей надо равняться, брать с них пример!

В Великой Отечественной войне победу одержал советский народ, благодаря своему единству и сплоченности. Во время войны люди не делились на русских, украинцев, белорусов, таджиков, киргизов. Сегодня мы, россияне, чтим и помним всех ветеранов, которые принесли победу нашему народу, не различая их происхождение и национальность. Людмила Михайловна Павличенко родилась под Киевом. Разве этот факт может повлиять на наше отношение к ней? Нет, ни в коем случае! А вот в современной Украине власть забывает историю собственной страны и народа, забывает людей, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом, людей, благодаря которым живем все мы.

Мы чтим память наших героев. И никогда не забудем одну из великих женщин, подаривших нам мирное небо над головой!

In Memory of the Killed in Afghanistan

В память о погибших в Афганистане

Nina Andreevna KRAINYUK,
cadet of international law faculty of Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. J. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Нина Андреевна КРАЙНЮК,
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Научный руководитель: Д.В. Шикун, кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: Н.А. Крайнюк. В память о погибших в Афганистане. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 10—11.

Annotation. The speech tells about the feat of Soviet soldiers who performed the international duty in the Republic of Afghanistan. The author, using the example of Sergey Vladimirovich Alekseenko, who died heroically in a battle with the mujahideen and was awarded the Order of the Red Star posthumously, shows that the war takes away the closest people from their relatives. And the meaning of their feat is serving the Motherland, its security.

Key words: Afghanistan, feat of Soviet soldiers, international duty, historical memory, patriotism

Аннотация. В выступлении рассказывается о подвиге советских солдат, выполнявших интернациональный долг в республике Афганистан. Автор на примере Алексеенко Сергея Владимировича, героически погибшего в бою с моджахедами, награжденного посмертно орденом Красной Звезды, показывает, что война отнимает у родных самых близких людей. А смысл их подвига - служение Родине, ее безопасность.

Ключевые слова: Афганистан, подвиг советских солдат, интернациональный долг, историческая память, патриотизм

Что мы знаем о войне в Афганистане? Безусловно, война — это самое страшное, что может произойти в жизни каждого из нас. Война — это потери, боль, страх, страдания и слезы матерей, которые ждали своих сыновей с фронта, страдания жен, которые ждали своих мужей, плач и крики детей, которые потеряли своих родителей. А с другой стороны, именно во время войны, мы видим героические поступки солдат, которые сложили свои головы ради мирного неба над головой. Сколько же трагических воспоминаний она оставила за собой в людской памяти. И очень приятно, что люди не забыли тех жутких уроков, что преподнесла нам история.

Эта ужасающая война развернулась на территории Афганистана с 1979 по 1989 год. Противниками были афганские моджахеда или, как их еще называли душманы (духи).

Вначале командование СССР собиралось пробыть там всего один год, но потом планы изменились, и войска было решено оставить на неопределенный срок. В 1982 году начали открываться учебные центры для подготовки солдат к боевым действиям.

Когда мы говорим про эту войну, мы прежде всего вспоминаем про героизм наших солдат и офицеров. 72 человека стали Героями Советского Союза, тысячи были награждены боевыми орденами и медалями. Более 15 тысяч героев погибли и около 53 тысяч ранены, выполняя свой интернациональный долг.

Однако в современной истории эту войну называют «бесславной». По-прежнему у историков спорным остается вопрос о целесообразности принятого руководством СССР в 1979 году решения о необходимости ввода в

Афганистан ограниченного контингента войск. Семьи вспоминают о тех, кто остался лежать в песках Афганистана или вернулся с войны в цинковом гробу.

Про одну семью, которая является мне очень близкой, хотелось бы рассказать. Алексеенко Сергей Владимирович родился 16 декабря 1962 года в городе Зеленокумске Ставропольского края. После окончания школы № 12 и СПТУ № 6, где получил квалификацию мастера по ремонту сельскохозяйственной техники, дядя Сережа успел поработать в колхозе «Дружба» трактористом на комплексе КРС. В 18 лет он был призван в Вооруженные Силы СССР Советским РВК Ставропольского края.

Сначала он служил в Туркменском военном округе в городе Кушка (в настоящее время это город Серхетабад). И уже 16 декабря 1981 года его перенаправили в город Кундуз (Афганистан). Служил в военной части номер 53336, был водителем в отдельном разведывательном батальоне (ОРБ). Он участвовал в пяти боевых операциях, неоднократно перевозил материальные средства из СССР в Афганистан.

Перед ним и его сослуживцами стояла очередная важная задача, — необходимо было перегнать технику для ремонта в Союз. 23 июня 1983 года при совершении марша колонна, в составе которой он вел свою машину, была обстреляна моджахедами. Головная машина, подбитая из гранатомета, перегородила движение. Сергей, рискуя своей жизнью, отбуксировал ее с проезжей части дороги и разблокировал затор, дав движение колонне.

Своим подвигом сохранил оставшиеся машины и жизни своих товарищей.

Бой с мятежниками длился более 3 часов, в котором дядя Сережа был смертельно ранен. За мужество и героизм он был награжден орденом Красной Звезды посмертно. Похоронен на своей малой Родине в городе Зеленокумске. Как выяснилось позже, ему пришлось выполнять особо опасную работу — водить бензовоз «Урал». Поскольку родные дяди Сережи стали и для меня родными и близкими людьми, бабушка Люба и дедушка Володя, его мама и папа, давали мне читать письма, которые он отправлял им. Судя по этим письмам, было ясно, что их сын, как настоящий мужчина, не особо рассказывал о тех опасностях, которым он ежедневно подвергался в той далекой стране. В своих письмах он рассказывал про горы, про длинные перевалы и еще про культуру афганского народа.

Каждый раз, перечитывая эти письма мы плакали. Нестерпимо больно смотреть на лица родителей, не дождавшихся своих сыновей. Ему оставалось всего лишь сто заветных дней до приказа, но воину так и не удалось снова увидеть Родину, своих близких ... Ведь, казалось бы, еще вчера он был озорным мальчишкой, школьником, который еще даже не знал жизнь, но быстро возмужал и стал героем.

Все дальше уходят в прошлое события тех лет, а писать о дорогих тебе людях всегда легко и в то же время трудно. Легко, потому что их хорошо знаешь, понимаешь, любишь. Трудно, так как боишься не найти нужные слова, раскрывая то лучшее, что в них есть.

Antinomies of War

АНТИНОМИИ ВОЙНЫ

Nikita Maksimovich MUDROV,
cadet of international law faculty Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Никита Максимович МУДРОВ,
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Научный руководитель: Н.Н. Гусев, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: Н.М. Мудров. Антиномии войны. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 12—13.

Annotation. The speech posed the problems of elucidating the essence of war, as a phenomenon that is contradictory in nature, causes, and also contradictory and ambiguous in the consequences and significance for the life of society.

Key words: war, biological and socio-cultural factors of war, development of technologies in the interests of war and peace, war as a threat to human existence

Аннотация. В выступлении поставлены проблемы выяснения сущности войны, как явления противоречивого в своей природе, причинах, а также противоречивого и неоднозначного в последствиях и значении для жизни социума.

Ключевые слова: война, биологические и социокультурные факторы войны, развитие технологий в интересах войны и мира, война как угроза существованию человечества

Социология рассматривает войну как связанное с применением вооруженного насилия определенное состояние общества, во всей вариативности его структуры, социальных связей и направленности социальных процессов. При этом термин «война» применяется только в том случае, если конфликт инициирован и протекает в соответствии с социально признанными формами. В связи с этим, невзирая на несомненную трагедию всех войн, имеются различные подходы к осмыслению ее сути.

Проблема заключается в полярном отношении к войне как к социосистемному механизму. Существуют спорные суждения и целые концепции о роли и значении войн в истории человечества и в современном мире.

Неизбежное и жестокое проявление антигуманной сути войны — это, конечно, гибель людей, а также боль и страдания выживших, это уничтожение государств и целых цивилизаций. В то же время, войны начинаются людьми, а значит, выступают формой реализации агрессивности человека как составляющей его психики. Война — это серия насильственных адаптивных форм поведения, происходящих из естественного отбора. Когда война рассматривается с этого первичного уровня, она как бы реализует функцию естественного отбора по регуляции численности человечества как биологической популяции.

Но причины происходящего в обществе, в том числе и войн, не сводятся к биологическим детерминантам, а обусловлены и социо-

культурными факторами, включая интересы больших социальных групп.

Войны предъявляют огромные требования к ресурсам нации. Эти ресурсы включают в себя все, от оснащения армии до качеств военнослужащих. В целом войны ускоряют технологическое развитие, чтобы приспособить инструменты для решения конкретных военных задач. Позже эти изобретения и научные открытия используются и в гражданских целях. Таким образом, войны способствовали развитию промышленности, а также медицины, средств коммуникации и др. Помимо этого, война способствует самоидентификации народа. Враг дает точку отсчета: в этом дуальном мире мы есть то, что не есть наш враг.

Без ненависти к антиподному мы не можем любить то, кто мы есть. Одновременно, вследствие сказанного, как видим, война выступает крайней формой проявления и оправдания ксенофобии.

Антиномии войны учат нас понимать, что война — это не только часть человеческого существования, но, возможно, один из важных факторов, делающих нас теми, кто мы есть. Учат они нас и тому, что в наше время любая война, любой локальный военный конфликт способны перерасти в мировой с применением ядерного оружия. А это поставит точку в истории человеческой цивилизации. Вопрос в том, способны ли правящие элиты осознать и не допустить этого.

In the Name of Life on Earth

Во имя жизни на земле

Yulia Dmitrievna CHUTKOVA,
cadet of international law faculty of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. J. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Юлия Дмитриевна ЧУТКОВА,
курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: office@unity-dana.ru

Научный руководитель: Ю.А. Артамонов, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: Ю.Д. Чуткова. Во имя жизни на земле. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 14—15.

Annotation. The speech reveals the significance of the feat of arms of a woman-knight of the order of St. George of the 4th degree Rimma Mikhailovna Ivanova, who during the First world war fought bravely on the front line and, as a nurse, saved the lives of hundreds of soldiers. This example shows the role of many women defenders of the Fatherland.

Key words: war, women, World War I, feat of a female soldier, Rimma Mikhailovna Ivanova, female knight of the order of St. George, 4th degree, patriotism

Аннотация. В выступлении раскрывается значение ратного подвига женщины-кавалера ордена Святого Георгия 4-ой степени Риммы Михайловны Ивановой, которая в годы Первой мировой войны храбро сражалась на передовой и, как санитарка, спасла жизни сотен солдат. На этом примере показана роль многих женщин-защитниц Отечества.

Ключевые слова: война, женщины, Первая мировая война, подвиг женщины-солдата, Римма Михайловна Иванова, женщина-кавалер ордена Святого Георгия 4-ой степени, патриотизм

Что такое война? Первые ассоциации — отвага, мужество, героизм простых солдат и одновременно смерть, страх и кровь.

Победа. При мысли об этом у меня, как, вероятно, и у многих других людей, рождается образ солдата. Статный мужчина в потертой военной форме, быть может, имеющий ранения, видевший море ужаса, кошмар наяву, который, казалось, никогда не закончится. Он, выживший там, где невозможно выжить. Несущий в себе глубокую скорбь от потерь близких и просто людей, которых знал. Счастливым от осознания того, что это закончилось. Наша взяла, победили, наконец-то победили! Он победил. Трудно было мужчине-солдату! А каково было женщине в это непростое время? Каково было молодым,

иногда совсем еще юным девушкам, недавно покинувшим школьную скамью, одеть военную форму и отправится на фронт, под пули врага?

Во время Первой мировой войны символом борьбы с врагом, примером доблести и отваги стала Римма Михайловна Иванова.

В январе 1915 года Римма добровольно отправилась на фронт. Предложение остаться работать в лазарете полка она сразу же отвергла: она хотела быть на переднем крае борьбы. Под именем Ивана Иванова, постригшись как мужчина, она попала на передовую, когда обман раскрылся, бесстрашной девушке позволили остаться и далее проходить службу под своим именем.

Сотни бойцов обязаны ей своей жизнью. Многих она выносила на себе с поля боя, в то

время, когда неприятель открывал шквальный огонь по нашим солдатам. Римма сама готовила повязки, обрабатывала раны, причем каждый раненный русский воин был окружен ее заботой. В полку девушку все любили как сестру, офицеры относились к храброй красавице как к дочери. Среди солдат у нее появилось прозвище «святая Римма».

Она погибла 22 сентября 1915 года во время боев в Гродненской губернии. В одной из самых тяжелых схваток, когда противник был особенно силен и практически дошел до наших окопов, Римма подняла всех оставшихся в живых солдат в атаку. Враг был отброшен... Однако это не принесло той желанной радости воинам. Их «святая Римма» умерла от тяжелого ранения разрывной немецкой пули.

Император Николай II, по ходатайству командования полка, будучи наслышан о подвиге смелой сестры милосердия, издал указ о

награждении Риммы Михайловны Ивановой орденом Святого Георгия 4-ой степени, ранее вручавшимся за воинскую доблесть лишь офицерам-дворянам. Она стала второй женщиной в истории России, удостоенной этой награды, после императрицы Екатерины II.

Такова судьба юной учительницы из Ставрополя, «святой Риммы»... Думаю, память о ней должна жить. Память о женщине, сумевшей вдохновить, повести за собой людей, готовых пойти на смерть, ради нее, ради всего доброго, светлого, святого, что осталось в душе, ради своей страны, пострадавшей в муках войны.

Воины видели в Римме Михайловне символ веры, поддержки со стороны Бога. А что может быть важнее для солдата в бою, чем Вера в саму возможность мира и благополучия дома, на родной земле, которые может подарить лишь Господь...

Livelihood of Bru-Van Kieu Ethnic Group: Impacts on Socio-Economic Development and Security of Vietnam — LAOS Border Area

Thi Tam Nguyen,
PhD Institute of Anthropology,
Vietnam Academy of Social Sciences
E-mail: <coicodon16994@gmail.com>

Для цитирования: Thi Tam Nguyen. Livelihood of Bru-Van Kieu Ethnic Group: Impacts on Socio-Economic Development and Security of Vietnam — LAOS Border Area. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 16—19.

Annotation. The paper presents both negative and positive impacts of the main livelihood activities of Bru-Van Kieu ethnic group on socio-economic development and security of Vietnam-Laos border area.

Key words: Livelihood, the Bru-Van Kieu, socio-economy, security of border area, Vietnam — Laos border

---

1. Introduction

Vietnam and Laos are neighboring countries with long-standing friendly relations, especially during the resistance against colonialism and imperialism for national independence as well as nation building and development in the current period. In Laos and Vietnam, the Bru-Van Kieu ethnic group makes up a significant proportion of the population. According to the 2009 Population and Housing Census, the Bru-Van Kieu in Vietnam have a population of 74,506 people, living in 39/63 provinces and cities, but mainly concentrates in: Quang Tri (55,079 people), Quang Binh (14,631 people), Dak Lak (3,348 people), Thua Thien Hue (1,114 people), and Thanh Hoa province (38 people)¹. In Laos, according to Ethnologue's estimates, the Bru-Van Kieu have the population of about 69,000 people, speaking the Eastern Bru dialect, similar to their co-ethnic fellow of Vietnam². In both countries, the Bru-Van Kieu reside in high mountainous areas, where are the strategic locations in terms of geography, politics, economy, society, environment, and national defense and security. Before the Vietnam — Laos National Border Planning Treaty was signed (1977), Lao Bao Town of Huong Hoa District, Quang Tri Province and surrounding areas on the other side

of the border were jointly living and cultivating space of the Bru-Van Kieu. Since Vietnam and Laos carried out border delimitation, the Bru-Van Kieu reside in two countries and bear two different nationalities. However, they still have close relationships in terms of economy, culture and society³. Livelihoods of Bru-Van Kieu people in the Vietnam — Laos border area are now very diverse, however, there are three forms of livelihoods having major impacts on socio-economic development and security of the border area, including agriculture, handicrafts and trade exchange. Due to characteristics of lifestyle and the practice of shifting cultivation, the phenomenon of free migration, cultivation and residences a long the border has created complex and sensitive cross-border ethnic relations. This situation has caused difficulties for population management, protection of natural resources and maintenance of national security in border areas of Vietnam — Laos. The focus of this study is to point out both the positive and negative impacts of the main livelihood activities of the Bru-Van Kieu who live nearby Lao Bao border gate, Huong Hoa district, Quang Tri province of Vietnam, on the socio-economic development and security in the Vietnam — Laos border area.

2. Impacts of agricultural livelihoods

Bru-Van Kieu people living in the border area of Vietnam — Laos mainly cultivate swidden fields. The cultivation of staple-food crops usually only takes place in one crop during the spring-summer season annually. This reason leads to the fact that people having a lot of leisure time in the year. If a family has a large number of laborers but lacks of cultivation land, the leisure time will be longer. Thereby, this would impulse them to engage in a number of new livelihood activities such as exploiting forest products on both sides of the border, working as hirelaborers or working away from home with many kinds of jobs, running service businesses, etc., and even taking part in goods smuggling or drug trafficking across the border⁴.

Agricultural activities of the Bru-Van Kieu in Quang Tri province currently are quite varied and most are spontaneous depending on strengths of each household and each village/hamlet. This is also creating new issues such as borrowing land for cultivation, land disputes, encroachment of community's land and forest protection, cultivation crossing villages and borders, and free migration, etc. On the other hand, changes in cultivating activities directly or indirectly affect some animal husbandry activities, such as the gradual narrowing of grazing areas, conflicts among families and villages due to crops being harmed by cattles, etc. Importing non-traceable agricultural products without strict quarantine, and making goods containing residues of preservatives that are consumed massively, are adversely affecting consumers' health. The most significant matter is the import and use of chemicals and additives for agricultural cultivation that cause unforeseen harms to ecological environment of local people. There is a large area of upland fields on which lots of banana, pineapple and litsea trees are grown. Cultivating on such the large area of land, people cannot apply the traditional cultivating method of «slash-and-burn»; instead they use chemicals to facilitate the cultivation and reduce labor force. People are often unaware of what chemicals are, whether they harm their environment and health or not, rather the chemicals are used based on their experiences which are passed down orally. Containers of fertilizers, herbicides, pesticides, stimulants, and plastic bags for binding bananas after being used on the fields are burned when new crops start. This causes serious consequences for people's health, pollution of soil, water and air at an uncontrolled level.

As mentioned above, there are many problems due to changes in agriculture practice of the Bru — Van Kieu that have negative impacts on their life and local environment. However, the current renovation of land ownership mechanism and implementation of a number of policies of Vietnam government to support the development of have had positive impacts on cultivation activities of Bru-Van Kieu people in the Vietnam — Laos border area. Some people have gradually changed their thinking and practices related production activities, especially the development of a number of cash crops such as litsea, coffee, rubber, bananas, etc. These crops help them have stable income and put in use most of degraded soil for planting timber trees and zoning for forest protection. However, because the local soil has been exhausted, it is not effective if planting commodity trees without fertilizer and caring labor. Due to lack of food, many Bru-Van Kieu households in Vietnam have to borrow and rent land for cultivation in Laos. On the other hand, because the income from commodity crops is quite high, some households also rent land on the other side of the border to get profits. According to local people, the land in Laos is still abundant and the soil is quite fertile, which is still mainly self-managed and traditionally used by the Bru-Van Kieu as before, and Laos government still has little intervention in the traditional land ownership, therefore renting land is relatively easy. It can be seen that renting and borrowing land across the border of Bru-Van Kieu people of Vietnam is a very common phenomenon. Income from this economic activity plays a very important role in «their livelihoods. However, there are numerous hidden threats such conflicts and disputes over land issues in the border areas, that would effects in return to the cultivation activities of Bru-Van Kieu people.

3. Impacts of handicrafts

Handicrafts of Bru-Van Kieu people in the Vietnam — Laos border area are traditionally preserved in almost all stages: organization, production process and products consumption. Most households still organize production based on gender division of labor, the production often takes place in leisure time, and products are made mainly for the use of families. This shows that Bru-Van Kieu people here have not divorced from the self-sufficient economy. Current family handicraft activities of the Bru-Van Kieu in the Vietnam — Laos border area have a significant impact on socio-economic development in this region on both positive and negative aspects:

- Positive impacts: Family handicrafts are managed in small-scale and have not really become commodity production but have contributed to maintaining the ethnic cultural elements in the context of the market economy's strong impacts. Besides, handicrafts also contribute to preserving traditional relationships and exchanges among households in the village, among Bru-Van Kieu communities on both sides of the border. Handicraft products besides serving families' needs, they are also used as gifts to give to each other on occasions of festivals and other cultural events, thereby contributing to promoting cohesion of relatives and communities. On the other hand, due to small scale and indiversified handicraft items, this activity does not create strong competition with neighboring ethnic groups. Therefore, so far in the Bru-Van Kieu communities in the border area of Vietnam — Laos, there have been no sharp conflicts when producing, searching for raw materials, exchanging and selling products, etc. Therefore, it almost does not affect the ecological environment nor cause disunity in relations with other ethnic groups of the same area.
- Negative impacts: Due to self-sufficient capital, handicrafts of Bru-Van Kieu people have not created momentum for development of commodity economy as well as competition in local area. The process of changing the economic structure of each Bru-Van Kieu household and community takes place rather slowly. Every year, Bru-Van Kieu households only repeat their traditional activities such as cultivation, animal husbandry, self-sufficient handicrafts, etc. Only places of convenient transportation or getting strong impact from the Government's investment projects have more or less change in economic development thinking, but those changes have not happened evenly among members of the community. On the other hand, traditional handicraft of the people is now facing the risk of being unable to maintain production because of the emergence of industrial goods that are being sold widely at low prices⁷.

4. Impacts of trade and exchange activities

The exchange and trade activities of Bru-Van Kieu people currently in the Vietnam-Laos

border area are not commensurate with potentials and strengths of the frontier market, but it has contributed to the momentum of the gradual change in traditional production thinking, gradually developing more and more commercial products from cultivation, husbandry, and forest protection. The cultivation of high-yield maize and cassava varieties, raising livestock for selling, and increasingly expanding areas of planting some valuable industrial crops such as bananas, litsea, coffee, rubber, etc., have recently diversified livelihood activities and improved income for many households.

As taking part in trading and working as laborers, reaching to cities and towns, Bru-Van Kieu people have opportunities to exchange, learn and gain new experiences and knowledge that would be valuable for agricultural production and running small-scaled service businesses. Since then, it has been creating new relationships to promote the trading and consumption of products from crops, livestock and handicrafts. Through trading, people learn a lot of experiences in producing goods, creating a sense of self-accounting in production so as to be profitable. This situation has been impacting more and more effectively on Bru-Van Kieu households who rent shops to sell goods at markets or run service businesses, including those who are developing commercial products from crop cultivation and husbandry.

Culturally, trading activities of the Bru-Van Kieu are now creating conditions for them to gradually improve their closed lifestyle and opportunities for them to integrate in a culturally active way with neighboring ethnicities. In addition, the current trading activities of Bru-Van Kieu people in the Vietnam-Laos border area also open up opportunities to exchange and learn experiences of economic development among the peoples in the area on both sides of the border, contributing to strengthening mutual understandings among ethnic groups.

The current trading activities of the Bru-Van Kieu people in the Vietnam-Laos border play an important role in creating a driving force for the transformation of the local economic structure, creating new elements in terms of conceptions, psychological characteristics, ethnic relations and customs of mutual assistance in ethnic society. In addition to the positive impacts, the trading activities of Bru-Van Kieu people also create negative impacts on the socio-economic develo-

pment and security in the Vietnam-Laos border area as follows:

i) Accompanying the expansion of the current forms of trade and exchange is attraction of every manpower of each household to participate in livelihood activities, especially in the agricultural production season and to search for forest products. This situation has caused significant obstacles on schooling for most of Bru-Van Kieu young generation. The results of author's fieldwork survey in 2018 showed that most of the children were aware of that participation in labor is to help their parents because the family often lacked food, while their demand for using smart phones and motorbikes, etc. is increasing. Therefore, many children dropped out school to join labor.

ii) Trading activities and impacts from the market mechanism also reduce the sense of self-awareness of participating in the community meetings and social work of a number of Bru-Van Kieu people in border areas. In fact, despite being informed by village/hamlet officials, not many people attend community meetings. Most of those attending the meetings are entitled to loans or grants from the government. It is also difficult to mobilize a large number of people to participate in social work such as the affairs of unions and the works for public benefit. It is clear that this is also a social issue that needs to be addressed in the context of market mechanisms.

iii) In the Bru-Van Kieu society, the development of such trading forms is gradually increasing the gap between the rich and the poor, especially reflected in terms of the living standards and economic conditions of the households gaining a large income from cross-border trade.

iv) As the demand for trade is increasing, border-crossing transportation is also increasing more and more, especially crossing through small channels, making the management of demographic cross-border difficult. The forms of cross-border trade are also diversified, so it is difficult to control, including regular trade, goods smuggling, drug and weapon trafficking, etc., which is also one of the complicated issues taking place on the Vietnam — Laos border area.

5. Conclusion

The above analysis imply that the current livelihood activities of the Bru-Van Kieu people have changed significantly. In the current context, the activities are increasingly diversified, not only creating new income, improving economic life, especially trade exchange activities, but also an opportunity to expand relationships among Bru-Van Kieu communities on both sides of the

Vietnam-Laos border as well as with other ethnic communities inside and outside the country, especially with the ethnic majority of the country. However, the current livelihood activities of Bru-Van Kieu people in the Vietnam — Laos border have not really escaped from the notion of self-subsistence production. Therefore, the way and effectiveness of these activities are not commensurate with the potentials of economic development, natural resource characteristics as well as human resources of the region. It can be seen that the changes in livelihood characteristics of the Bru-Van Kieu in recent years have significantly affected their life, the socio-economic development and security of the Vietnam — Laos border area positively and negatively. In this context, it is necessary to have appropriate support from the State, local authorities and social organizations in the area where the Bru-Van Kieu people live to help them develop new forms of livelihood that are sustainable and effective; at the same time, limiting negative factors that restrainsocio-economic development, affecting the security situation of the border area.

References

1. The Central Steering Committee for Population and Housing Census (2010), *Vietnam Population and Housing Census 2009: Total results*, Statistics Publishing House, Hanoi.
2. Quang Tri Province» Statistical Office (2011), *Quang Tri Statistical Yearbook 2010*, Statistics Publishing House, Hanoi.
3. Bui Xuan Dinh and Nguyen Ngoc Thanh (major authors, 2013), *Some basic socio-economic issues in the border areas of Vietnam*, Social Science Publishing House, Hanoi.
4. Bui Thi Bich Lan et al. (2014), *Socio-economic changes of Bru-Van Kieu ethnic group from 1980—2014*, Synthesis Report, institutionalresearch project 2014, Institute of Ethnology, Hanoi.
5. Vu Dinh Muoi et al. (2016), *Cross-border economic activities of Bru-Van Kieu people in Lao Bao town, Huong Hoa district, Quang Tri province*, Synthesis report institutional research project 2016, Institute of Ethnology, Hanoi.
6. <https://www.ethnologue.com>, accessed on September 5th, 2017.

¹ The Central Steering Committee for Population and Housing Census, 2010, p.134

² <https://www.ethnologue.com>

³ Vu Dinh Muoi et al., 2016, p. 26

⁴ Bui Xuan Dinh and Nguyen Ngoc Thanh, 2013, p. 153-154.

⁵ Bui Xuan Dinh and Nguyen Ngoc Thanh, 2013, p. 38.

L'influence Mutuelle Des Cultures Causes Par Les Changements Globaux

Lyubov Grigorievna SKULMOVSKAYA,

docteur en sociologie, professeur, professeur du département des activités sociales et culturelles, des études culturelles et sociologie à l'Institut de la culture de Tioumen

E-mail: skolimovska@mail.ru

Svetlana Ivanovna KALINKINA,

maître de conférences, département de russe et de langues étrangères, Ecole supérieure pédagogique de profession de Russie

E-mail: Kalinkiny57@mail.ru

Для цитирования: L.G. SKULMOVSKAYA, S.I. KALINKINA. L'influence Mutuelle Des Cultures Causes Par Les Changements Globaux. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 20—25.

Annotation. L'étude culturelle contemporaine met l'accent sur les questions liées aux processus d'interaction et d'influence mutuelle des cultures causés par les changements globaux survenus dans les domaines politique, économique, scientifique, culturel et religieux. En conséquence, à l'ère de la mondialisation, l'ensemble des problèmes liés aux aspects culturels et linguistiques acquiert une importance et une pertinence particulières.

Key words: culture, code culturel, mondialisation, communication interculturelle, sémiotique, culturologie linguistique, parémie

Аннотация. В центре внимания современной культурологии лежат вопросы, связанные с процессами взаимодействия и взаимовлияния культур, обусловленные глобальными изменениями в политике, экономике, науке, культуре и религии. Следовательно, в эпоху глобализации комплекс проблем, связанных с культурологическим и лингвокультурологическим аспектами, приобретает особое значение и актуальность.

Ключевые слова: культура, культурный код, глобализация, межкультурная коммуникация, семиотика, лингвокультурология, паремия

L'une des tâches importantes dans les conditions modernes est l'analyse des processus d'interaction des cultures dans le contexte de la mondialisation, déterminé par l'intensification de l'interaction interculturelle. L'intensification des échanges et des contacts culturels entre des institutions et des groupes sociaux, des mouvements sociaux et des porteurs individuels de cultures différentes est un facteur majeur influant sur la préservation de la diversité culturelle. Il est impossible de trouver des communautés ethniques qui ne subiraient pas l'impact des cultures des autres nations tant que de l'environnement social plus large. L'extension de l'interaction des cultures et des peuples donne une importance particulière à la question de l'identité culturelle et des différences culturelles.

L'analyse des processus de mondialisation modernes permet de conclure qu'il existe différentes directions et plusieurs interprétations de ce concept. V.S. Zhidkov et K.B. Sokolov ont noté la présence de cinq aspects principaux de la

mondialisation: informationnel, politique, économique, technologique, écologique. Tous les aspects de la mondialisation sont interdépendants et influencent la sphère culturelle, mais dans le même temps, l'information détermine la mondialisation de la culture et elle rest primordiale [Zhidkov, Sokolov 2005: 550]. L'enrichissement de l'espace de vie culturel, sémantique et valeur peut conduire à l'unification des modèles culturels, à l'homogénéisation de l'espace culturel, à des modifications de la langue. Grâce à la nature dialogique des relations interculturelles, on s'ouvre au-delà de sa propre culture et de la possibilité d'une diversité culturelle.

Les processus modernes d'intégration, de mondialisation, d'élargissement des domaines d'interaction interculturelle englobent divers pays et peuples, stimulent diverses formes de coopération et d'échange. Dans le contexte d'un dialogue actif entre les cultures, les différences de langues, de valeurs culturelles et de visions du monde se heurtent, ce qui réduit considérablement l'efficacité des

processus susmentionnés [Sadokhin 2014: 290—298]. La nécessité de résoudre les conflits socioculturels est une réalité de la vie moderne. Par conséquent, conformément aux principes de la communication interculturelle, le dialogue culturel est un moyen universel de coexistence des individus. C'est à l'ère de la mondialisation que l'étude de la communication interculturelle est importante en tant que mécanisme d'une interaction sociale réussie de divers groupes ethno-sociaux [Kayak 2014: 348—362].

Un large débat dans les milieux scientifiques et politiques sur l'essence de la mondialisation en tant qu'outil permettant de rapprocher des pays de niveaux de culture différents montre la grande importance de ce processus. Les représentants de différentes communautés ethniques forment une compétence interculturelle, ce qui leur permet de communiquer librement avec des personnes d'autres cultures et d'exister dans une société multiculturelle. Les communications interculturelles acquièrent une importance particulière dans le processus de compréhension des changements sociaux survenant dans l'espace mondial à la fin du XXe et au début du XXIe siècle, dans un contexte d'intérêt croissant aux problèmes mondiaux [Skulmovskaya, Tchursinova 2014].

La culture incarne et produit l'histoire du peuple, qui est attachée dans la vie de dizaines de générations reliées par un territoire, des conditions communes, une longue existence et une langue. C'est la langue dans laquelle les représentants de l'une ou l'autre ethnie communiquent qui constitue un indicateur de la culture nationale et la base dialogique de la communication interculturelle ouvre la possibilité d'un enrichissement mutuel des cultures.

La méthodologie de recherche est basée sur une approche interdisciplinaire — l'étude de la culture en tant que générateur de codes culturels dans le contexte de la mondialisation nécessite l'utilisation de méthodes d'études culturelles, de psychologie, de linguistique, d'études comparatives, de sociologie de la culture, etc. Au cours du travail, une approche systématique de la culture a été utilisée pour identifier le lien continu entre culture et communication, l'impact du paradigme synergétique moderne des connaissances scientifiques sur la culture et la langue, ainsi qu'une analyse comparative pour identifier les caractéristiques spécifiques des communicateurs au sein de ces cultures ou d'autres.

À l'heure actuelle, le problème de l'interaction de la langue et de la culture devient de plus en plus pertinent et présente un intérêt considérable pour les chercheurs. Le problème de la langue occupe l'un des sommets de la science culturelle, au sein duquel se sont formées des orientations scientifiques telles que la sémiotique et la science culturelle linguistique (approches sémiotiques et linguistiques), principalement axées sur le langage.

Dans les conditions modernes, les représentants de diverses communautés ethniques forment une compétence interculturelle qui leur permet de communiquer librement avec des représentants d'autres cultures et d'exister dans une société multiculturelle. Récemment, une attention particulière a été accordée aux études sur les traditions culturelles et les stéréotypes nationaux exprimés en termes de langage. Les proverbes et les dictons diffusent les valeurs culturelles de différentes communautés ethniques, puisqu'une langue donnée transmet sa propre réalité à sa manière, sur la base de l'expérience historique d'un peuple, de ses traditions et de sa culture. Dans toutes les langues, la sémantique nationale et culturelle joue un rôle important, reflétant la vie et les coutumes du peuple qui se transmet au moyen du folklore, des œuvres artistiques, des sciences et des arts. La sémantique culturelle nationale est extrêmement importante dans l'approche de l'étude d'une langue étrangère, car elle permet à l'apprenant de se familiariser pleinement avec ses caractéristiques linguistiques. La manifestation de la sémantique culturelle nationale se retrouve aux niveaux grammatical, syntaxique et phonétique de la langue, mais sa manifestation la plus prononcée doit être considérée comme une unité avant de la langue: proverbes, dictons, aphorismes, dont la fonction est le reflet de la réalité extra-linguistique, des objets et des phénomènes du monde environnant.

Les problèmes de la culturologie linguistique ayant acquis un statut de pertinence au cours des dernières années, le concept de 'code de la culture' a été utilisé partout dans un sens large et étroit. Au sens large, le code culturel reflète la vision du monde et le comportement spécifiques d'une communauté linguistique particulière, historiquement dus à la 'mentalité' ou au «code culturel». Avec le développement de l'humanité, des archétypes ont commencé à apparaître, qui ont

ensuite acquis le statut de concept (maison, famille, jardin, etc.). Parallèlement au devenir de l'État et au développement de la culture, des codes sont apparus qui résument les modèles de comportement, les concepts clés, les idées et les formules esthétiques.

Le «code de culture» possède une entité formant un système, et l'homme des temps anciens a des idées archétypales et est capable de les coder. Le code culturel peut être considéré du point de vue des idées archétypales, il a un caractère universel et une spécificité ethnoculturelle. M.L. Kovshova et D.B. Gudkov proposent de considérer le code culturel comme un système de signes du monde matériel et spirituel traduisant les significations culturelles. Selon les hommes de sciences, les signes peuvent être verbaux et non verbaux, cependant, l'outil principal dans l'espace sémiotique d'une personne est le langage [Gudkov, Kovshova 2007].

V.N. Telia appelle les codes culturels des systèmes sémiotiques secondaires qui, par des moyens formels et matériels, codent le même contenu, réunissant l'image du monde, la vision du monde d'une communauté sociale et culturelle donnée [Telia, 1996; 288]. V.V. Khrasnykh affirme l'existence d'un certain nombre de codes de culture de base: codes de sujets, somatique, spatial, temporel, biomorphique [Krasnykh 2002].

Le langage, fixant des idées collectives, stéréotypées, de référence, objective l'activité interprétative de la conscience humaine. Le caractère national de la culture s'exprime dans le langage à travers la formation d'une culture de la paix, créée sous l'influence du langage comme reflet d'une certaine manière de représenter la réalité extralinguistique. Yu.M. Lotman interprète la culture comme un ensemble de valeurs matérielles et spirituelles de la société, comme un moyen de leur développement et de leur incorporation dans l'esprit et les activités des personnes pendant une période donnée [Lotman 2002]. Il oppose le linguocentrisme de R.O. de Jakobson la position sur le pluralisme des codes culturels et avance une théorie sur la culture en tant que générateur de code, selon laquelle chaque culture a ses propres codes culturels qui lui permettent de recevoir des textes transmis. R.O. Jakobson souligne la langue comme principal organisateur du continuum sémiotique de la culture [Jakobson 1996: 208].

La mondialisation a été un facteur de recherche interculturelle et transnationale, intégrant les ap-

proches occidentale et non occidentale et favorisant la compréhension des lois universelles qui s'appliquent à toutes les cultures. À cet égard, les représentants de diverses communautés ethniques forment une compétence interculturelle, ce qui leur permet de communiquer librement avec des représentants d'autres cultures et d'exister dans une société multiculturelle. Selon T.M. Kononova, le rôle des communications culturelles dans ce processus est très important, car la mondialisation se manifeste par l'interaction des cultures qui se reflètent dans les universels culturels (modèles) — traits générales, caractéristiques ou composantes de la culture, communes à tous les pays et tous les continents [Kononova 2005].

Dans le monde moderne, la possession d'une langue étrangère est extrêmement importante, mais l'utilisation vocabulaire minimal d'une langue ne signifie pas du tout le pouvoir de parler. Les moyens expressifs sont l'une des conditions nécessaires à la construction d'un discours brillant et figuratif, il est donc nécessaire d'appliquer habilement des expressions, des idiomes, des proverbes et des dictons ailés. A.S. Kinderknecht approuve que la traduction est une interaction interculturelle dans laquelle se pose souvent le problème de l'interprétation d'unités stables marquées civilisées qui reflètent une réalité extra-linguistique. Les proverbes, bien sûr, sont de telles unités, car ils contiennent l'expérience de la vie de diverses communautés ethnosociales et, en règle générale, dans d'autres cultures, il existe des variantes équivalentes permettant une compréhension adéquate de l'énoncé. Le problème des spécificités de la traduction des unités proverbiales consiste non seulement dans la recherche d'un équivalent, mais également dans la recherche de solutions de traduction, qui reste l'un des problèmes les plus pressants pour les chercheurs [Kinderknecht 2007: 4].

Les réflexions de O.D. Pavlova sont très intéressantes sur le plan scientifique en comparant les attitudes théoriques de S. Pinker et B. Worf à l'égard d'une langue étrangère [Pavlova, 2011: 71]. S. Pinker conteste l'hypothèse de Whil relative à la relativité linguistique [Pinker 2009: 258], affirmant qu'il n'existait aucune preuve scientifique de l'influence du langage sur la façon de penser de son porteur [Whorf, 1956: 258]. Stephen Pinker suppose également la possibilité d'utiliser un certain type de code pour la mise en œuvre de concepts et leur interaction dans la tête,

un langage de pensée ou un complexe de pensées, qui diffère de tous les langages existants dans le monde. Selon Pinker, les gens ne pensent pas en anglais ni en allemand — ils pensent dans le code mental qui sous-tend toutes les langues. Connaître la langue signifie donc savoir traduire le complexe mental en chaînes complexes, et inversement.

Malgré un nombre suffisant d'ouvrages consacrés à la parémiologie et à la traduction, M. Priva affirme que l'étude des proverbes est centrée sur leurs caractéristiques sémantiques et structurelles dans différentes langues mais n'affecte pas l'aspect de la traduction. Les traducteurs étudient le problème de la traduction des unités parémiologiques en raison de leurs activités professionnelles et citent en exemple des situations tirées de la pratique de la traduction personnelle et de l'enseignement. Un certain nombre d'ouvrages consacrés à la traduction d'unités proverbiales sont uniquement de nature empirique, ce qui rend difficile l'étude du problème de la traduction de parémies en termes méthodologiques.

Il existe actuellement des supports théoriques et pratiques permettant de découvrir les méthodes de traduction des proverbes, leurs particularités et les difficultés rencontrées au cours de la traduction. Cependant, la recherche d'œuvres holistiques consacrées à la traduction d'unités proverbiales est particulièrement difficile car, traditionnellement, elles sont appelées unités phraséologiques et sont considérées dans la section idiomatique. Parallèlement à cela, la traduction des proverbes est étudiée dans la perspective de la traduction des locutions. Dans la tradition de la traduction, l'unification des parémias et des unités phraséologiques semble être tout à fait justifiée, car ces deux tournures de parole sont des combinaisons figuratives de super-mots qui incarnent un sens culturel.

En plus d'un virage idiomatique, un proverbe a une signification marquée de culture. Grâce à des unités proverbiales et des unités phraséologiques de diverses cultures, une traduction de la réalité a lieu. Sous une forme figurée stable, ils traduisent la réalité sociale, acceptée et reconnue par tous les membres de la communauté ethnoculturelle, et la langue de traduction, selon M. Privat, sert d'outil pour coder la réalité sociale et donne lieu à sa version originale [Privat 1998: 288].

Par conséquent, pour une expression proverbiale donnée, vous pouvez essayer de trouver un

équivalent ou une correspondance toute prête dans la langue traduite. En l'absence d'un contexte de proverbe extralinguistique, la méthode de recherche d'un équivalent pourrait être considérée comme la plus pratique. K. Sumner-Paulin cite des preuves selon lesquelles les traducteurs de la langue africaine n'essayent souvent pas de trouver un équivalent sémantique en raison de diverses incohérences du plan culturel et recourent à la recherche d'unités proverbiales [Sumner-Paulin].

Lors de la traduction de proverbes, il est nécessaire de transférer l'originalité de la tradition linguoculturelle de la langue source. Une traduction littérale aide à préserver le sens culturel, ce qui est extrêmement important pour un transfert adéquat d'unités parémiologiques. Sur cette base, le dilemme de la préservation du contexte linguoculturel découle de la recherche d'un équivalent prêt à l'emploi, en négligeant les connotations socioculturelles de l'original ou la méthode de traçage.

À titre d'illustration, un proverbe japonais traduit en français: «Si tu dois être chien, sois de samouraï». Cela ressemble littéralement à ceci: «Si vous êtes destiné à devenir un chien, devenez un chien samouraï.» En russe, vous pouvez vous référer aux variantes suivantes de ce proverbe: S'il est amer, ajoutez-y du miel, si Cosaque Treuch l'a revêtu — ne soyez pas un pli, si pour pétrir le lin, alors dominer, si vous préparez du porridge, ne regrettez pas l'huile. Comme vous pouvez le constater, l'idée principale de l'expression proverbiale n'est pas perdue: «si être quelqu'un, alors être le meilleur»; cependant, la saveur traditionnelle de la parémie japonaise est perdue. Le problème du choix d'une transmission adéquate du sens se pose à nouveau: une traduction littérale ou une recherche d'un équivalent. Les scientifiques-parémiologistes soutiennent qu'il existe une équivalence parémiologique, ce qui vous permet de trouver une interprétation d'un proverbe dans une autre langue et de trouver une expression sémantiquement égale. Avec l'aide de dictionnaires parémiologiques électroniques, bilingues et multilingues, vous pouvez rapidement trouver l'équivalent nécessaire.

Par conséquent, trouver une correspondance ne constitue pas une solution au problème de la traduction des unités proverbiales. Parallèlement, en cas de difficultés lors du transfert de proverbes à valeurs multiples dans une autre langue, le tra-

ducteur peut faire référence à une traduction littérale. La traduction textuelle, la traduction littérale ou le traçage est un autre problème de la traduction d'unités proverbiales — c'est l'un des moyens de traduire des composants de proverbe de la source au langage traduisible. La calque ou traduction littérale est le fruit de la créativité du traducteur. Cependant, tout en préservant le contenu intérieur du proverbe, il existe souvent des cas de perte d'images. En l'absence d'équivalent, de l'avis de M. Privat, une stratégie de traduction littérale est adoptée. Dans le même temps, l'auteur affirme qu'en raison de la recherche, la grande majorité des expressions proverbiales espagnoles et françaises sont non équivalentes par rapport aux proverbes, qui sont totalement ou partiellement sémantiquement identiques [Privat 1998: 285].

Parallèlement à la méthode de recherche équivalente, il existe une stratégie dans laquelle le traducteur fait référence à la traduction artistique d'unités proverbiales, qui est une sorte de traduction littérale. La traduction littéraire implique la préservation totale ou partielle de la structure syntaxique et du contenu lexical, la compensation au niveau sonore et rythmique. Si une traduction littéraire est proche du littéral, la limite entre traduction littérale et littéraire peut être considérée comme conditionnelle. Dans l'exemple précédent du proverbe japonais, une traduction littérale et littéraire est présentée — une structure en deux parties, la rythmique, l'allitération, basée sur le son «s» — si vous êtes destiné à devenir un chien, devenez un chien samouraï. Contrairement à la traduction littérale, qui, en règle générale, ne présente pas de difficultés particulières et s'accompagne de marques expliquant l'un ou l'autre des phénomènes extralinguistiques. Le traducteur doit être capable de reconstruire une expression proverbiale dans la langue en cours de traduction, mais il ne faut pas négliger le contexte extralinguistique et la construction parémiologique.

Lors de la traduction d'unités proverbiales d'une langue à une autre, des pertes importantes se produisent, en particulier le plan sémantique, dont l'apparition est due au passage d'une langue maternelle à une langue étrangère. Lors de la traduction, souvent, une difficulté particulière est le transfert de la rime, qui devient la cause de la perte phonémique. L'expression proverbiale supporte une perte lorsqu'elle est «extraite» du contexte, ce qui entraîne une diminution de l'impact émotionnel et

évaluatif. Il convient de rappeler que le choix de l'équivalent entraîne des pertes liées à la perte du proverbe de sa couleur nationale. Pour commencer, il faut saisir le sens de l'expression proverbiale, la comprendre et étudier le comportement de la parémie en contexte et hors contexte.

Sur cette base, le traducteur doit prendre une décision: rechercher la conformité ou effectuer une traduction littérale, ainsi que prévoir quelle stratégie entraînera le moins de pertes. Par exemple, un proverbe africain traduit en français «pas de tatouage sans que coule du sang». La traduction littérale de l'expression proverbiale est «il n'y a pas de tatouage sans sang.» Dans ce cas, la forme interne de la parémie est préservée et les réalités culturelles sont transmises. Si vous transmettez le sens de ce proverbe à l'aide de l'équivalent russe: «Vous ne pouvez pas facilement sortir un poisson d'un étang», il perdra sa saveur. Cependant, sans ces décisions de traduction, il sera difficile pour le destinataire de comprendre le sens de cette expression. Cependant, il est possible d'éviter les difficultés de trouver une solution à un problème d'identification du but de la traduction.

Selon M. Privat, le but de la traduction détermine le choix de la solution de traduction, qui considère trois tâches principales [Privat 1998: 285]:

- l'inclusion d'une expression proverbiale étrangère dans une entrée de dictionnaire ou une collection parémiologique monolingue;
- création d'un dictionnaire parémiologique bilingue ou polinguel;
- traduction d'une expression proverbiale d'une œuvre d'art classique.

Dans les première et troisième situations, le traducteur utilisera toutes ses compétences pour que le résultat de sa traduction soit une option proche de la forme de l'expression proverbiale, puis dans la seconde situation une stratégie de traduction de la situation est acceptable utilisation d'équivalent fini. Selon de nombreux chercheurs, il existe à ce stade un certain nombre d'autres difficultés, telles que la préservation de l'effet euphonique et la recreation de la forme de l'expression parémiologique. Compte tenu de la structure en deux parties de la parémie, de la présence d'archaïsmes, de mots rares, d'assonance, d'allitération, de rimes, le traducteur doit choisir une stratégie appropriée. Les étapes étudiées du travail avec des expressions proverbiales dans l'aspect traduction révèlent un certain nombre de situations contradictoires qui placent le traducteur avant un choix: la présence / l'absence de contexte; polysémie unités proverbiales; la présence / absence d'informations sur les

réalités culturelles de manière proverbiale; objectifs et types de transfert de paremias.

Les exemples ci-dessus montrent que lors de la transmission d'une expression proverbiale dans une autre langue, le choix de la stratégie est influencé par la situation. L'analyse des processus de mondialisation modernes permet de conclure qu'il existe différentes directions et plusieurs interprétations du concept. De nombreuses approches de la compréhension de la mondialisation sont déjà dépassées, et les scientifiques ont estimé que la mondialisation n'était pas un processus unidirectionnel et quelque peu planifié, mais une combinaison de processus multidirectionnels et contradictoires. Parallèlement aux processus d'intégration et d'unification, on assiste à une augmentation des différences culturelles, à une recherche d'identité et à un fondamentalisme. Dans les conditions modernes, il existe plusieurs modèles de mondialisation à la fois, et le passage des États nationaux à la société humaine universelle signifie en réalité le passage d'un type de diversité et de complexité à un autre.

Procession du modernisme, de la mondialisation, d'élargissement des domaines d'interaction interculturelle englobent divers pays et peuples, stimulant diverses formes de coopération et d'échange. Dans le contexte d'un dialogue actif des cultures, les différences de langues, de valeurs culturelles et de visions du monde se heurtent, ce qui réduit considérablement l'efficacité des processus susmentionnés. Un large débat sur l'essence de la mondialisation démontre la grande importance de ce processus en tant qu'outil permettant de rapprocher des pays de cultures différentes. Les représentants de différentes langues ethniques forment une compétence d'interculturelle, qui leur permet de communiquer avec des personnes d'autres cultures et exister dans une société multiculturelle.

Le langage est une substance vivante qui subit des changements permanents dans son développement. Après avoir analysé la spécificité sémantique des expressions proverbiales françaises et russes à travers le prisme des codes culturels, on peut affirmer que, dans différentes images du monde, le même composant aura des significations différentes. Le problème de la traduction des proverbes et des dictons mérite une attention particulière de la part des chercheurs car, dans le domaine de la linguistique, il reste l'un des plus importants et des plus pertinents.

Compte tenu du fait que les proverbes et les dictons font partie de la culture du peuple, le traducteur doit faire très attention à cet héritage inestimable.

References:

- Gudkov D.B.*, Telesnyj kod russkoj kul'tury/ D.B. Gudkov, M.L. Kovshova. Moskva; Gnozis, 2007. 287 s.
- Zhidkov, V.S.* Iskusstvo i obshhestvo/ V.S. Zhidkov, K.B. Sokolov. Sankt-Peterburg: Aletej, 2005
- Kajak, A.B.* Processy mezhkul'tunogo i mezhdizovannogo vzaimodejstvija: principy, mehanizmy i kriterii ocenki ih rezul'tatov/A.B. Kajak// *Sovremennaja kul'turnaja politika kak kreativnaja dejatel'nost': upravlenie i innovacii*. Koll. monografija v 2 ch., pod obshh.red. O.N. Astaf'evoj Sankt -Peterburg: JeJDOS, 2014. S.348—362.
- Kinderneht, A.S.* K voprosu o perevode poslovic/ A.S. Kinderneht// *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*. Vyp. № 10 (16). Perm». 2007. S. 3—10/
- Kononova, T.M.* kul'tura, tvorčesvto, intellekt lichnosti: teoreticheskie diskussii v poiske istiny/ T.M. Kononova. Tjumen»: VektorBuk, 2005. 270s/
- Krasnyh, V.V.* Jetnopsiholingvistika i lingvol' turologija/ V.V. Krasnyh. Moskva: Gnozis, 2002. 283 s.
- Lotman, Ju.M.* Istorija i tipologija russkoj kul'tury: semiotika i tipologija k kul'tury/ Ju.M. Lotman. Sankt-peterburg: Iskusstvo, 2002. 768s.
- Pavlova, O.D.* Jazyk kak osnova kul'tury/ O.D. Pavlova// *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (217). 2011. S.69—73/
- Pinker, S.* Jazyk kak instinkt / S. Pinker: per. s angl. Moskva: labrikom, 2009. 456s.
- Skul'movskaja L.G.* Jazyk perevoda kak instrumentkodirovanija social'noj real'nosti/ L.G. Skul'movskaja, M.A. Chursinova // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2014. № 6; URL: <http://science-education.ru/120—16749> (data obrashhenija: 05.06.2017).
- Telija, V.N.* Russkaja frazeologija/ V.N. Telija. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 s.
- Jakobson, R.O.* Jazyk i bessoznatel'noe/R.O. Jakobson. Moskva:Gnozis, 1996. 218 s.
- Privat M.* Á propos de la traduction des proverbes // *Revista de Filologia Romanica*. № 15. 1998. p. 281—289.
- Sumner-Paulin C.* Traduction et culture: quelques proverbes africains traduits // *Meta*. Volume 40, numéro 4, décembre 1995// <http://www.erudit.org/revue/meta/1995/v40/n4/003802ar.html> (date d'accès 09.10.14).
- Whorf B.* The relation of habitual thought behavior to language // *Language, Thought and Reality*, N, Y. L. 1956. S. 258.

УДК 340.1
ББК 67.0

Factors of Development of Modern Russian Law

Факторы развития современного российского права

Olga Vasilievna BARANOVA,
candidate of the Department of theory of state and law
of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot, senior teacher-methodist,
management of educational and methodical work
E-mail: bubochka1411.yandex.ru

Ольга Васильевна БАРАНОВА,
соискатель кафедры теории государства и права
Московского Университета МВД России
имени В.Я. Кикотя старший преподаватель-методист,
управления учебно-методической работы
E-mail: bubochka1411.yandex.ru

Научный руководитель: Н.Ф. Медушевская, доктор юридических наук

Рецензент: К.Е. Сигалов, доктор юридических наук

Научная специальность по публикуемому материалу: 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Для цитирования: О.В. Баранова. Факторы развития современного российского права. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 26—30.

Annotation. The article is devoted to the identification of the systemic impact of the main factors on the modern Russian law, leading to its sustainable and possibly consistent development. At the same time, the author proceeds from the fact that the question of the development of law can be solved only if it is understood as a historical and cultural phenomenon.

Key words: Russian law, legal system, system of legal relations, system of legal consciousness, system of legal norms, system of legal realization, factor

Аннотация. Статья посвящена выявлению системности воздействия основных факторов на современное российское право, ведущих к его устойчивому и по возможности непротиворечивому развитию. При этом автор исходит из того, что вопрос о развитии права может решаться только при условии понимания его как историко-культурного феномена.

Ключевые слова: российское право, правовая система, система правоотношений, система правосознания, система правовых норм, система правореализации, фактор

Анализ права определенного общества всегда должен быть связан с пониманием его как культурного, а не только государственно-политического феномена.

Конечно, наиболее существенные и заметные изменения во всех основных сферах современного российского общества связаны в первую очередь с социально-политическими процессами. Однако при этом не должна утрачиваться задача сохранения национальной идентичности. По целому ряду причин, признаваемых отечественными учеными как в настоящем времени, так и в прошлом, «путь у России в самом деле особый, в него входит и постоянная ориентация на Запад. Это своего рода саморегуляция культуры»¹.

Главная роль в сохранении национальной идентичности принадлежит, безусловно, культурному фактору, поскольку именно он прежде всего вносит в общественную и государственную жизнь стабилизирующее начало, придает ее развитию оптимальный темп.

Если культурный фактор менее значим в его связи с другими факторами — а это как раз характерно для современных обществ, — то изменения становятся излишне динамичными, и право становится менее устойчивым, превращается в простой инструмент государственного воздействия на общество. Развитие при этом тормозится, и «то, что мы принимаем за развитие, обычно является рекомбинацией тех факторов, которые лежат в мозаике»². В современной России изменения, по нашему мнению, приняли именно такой характер.

Аналогичные изменения в современной России происходят и с правом. При этом наблюдаются следующие тенденции.

Во-первых, правовое регулирование все больше зависит от соответствия права уровню и характеру экономического развития. Усиление воздействия экономического фактора объективно ведет к развитию частноправовой сферы. Именно в этом смысле право необходимо обществу. При такой тенденции воздействия экономического и социального фактора на право становятся согласованными.

Важно отметить, что при такой тенденции политический фактор играет уже не столь доминирующую роль, хотя в значительной степени по-прежнему не ведет к развитию гражданского общества, нередко подменяя самоорганизующиеся общественные процессы использованием административного ресурса³. И это в немалой степени является отражением отечественной традиции, которую хорошо описал, в частности, И.В. Киреевский: «Даже самое слово право было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни братья, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений»⁴. Традиция принимать власть, силу за право в немалой степени сохранилась, поскольку так называемое право силы является до сих пор действенным средством обеспечения интересов небольшой части населения. Власть, пишет В.М. Межуев, всегда оказывалась сильнее права, полагая, что это отличает Россию от других стран, в том числе и передовых. На самом деле в указанной связке власть всегда сильнее права, если право отделено от власти, и всегда сильнее права, если право лишь служит власти⁵.

С данным фактом связана негативная тенденция к бюрократизации не только государственной, но и общественной жизни⁶. Конечно, эта тенденция характерна не только для России, но и для всех современных государств.

Во-вторых, право в России в настоящее время сохраняет свой публичный характер и еще слабо связано с условиями существования гражданского общества⁷.

Публичное право в его развитии является сложной результирующей воздействия как позитивных, так и негативных факторов. К позитивным факторам развития публичного

права, например, Н.А. Придворов и В.В. Трофимов относят: «устойчивый рост экономики и повышение доходов и уровня жизни граждан; благоприятную социальную обстановку в стране, снижающую степень социальных противоречий и способствующую уменьшению отчуждения граждан; эффективную деятельность институтов политической системы по решению основных задач общественного развития строго в правовом русле, что позволяет предотвращать правовые риски»⁸. К факторам, отрицательно влияющим на развитие публичного права, в частности, Ю.А. Тихомиров относит «экономические и финансовые кризисы; снижение социальных гарантий; природно-техногенные катастрофы; внешние и внутренние политические угрозы»⁹.

Развитие публичного права, в свою очередь, ведет, в-третьих, к тому, что оно связывается преимущественно с расширением массива законодательства, притом, в административно-правовом ключе. Этот процесс делает право рутинным и формальным, изобилие законов невозможно без их процессуализации, которая единственно может привести их в действие.

В-четвертых, тенденцией, сопровождающей становление массового общества, является усиление процесса отчуждения человека в правовой сфере. «Отчуждение норм позитивного права – это явление превращения правотворческой деятельности человека и ее результатов – норм позитивного права в самостоятельную и враждебную ему силу. Данный вид отчуждения характеризуется тем, что та или иная норма, институт или отрасль позитивного права выступает в качестве враждебной силы не только по отношению к доминирующим классам, но и в определенной мере по отношению к классам не господствующим»¹⁰.

Далее изложим представления о современном российском праве в ракурсе развития основных элементов правовой системы общества.

а) Для общей характеристики системы правоотношений существенным является выделение следующих моментов. Во-первых, чрезмерная дифференцированность правоотношений делает их недостаточно управляемыми.

Во-вторых, система правоотношений в определенной степени разбалансирована практикой использования средств, не соответствующих природе и механизмам, присущим гражданско-правовой сфере. Складывание гражданско-правовых отношений в значительном

объеме не является самоорганизующимся процессом.

В-третьих, система правоотношений поддерживается не столько результативностью практики, сколько системой контроля и принуждения. «Широкое вмешательство в правовую систему России, основанное только на волевых вершущих элементах, приводит лишь к прогрессирующей потере эффективности правового регулирования»¹¹.

б). Система правовых норм характеризуется их разрастанием за счет детализации и специализации, которая делает их труднодоступными или вообще непонятными обычному человеку.

Изменения законодательства являются результатом действия мер организационно-политического, государственно-властного воздействия; они идут сверху. Поэтому следует говорить скорее о росте законодательства, а не его развитии. Качество законов и иных нормативных правовых актов находится в обратной зависимости от их количества. Центральная регулирующая роль в России отведена не законам, а подзаконным актам, приказам и инструкциям, а это отрывает законодательный процесс от правообеспечения.

в). Наибольшие проблемы современного российского государства и общества существуют в области правосознания. Во-первых, многими учеными отмечается низкий уровень правосознания населения, следствием чего является пассивное отношение членов общества к реализации своих прав. Во-вторых, современная правовая идеология в основном сориентирована на нормы и идеалы либерально-демократической государственности, призванные воздействовать на общественное правосознание¹². Однако общественное правосознание исторически сориентировано на иные ценности¹³. В-третьих, на современное массовое правосознание негативно влияет глобализация, затрагивающая все сферы общественной жизни. В-четвертых, отмечается конфликтность массового правосознания с профессиональным правосознанием, что отрицательно сказывается на правореализации.

г). Относительно правореализации в рамках российской правовой системы можно сказать следующее. Во-первых, возрастание значимости механизма реализации правовых норм закономерно ведет к процессуализации всего массива нормативных правовых актов, в том числе подзаконных. Во-вторых, «какие

бы усилия ни предпринимались для получения желаемой модели правопорядка, сделать это на основе государственного нормативного моделирования невозможно»¹⁴. В-третьих, степень реализуемости законов в настоящее время невысока. В-четвертых, система правореализации представляет собой в настоящее время преимущественно систему правового принуждения и юридической ответственности.

Сочетание этих элементов позволяет сформировать общую картину развития современного российского права, его направленность, а также смоделировать результативность такого развития в ближайшем будущем.

Во-первых, темп развития современного российского права является не следствием внутреннего импульса, исходящего от самого права, а политико-государственной задачей замены прежней правовой системы новой, соответствующей новой государственности. Этот процесс целенаправленный и является опережающим естественное развитие права.

Во-вторых, развитие российского права носит преимущественно «догоняющий» характер. Право реконструируется под западные образцы, что считается каналом интеграции в современное мировое сообщество. Данный процесс носит внутренне противоречивый характер. «Доминирование западных ценностей в идеологии последних десятилетий не могло не привести к тому, что правосознание отечественных мыслителей стало еще более европоцентричным»¹⁵.

В-третьих, развитие права в отдельных компонентах происходит за счет юридизации массива общественных отношений, хотя правовым по своей культуре российское общество пока не стало. «Являясь закономерным и естественным для одних обществ — прежде всего западных, — в то же время юридизация является вынужденной и искусственной мерой для других. И здесь возникает проблема культурного освоения данного процесса»¹⁶.

Надо сказать, что юридизация общественных отношений является не произвольным процессом, она отражает объективную закономерность развития общества в целом, значительное усложнение жизни которого требует формализованной системы правовых регуляторов. Негативным последствием этого процесса является то, что другие формы права (групповое и индивидуальное право) теряют свою значимость и силу.

В-четвертых, при возрастании, даже с точки зрения государственных интересов, гражданско-правовой сферы жизни общества возрастает также роль административно-правового регулирования общественных отношений, и потому развитие права становится внутренне противоречивым¹⁷. Еще «советская теория права в методологическом и институциональном отношении очень тесно была привязана к цивилистике, настолько тесно, что подчас их предметы невозможно было различить (теория правоотношения, правонарушения, ответственности, субъективные права и обязанности и т.д.)»¹⁸. На наш взгляд, это является следствием ограниченности и известной условности отношений собственности, прежде всего в экономическом смысле.

В-пятых, изменения во всех элементах правовой системы общества недостаточно устойчивы без государственного контроля и давления.

В общем развитие современного российского права оценивается как момент переходного этапа в развитии государства и общества¹⁹, или «состояние переходной неопределенности»²⁰. В такой «переходной» правовой системе трудно предсказать устойчивость развития не только правосознания – наиболее инертной подсистемы, – но и весьма динамичной системы правовых норм. «В других регулярностях, – писал Г.Д. Гурвич, – проявляется бесспорный упадок статутного права государства и договорного права; все учающийся возврат к партикуляризации правового регулирования, значимого для ограниченных кругов заинтересованных сторон; все усиливающееся укрепление регулятивного механизма социального права в ущерб механизму индивидуального права; растущая роль права, формулируемого *ad hoc*, и интуитивно-права в ущерб фиксируемому заранее праву, усиление внутри фиксируемого заранее права влияния традиций, социальных деклараций, судебных и других практик, коллективных соглашений, декретов и т.д. (все это – за счет государственного законодательства); все более острая борьба между механизмами правового регулирования различных социальных классов и профессий»²¹. В этой характеристике отражена не конкретная социальная ситуация, а моменты, имеющие глубокие культурные корни.

В конечном счете не экономика, не политика и не культура сами по себе определяют

направленность развития общественной жизни, а сочетание всего множества факторов объективного и субъективного плана. Кроме того, «в современной переходной ситуации для российского общества важно не противопоставление, а диалог трех правовых традиций: дореволюционной, советской и современной, что может привести только к гармонизации общественных отношений»²².

В своей совокупности анализ описанных факторов позволяет создать модель российского права, хотя любая модель права приблизительна и весьма абстрактна. Но с достаточной уверенностью можно утверждать, что модель российского права будет складываться прежде всего под влиянием глобализационных процессов, унификации и формализации правовых регуляторов общественной жизни, а также усилении современных государств, поглощении ими всех сфер жизни общества.

Список литературы

1. Гражданское общество / Под ред. В.П. Малахова, А.А. Автономова, В.В. Гриба. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2016.
2. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004.
3. Дубинина Е.Н. Юридизация отношений в современном обществе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Изд. дом «Нева», 2004.
5. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центполиграф, 1994.
6. Зырянов М.Ю. Социально-философский анализ правосознания (некоторые аспекты) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 2(14). С. 104–109.
7. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России / Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 11–67.
8. Куреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007.
9. Козлихин И.Ю. Право, закон и власть в современной России / Наш трудный путь к праву: Материалы философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2006. С. 62–74.

10. *Клименко А.И.* Функционально-структурные характеристики современной правовой идеологии. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2016.

11. *Межуев В.М.* О нашей Конституции / *Философия права в начале XX столетия через призму конституционализма и конституционной экономики.* М.: Летний сад, 2010. С. 43–54.

12. *Муромцев Г.И.* Современное российское право как частный случай права в переходном обществе / *Право и общество в эпоху перемен: Материалы философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца.* М., 2008. С. 187–211.

13. *Овчинников А.И., Далгатова А.О.* Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // *Философия права.* 2016. № 2(75). С. 59–64.

14. *Право и общество: эволюция во взаимодействии.* Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 28–29 марта 2014. М.: РУДН, 2015.

15. *Придворов Н.А., Трофимов В.В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.: Норма, 2012.

16. *Ромашов Р.А.* Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы // *Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова.* СПб.: Алетейя, 2018. С. 101–112.

17. *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2014.

18. *Соломко З.В.* Теоретические проблемы правового отчуждения. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2005.

19. *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли: сопоставительный анализ. М.: ИФ РАН, 2008.

20. *Тихомиров Ю.А.* Управление на основе права. М.: Формула права, 2007.

⁵ *Межуев В.М.* О нашей Конституции / *Философия права в начале XX столетия через призму конституционализма и конституционной экономики.* М.: Летний сад, 2010. С. 69.

⁶ См. об этом, в частности: *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М.: Центполиграф, 1994; *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли: сопоставительный анализ. М.: ИФ РАН, 2008.

⁷ *Гражданское общество / Под ред. В.П. Малахова, А.А. Автономова, В.В. Гриба.* М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2016.

⁸ *Придворов Н.А., Трофимов В.В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.: Норма, 2012. С. 172.

⁹ *Тихомиров Ю.А.* Управление на основе права. М.: Формула права, 2007. С. 100.

¹⁰ *Соломко З.В.* Теоретические проблемы правового отчуждения. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 198.

¹¹ *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2014. С. 557.

¹² О современной правовой идеологии см., например: *Клименко А.И.* Функционально-структурные характеристики современной правовой идеологии. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2016; *Овчинников А.И., Далгатова А.О.* Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // *Философия права.* 2016. № 2(75).

¹³ См., например: *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней России / *Наш умственный строй.* Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Изд-во «Правда», 1989; *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. СПб.: Изд. дом «Нева», 2004.

¹⁴ *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2014. С. 557.

¹⁵ *Овчинников А.И., Далгатова А.О.* Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // *Философия права.* 2016. № 2(75). С. 63.

¹⁶ *Дубинина Е.Н.* Юридизация отношений в современном обществе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4.

¹⁷ *Право и общество: эволюция во взаимодействии.* Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва, 28–29 марта 2014. М.: РУДН, 2015.

¹⁸ *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2014. С. 569.

¹⁹ *Муромцев Г.И.* Современное российское право как частный случай права в переходном обществе / *Право и общество в эпоху перемен: Материалы философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца.* М., 2008.

²⁰ *Ромашов Р.А.* Перманентная переходность как постоянное состояние российской государственно-правовой системы // *Кризис права: история и современность: монография / под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова.* СПб.: Алетейя, 2018. С. 31.

²¹ *Гурвич Г.Д.* Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 769.

²² *Зырянов М.Ю.* Социально-философский анализ правосознания (некоторые аспекты) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* Серия: Социальные науки. 2009. № 2(14). С. 106.

¹ *Кантор В.К.* Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН, 2007. С. 37.

² *Лузан А.А.* Три лекции о гражданском обществе. М.: ОГИ, 2006. С. 10.

³ См.: *Козлихин И.Ю.* Право, закон и власть в современной России / *Наш трудный путь к праву: Материалы философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца.* М.: Норма, 2006.

⁴ *Киреевский И.В.* Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. С. 355.

Socio-Philosophical Concepts of K.D. Ushinsky and the Problem of Education

Социально-философские воззрения К.Д. Ушинского и проблема образования

Vitaliy Yurievich BELSKY,
doctor of philosophical sciences, Professor,
head of the Department of sociology and political science
Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич БЕЛЬСКИЙ,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры социологии и политологии
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Научная специальность: 09.00.03 — История философии

Для цитирования: В.Ю. Бельский. Социально-философские воззрения К.Д. Ушинского и проблема образования. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 31—34.

Annotation. The article deals with the social and philosophical views of one of the founders of the Russian pedagogical science K.D. Ushinsky. The connection of its basic pedagogical ideas with the understanding of society as a socio-cultural space of human development is revealed.

Аннотация. В статье рассматриваются социально-философские воззрения одного из основоположников российской педагогической науки К.Д. Ушинского. Раскрывается связь его основных педагогических идей с осмыслением общества как социокультурного пространства развития человека.

Key words: education, society, culture, pedagogy, individual, personality

Ключевые слова: образование, общество, культура, педагогика, индивид, личность

К.Д. Ушинский является одним из создателей педагогической антропологии. Он планировал изложить свои воззрения в фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Завершены были только две части, посвященные физиологическим и психологическим аспектам воспитания¹.

Третий том, в котором должны рассматриваться собственно педагогические проблемы, завершен не был. Наш тезис состоит в том, что еще до формирования идеи педагогической антропологии, К.Д. Ушинский разработал социокультурную антропологию в процессе своей работы над камеральными науками. Именно эта концепция могла быть использована для предполагаемого дальнейшего развития педагогической антропологии.

Речь «О камеральном образовании» занимает в наследии ученого особое место, поскольку демонстрирует разнообразие и пол-

ноту его социально-философских воззрений, а также первое систематическое проявление его самостоятельной мысли. Эта речь содержит три части, из которых позитивное систематическое и методологическое значение имеет вторая, развитая на базе широкого историко-философского обзора и определяющая цели науки о хозяйстве. В ней представлена система взглядов, в которой целостным образом описывается и трактуется вся история человечества как процесс естественного развития, в рамках которого выделяется сфера политической экономии. Теоретической особенностью этой системы оказывается то, что качественно разные сферы деятельности людей находят в ней возможность теоретического описания на разных, но равно действительных основаниях, и система взглядов при этом обнаруживает внутреннее единство.

Отметим, что ученый с самого начала рассматривал процесс воспитания как диалекти-

ческое единство социального и биологического, отводя важную и определяющую роль общественной сущности человека. Он с философских позиций раскрывал противоречивую биосоциальную сущность индивидуального развития (онтогенеза) человека. С одной стороны он показывал биологическую природу человека, с другой — связывал ее с исторически определенной социальной сущностью.

К.Д. Ушинский полагал, что в основании идеи воспитания у каждого народа лежит особенная идея о человеке: в историческом развитии человечества народы являются организмами и личностями, и воплощают каждый свою идею; каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях. Процесс воспитания понимается как сознательная, целенаправленная деятельность, отличная от стихийного «воспитания природой». Воспитание может создать вторую природу человека; воспитание должно просветить сознание человека, раскрыв его социальную сущность.

Констатация того, что человек развивается только в обществе, для К.Д. Ушинского является своего рода аксиомой². Он сразу же определяет свое понимание развития человека как процесса приближения его (человека) к своей человеческой сущности. Общество при этом рассматривается как сущность, которая «вызывает эти законы природы человеческой и выражает их в своем организме»³. Основой педагогической антропологией становится специфическая социокультурная антропология.

В работе «О камеральных науках» К.Д. Ушинский проводит теоретическую реконструкцию человеческой истории, основные методологические черты которой прослеживаются и в последующих его трудах. Не связывая себя ни с какой частной философской системой взглядов, К.Д. Ушинский называет некоторых своих предшественников в деле построения системы знаний о человеке и обществе, таких как Гегель и Конт. Но уже начальные наброски его собственной системы показывают как яркую самостоятельность, так

и глубокую ее продуманность вместе с привлечением большого объема исторического материала — от древних до современных обществ. Несмотря на явные следы влияний, К.Д. Ушинский все же на почве типично русских идей строил вполне самостоятельную систему взглядов на устройство человеческого мира.

Описание строения социально-философской системы К.Д. Ушинского является непростым делом, поскольку она представляет собой сложную взаимосвязь гетерогенных определений, относящихся и к развитию человека, и к развитию общества. Этот подход характеризуется следующим образом: «Каждый круг общественного организма необходим потому, что в каждом из них развивается одна из сторон природы человеческой, которая только чрез этот общественный круг входит в горнило вечного исторического развития»⁴.

Заметим, что вопрос о человеческой природе как в случае политико-экономических, так и в случае психологических и антропологических изысканий К.Д. Ушинский решал с естественнонаучных позиций, как вопрос фактического знания.

Исходное положение — это констатация односторонности человека, прежде всего половой, поэтому вступление человека в брак и есть установление его первой общественной связи⁵. Дальнейшее существование такой общности как брак связывается с воспроизводством общества в хозяйственной деятельности, которая переводит брачный союз в разряд постоянных структур общественной жизни.

Дальнейшее развитие общества определяется вступающим в силу новым типом реальных условий — появлением детей, расширяющим общественный круг. Рождение детей характеризуется такой феноменальной повседневной чертой общественного существования, как их начальная полная зависимость от родителей, притом что детство человека длится дольше, чем у животного. Добавляется антропологическая характеристика развития характера, в котором изначально участвует

передаваемый по наследству физический темперамент, хотя непосредственно действующими факторами развития характера являются окружающие детей условия жизни, в первую очередь — связь с родителями.

Основой передачи характера служат не непосредственно психологические особенности, а идея, выражающая способ добывания средств к жизни, которая отражается на всем имуществе дома. Дом, включающий в свой состав непосредственно связанные совместным хозяйством поколения, оказывается следующим типом объектов, выражающих специфический тип объединения людей. Наконец, продолжение хозяйствования после смерти родителей фиксирует общий характер, выражающий общую идею, в «семейном духе», который есть «первое существо не материальное и отрешенное от индивида»⁶.

Обратим внимание на то, что К.Д. Ушинский создает довольно специфическую социально-философскую конструкцию, в чем то похожую на «Философию духа» Гегеля, но в натуралистическом духе. Соответственно, возникают проблемы соотношения линейной логической связи разных определений социально-антропологической предметности и ее эволюционных, а также исторических, характеристик. В результате, учение об обществе приобретает форму социокультурной антропологии, в которой социальные и культурные феномены выступают, с одной стороны, как элементы экзистенциальной аналитики человеческого бытия, а, с другой — как объекты камеральных наук.

К элементам патриархального общества добавляются элементы общества родового: местность, разнообразие характеров, поколения, не связанные непосредственным чувством, род, последовательность поколений как выражение отношений между членами рода, каста. Следующая ступень развития обществ — племенные общества, характеризующиеся наличием «единства характера», мифа, воображения, мысли, а также единства языка, религии и земли.

Следующая ступень развития человеческих обществ представлена народом, для консти-

туирования которого необходима общая история. При этом единство земли заменяется единством страны, а единство характера отражает единство страны. Затем появляются общины, сословия и города. Их возникновение сопровождается возникновением народного интереса, выражаемого, в частности, в системе меркантилизма.

Еще одна ступень развития — возникновение гражданской общности, которой соответствует новый тип объектов — личности, на ином уровне дополняемые воплощающим их материальным миром. Характерологическая сторона этой ступени выражена такими теоретическими объектами как эгоизм, личный интерес и право собственности (гражданское право). В то же время, возникает зародыш нового элемента человеческой общности в виде политико-экономической истины, общей для разных личностей.

Дальнейшее развитие истины в человеческой общности и приводит к политико-экономическому обществу, чьим существенным определителем является материальный интерес, а составляющими его непосредственными элементами — такие сословия как работники, ремесленники, фабриканты, капиталисты и землевладельцы. наконец, в число теоретических сущностей этого этапа развития человечества входят также климат, положение страны, почва и типичные произведения этой страны.

При этом каждая из выделенных ступеней имеет либо историческую, либо культурно-географическую привязку, вроде отождествления типичной семейной общности с Китаем, а развитую родовую систему — с Индией.

Описав непосредственные элементы своей реконструкции человеческой истории как элементы определения предмета камеральных наук, К.Д. Ушинский вводит также и теоретические элементы, определяющие историю человечества внешним для его реконструкции образом. Этими элементами оказываются у него закон разделения труда и природа как организм. При этом интересно отметить, что закон разделения труда в рассуждениях

К.Д. Ушинского выступает в двойственной роли. С одной стороны, это закон, открытый Адамом Смитом, и характеризующий специальную сферу производства человеческих материальных богатств. С другой же стороны, ученый увлекается им настолько, что придает ему статус общемирового закона.

Помимо отношений исторической преемственности, ступени развития общества связаны также и отношением взаимного осуществления. Это означает, что низшие сферы, сохраняя свою самостоятельность по отношению к высшим, отделяют от себя все не присутствующие им по их понятию черты и характеристики, оставаясь при собственном интересе. Получается, что осуществление общности высшей по шкале истории человечества, одновременно позволяет низшим общностям осуществиться согласно своему понятию⁷. При этом «государство окончательно собирает в себя все сферы общества в органической их связи между собою»⁸, причем все они находятся в государственном организме в одно и то же время.

Таким образом, выделенные в нашем рассмотрении существенные элементы социально-философской концепции К.Д. Ушинского являются гетерогенными. В его изложении отсутствует и единая логика, способная вывести все эти элементы из одного корня. Но эти особенности концепции отвечают вполне замыслу ученого, состоящему в том, чтобы показать развитие «кругов общественного организма» как необходимых для развития каждой из соответствующих сторон человеческой природы. Эта необходимость состоит в вовлечении всех качеств человеческой природы, всего человека, и телесного, и духовного, в историческое развитие.

Теоретическая связь его концепции рассчитана на разноуровневое объединение всех частных логик развития в рамках как ступеней этого развития, так и вечного возвращения к полноте человеческой жизни, воплощенной в жизни повседневной. Эта теоретическая связь выражается в представлении о типе целостности результата — развитом

связном многообразии сфер человеческой деятельности. Но исследование К.Д. Ушинского носит еще и характер проектирования. Он высказывает убеждение в том, что уже известные типы человеческой общности все еще недостаточны, и что в истории должна быть реализована ступень человеческой общности, законом единства которой является христианская истина. Развитие этой идеи мы находим у Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и других русских мыслителей⁹.

Синтезируя гегелевский метод с современными ему требованиями естественнонаучного метода, К.Д. Ушинский разработал и применил оригинальный метод исследования разноплановых общественных организмов, являющихся развитием отдельных черт повседневной жизни человека и объединяемых в теоретической конструкции как непосредственно — на феноменальном уровне, так и в перспективе — на уровне полного развития всех сторон человеческой природы.

¹ Наука и образование перед вызовами современного российского общества // Философские исследования и современность: Вып.8. М., 2019.

² Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1988, т. 1. С. 73.

³ Там же. Т. 1. С. 73.

⁴ Там же. Т. 1. С. 96.

⁵ Там же. Т. 1. С. 74.

⁶ Там же. Т. 1. С. 74.

⁷ Там же. Т. 1. С. 99–100.

⁸ Там же. Т. 1. С. 100.

⁹ Бельский В.Ю. Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. №1. С. 10–12. См. также: Цивилизация и модернизация: история и современность // М.: Изд. СГУ, Монография. Под ред. Бельского В.Ю., Когай Е.А. 364 с., 2019.

Imperial Doctrine in Support of Civilizational Entities of Russia

Имперская доктрина в обосновании цивилизационной сущности России

Arkady Nikolaevich BOROZDIN,
Ph.D., docent, professor of the Department
of sociology and political science of Moscow
University of the MIA of Russia of V. Ya.Kikot
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич БОРОЗДИН,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры социологии и политологии Московского
университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя
E-mail: rinabora@mail.ru

Для цитирования: А.Н. Бороздин. Имперская доктрина в обосновании цивилизационной сущности России. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 35—41.

Annotation. Explores the experience of the first original interpretations of the history of mankind as the historical tradition of shifts of Empires and the place of Russia, Russian civilization in this global process.

Key words: civilization, civilization, the Catholic monarchy, Empire, the Orthodox Empire, Russia, Europe, slavophilism, identity, nationality, the Slavs, orthodoxy, autocracy, conservatism, westernism taken

Аннотация. Исследуется первый оригинальный опыт трактовки истории человечества как исторической традиции смены империй и места России, русской цивилизации в этом мировом процессе.

Ключевые слова: цивилизация, мировая цивилизация, Вселенская монархия, Империя, православная Империя, Россия, Европа, славянофильство, самобытность, славянство, народность, православие, самодержавие, консерватизм, западничество

На протяжении всей истории России одним из центральных вопросов развития ее религиозной, философской, социально-политической мысли была проблема определения цивилизационной сущности Руси, ее специфики, места и роли в мире. Цивилизационная самоидентификация России на протяжении последнего тысячелетия получала то религиозно-православное обоснование (концепции киевского митрополита Илариона, в дальнейшем — «Святой Руси», «Москва — новый Иерусалим»), то православно-имперское — «Москва — III Рим, то проявлялось в синтезированном походе, воплотившемся в известной триаде — «Православие, Самодержавие, Народность» с различными вариантами приоритетов ее компонентов: религиозного, монархического, или этно-племенного (панславизм XIX-начала XX вв. и русский национализм XX в.); то геополитическая модель в лице евразийства.

Заметное место среди этих концептов занимает державническая, монархически-имперская

парадигма. Но практически во всех ее вариантах (от Н.М. Карамзина и М.Н. Каткова, до Л.А. Тихомирова и И.Л. Солоневича) имперский аспект проблемы, как правило, отходил на второй план по сравнению с апологетикой монархизма в различных его вариантах: от абсолютизма (Н.М. Карамзин, М.Н. Катков, К.П. Победоносцев), до русского самодержавия (славянофилы, Л.А. Тихомиров) и так называемой «Народной монархии» И.Л. Солоневича. Под имперскостью, как правило, имелась в виду апологетика русского самодержавия, составлявшая суть государственно-охранительного направления в русской социально-политической мысли XIX-начала XX вв., в противовес различным попыткам его коренного преобразования в либерально-демократическом, парламентском духе, или, тем более, ликвидации в ходе революционных преобразований.

Оригинальных же доктрин собственно имперской проблематики, где во главу угла ста-

вился бы именно имперский принцип организации цивилизации, почти нет. В этом отношении, несомненно, привлекает к себе внимание политическое творчество Ф.И. Тютчева, - попытавшегося если и не создать, то, по крайней мере, сделать тезисный теоретический набросок оригинальной концепции, положившей в основу цивилизационного развития человечества в целом, и России в частности, именно принцип имперского устройства социума. Набросок, не получивший, к сожалению, в дальнейшем своего всестороннего обоснования и развития, весьма схематичный и не во всем убедительный, но, безусловно, своеобразный и заслуживающий внимания. В связи с этим несколько странным выглядит тот факт, что не только во многих работах, посвященных имперской проблематике¹, но даже в изданной М.Б. Смолиным в 2005 году довольно основательной работе «Энциклопедия имперской традиции русской мысли»², имя Ф.И. Тютчева почему-то даже не упоминается. А ведь Ф.И. Тютчев был не только известным поэтом, но и дипломатом, профессиональным политиком и основательным политическим мыслителем, занимавшим свое особое положение в идеологическом спектре. Он выдвинул свою собственную, весьма специфическую концепцию сущности и закона исторического развития человечества, места и роли России в этом процессе, ее цивилизационного образа и положившего принцип империи в основу цивилизационного развития.

Ф.И. Тютчева невозможно без оговорок отнести ни к одному идейно-политическому направлению. Ближе всего ему были славянофильство и почвенничество, но, скорее всего, его систему взглядов можно было бы поместить между славянофильством и державничеством М.Н. Каткова.

В вопросе о цивилизационной идентичности России Тютчева со славянофилами роднили, прежде всего, представления о России как будущем центре объединения славянских племен и народностей, которому отводилась роль оплота их независимости в противостоянии внешним враждебным силам, и убеждение

в особом, самобытном пути развития России. В то же время он далеко не все разделял и принимал в славянофильстве. Если для последнего ведущими ценностями были православие и народность, немислимая без общности, то для Тютчева ключевым понятием была «державность», хотя и в теснейшей связи с православием и народными началами, а так же славянским единством. Как дипломата и политика Тютчева в первую очередь занимали все-таки государственно-политические интересы России. Близость, но не полное совпадение позиций Тютчева и славянофильства отмечал тесно с ним общавшийся И.С. Аксаков: «...собственное мирозерцание Тютчева находится с ним (славянофильством — А.Н.Б.) если не в прямой связи, то в соотношении», признавая при этом, что: «Самое это учение, в своем целом объеме, как учение ...не было вполне сформулировано или выражено в виде точного кодекса...». В анализе Аксаковым соотношения воззрений славянофилов и Тютчева обращает на себя внимание неоднократно повторяющийся термин — «почти»: «...почти полное подтверждение его собственных ...воззрений, почти тождественную с его мнениями систему». Но особый интерес представляет вывод Аксакова: «Тютчев не только пришел к выводам, совершенно сходным с основными славянофильскими положениями, но и к их чаяниям и гаданиям, — а в некоторых политических своих соображениях явился еще более *крайним*»³.

У Тютчева не было идеи национальной обособленности России от общеевропейского исторического процесса. Соглашаясь с тем, что Россия не принадлежит к германороманской цивилизации, и «не питалась ни одним из корней этой цивилизации», мечтая о самобытном, не повторяющем европейский, пути развития России, он, тем не менее, неизменно воспринимал ее в системе европейских стран. Все, что происходило с ними, неизменно влияло на внутреннюю жизнь и внешнюю политику России. Выражаясь современным языком, позиция Тютчева сводилась к тому, что европейская цивилизация состоит из двух самостоятельных, самобытных субцивилиза-

ций: западной и восточной. Он настаивал на утверждении, что «Россия — та же Европа, только Восточная, ее действительная и существенная часть, с которой придется считаться западным странам»⁴. Несмотря на то, что Запад «видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от нее стихию» и на то, что «в течение веков европейский Запад совершенно простодушно верил, что кроме него нет и не может быть другой Европы», Тютчев настаивал на том, что все это время «жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, христианская, как и он, правда не феодальная и не иерархическая, однако тем самым внутренне более христианская...». На востоке Европы существовал «целый Мир, Единый в своем Начале, прочно взаимосвязанный в своих частях, живущий своей собственной, органической, самобытной жизнью...»⁵. Политически актуализируя эту проблему, Тютчев писал в августе 1868 г.: «Лозунг завтрашнего дня — это *возрождение Восточной Европы*, и пора бы нашей печати усвоить себе это слово: *Восточная Европа* как определенный политический термин»⁶. При этом Тютчев отмечал довольно парадоксальный факт, а именно то, что, несмотря на долгую историю своего существования: «Западная Европа еще только складывалась, а мы уже существовали, и существовали, несомненно, со славой. Вся разница в том, что тогда нас называли Восточной Империей, Восточной Церковью; мы и по сей день остаемся тем же, чем были тогда. Что такое Восточная Империя? Это законная и прямая преемница верховной власти Цезарей. Это полная и всецелая верховная власть, которая, в отличие от власти западных государств, не принадлежит какому бы то ни было внешнему авторитету и не исходит от него, а несет в себе самой свой собственный принцип власти, но упорядочиваемой, сдерживаемой и освящаемый Христианством». Генезис и эволюцию Восточной Империи Тютчев рассматривает полутора тысяч лет, начиная в Византийской Империи — «...древней, первой Восточной Империи». И здесь своеобразный византизм Тютчева отчасти воспроизводит извест-

ную теорию старца Филофея «Москва — III Рим»: «...Вследствие одного из тех событий, что чередуются по воле Провидения и одновременно естественного ускорения в истории, на следующий день после, казалось, своего бесповоротного падения под ударами судьбы Восточная Империя на самом деле окончательно вступила во владение собственным бытием. Турки заняли Константинополь в 1453 году, а через девять лет, в 1462 году, великий Иван III вступил на престол в Москве». Но более интересно то, что Тютчев не просто постулирует историческую преемственность, но подчеркивает процесс исторического развития, своеобразного «созревания» феномена Восточной Империи, отмечая, что подлинная держава Востока — это «уже на три четверти сформировавшаяся Восточная Европа, ...для которой первая империя византийских кесарей, древних православных государей, служила лишь слабым, незавершенным наброском»⁷.

Россия, тем не менее — «это мир, только начинающий осознавать основополагающее начало собственного бытия»⁸. К сожалению, процесс этот несколько затянулся, ибо и в настоящее время, через полтора столетия после этих высказываний Тютчева, задача осознания собственного бытия, собственных цивилизационных основ, по-прежнему остается актуальной для России.

Поэтому весьма критичным было его отношение к представителям либерально-реформаторского западничества: «Чем либеральней, тем они пошлее». Он был противником каких-либо политических заимствований с Запада, перенесения в Россию его порядков и государственных форм — не только как чуждых, неорганичных для России, но и на опыте доказавших свою непригодность. Он отрицательно относился ко всем западноевропейским формам государственности, в его представлении «составляющим, в сущности, единую демократию». Российские же западники, ориентировавшиеся исключительно на мнение Западной Европы, получили от Тютчева весьма нелицеприятную характеристику: «Напрасный труд — нет, их не вразумишь, — Чем либеральней, тем они пошлее, Цивилиза-

ция — для них фетиш, Но не доступна им ее идея. Как перед ней не гниеть, господа, Вам не снискать признания от Европы: В ее глазах вы будете всегда Не слуги просвещения, а холопы». В отношении же московских и прочих западников он отмечал: «Этим господам страшно хочется играть в английские лорды. ...Все это ребячество, непонимание, ограниченность. Дело-то в том, что ни в каком случае вы из русского дворянства не выкроите английской аристократии». А в отношении агрессивно настроенных западников он употреблял и более резкие выражения: «Действительно, эти отбросы русского общества, это антирусское отродье...»⁹.

Более того, Тютчев обратил внимание на такой специфический феномен, как взаимосвязь «чужебесия» (по меткому выражению Ю. Крижанича), поклонения Европе и — русофобии. Так, в 1865 году он писал: «Совершившаяся уже коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный... Была высказана, как принцип, *безнародность* верховной русской власти, то есть медиатизация (низведение ее на степень не господствующей, а подчиненной в России силы — А.Б.) Русской народности»¹⁰. Эти факты неотделимы от развития еще одного «современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей»¹¹. Поэтому, ратуя за исправление правительственной политики и не приемля западноевропейских форм либеральной демократии и парламентаризма, он уповал на сближение верховной, самодержавной власти с народом и в духе славянофилов, да и всех других представителей самобытного направления провозглашал: «*Чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ*»¹².

Отставание собственного национально-государственного, цивилизационного интереса России легло в основу и его критики внешней политики правительства России. Тютчев подчеркивал, что здесь недопустимы благодушие и доверчивость, забвение своих интересов во имя абстрактных всечеловеческих, а на самом деле — чужих. В одном из писем зимой 1854 года он писал, что Россия «вступает в схватку с целой Европой. Каким обра-

зом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих, вдруг оказывается перед лицом огромнейшего заговора? И, однако ж, это было неизбежным». Неизбежным, в изрядной степени и потому, писал он в письме к И.С. Аксакову уже в 1867 году, что ближайшее окружение российских государей, оказывавшее непосредственное влияние на формирование политики, являло такие качества, как «мудрость юродствующих и прозорливость слепотствующих... Все это, сверх того, обличает, не говорю — непонимание, а совершенно превратное понимание судеб России и исторических законов ее развития... Грубейшее, например, непонимание этой простой фактической истины, что если бы нам и удалось в самом деле умиротворить Запад, то этот умиротворенный Запад неминуемо и совершенно логично опрокинется на нас же всем грузом европейской коалиции»¹³. Критикуя деятельность русофобствующей «пятой колонны» в руководстве России и среди привилегированных ее сословий, Ф.И. Тютчев справедливо полагал, что для их нейтрализации необходимо вернуть Россию на свой самостоятельный цивилизационный путь развития. Но для реализации этой цели России, к сожалению, придется, вероятно, пройти через весьма серьезные потрясения. Анализируя деятельность противников России на Западе, он с горечью отмечал, что в России «...так много людей, которые готовы дать им полное удовлетворение в этом отношении и... могут ей сделать гораздо больше вреда благодаря своему положению... Это как бы заколдованный круг, в который вот уже в течение двух поколений мы заключили национальное самосознание России и понадобилось бы действительно, чтобы Господи удостоил нас. Сам здорового пинка, чтобы мы разорвали этот круг и стали бы опять на свой путь»¹⁴.

При этом Тютчев не просто констатировал враждебность Запада по отношению к России, но и подчеркивал принципиальную несовместимость западной и русской цивилизаций: «...дело идет не о России одной, но о целом племени. Удержит ли оно за собою свою ис-

торическую самостоятельность для будущего развития или окончательно погубит и утратит ее. Более тысячи лет готовилась нынешняя борьба ...Западных племен противу нашего. ...От исхода предстоящей борьбы зависит решение вопроса: которая из двух самостоятельных должна погибнуть: наша или Западная; но одна из них должна погибнуть непременно — *быть* или *не быть*, *мы* или *они*...»¹⁵.

Слабость внешней политики России, настаивал Тютчев «составляет непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого противника, но старалась только служить ему подкладкой»¹⁶. И как опытный и трезвый политик он указывал на простой, но эффективный рецепт успеха внешней политики России: «Усобица на Западе — вот наш лучший политический союз...»¹⁷. В этом же духе он высказывался в одном из писем (30 марта 1866 года): «Мы не можем достаточно проникнуться убеждением этой, так сказать, стихийной враждебности Запада как целого в отношении к нам... Не союза с ним должны мы искать, а его внутреннего разъединения... Пока его составные части не враждуют между собою, европейская коалиция против нас всегда возможна и близка»¹⁸.

Вопрос о цивилизационной сущности России нашел отражение и в известном трактате Тютчева «Россия и Запад», где он решался в контексте его концепции всемирного исторического процесса, как процесса зарождения, развития и смены мировых империй. Ф.И. Тютчев настаивал на том, что никакое общество не могло бы жить без власти. Высшая форма реализации государственной власти — «Вселенская монархия». А Вселенская монархия — это Империя. Империя — это принцип. Она едина и неделима. Империя существовала всегда — это традиция. Империя не умирает, она передается, переходит из рук в руки.

В истории человечества существовало 4 Империи: Ассирия, Персия, Македония, Рим. С Константина начинается 5-я Империя, окончательная, Империя христианская. Папа, восстав против Вселенской Церкви, узурпировал права Империи, которые поделил как добычу с так называемым императором Запада.

Отсюда все то, что обыкновенно случается между сообщниками. «Длительная борьба между *схизматическим* римским папством и *узурпированной* Западной империей, окончившаяся для одного Реформацией, т.е. отрицанием Церкви, а для другой — Революцией, т.е. отрицанием Империи».

Тютчев полагал, что человечество приближается «ко вселенской монархии, то есть к восстановлению законной империи». При этом он был убежден в том, что «революция 1789 года представляла собой разложение Запада. Она уничтожила автономию Запада». А с 1815 года Империя уже полностью ушла с Запада и сосредоточилась там, где во все времена существовала законная традиция Империи — на Востоке. Только в качестве императора Востока царь является императором России. «Мы приближаемся ко Вселенской монархии, то есть к восстановлению законной Империи». А на самим же поставленный вопрос: «Что же такое Россия? Что она собой представляет?», он категорично отвечал: «Две вещи: Славянское племя, православную Империю». При этом — «Империя едина: православная церковь — ее душа, славянское племя — ее тело». Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы. «Империя Востока — это Россия в окончательном виде».

На пути к ее бесповоротному воцарению, настаивал Ф.И. Тютчев, необходимо осуществление двух великих дел: в области светской — образование греко-славянской Империи; в области духовной — воссоединение обеих церквей. Первое из этих дел началось с того дня, когда Австрия, дабы спасти для себя подобие бытия, прибегла к помощи России. Ибо Австрия, спасенная Россией, непременно станет Австрией, поглощенной Россией (чуть раньше, чуть позже). «Поглощение же Австрии это не только необходимое для России как для славянской империи восполнение, это и подчинение ей Германии и Италии, двух *Земель Империи*». В то же время Тютчев понимал определенную условность рисуемых им перспективных границ империи, их зависимость от особенностей будущего исторического развития. Этим размышлениям посвящено стихотворение «Русская география»: «Москва и град Петров, и Константинов град — Вот царства русского заветные столицы... Но

где предел ему? И где его границы — На север, на восток, на юг и на закат? Грядущим временам судьбы их обличат... Семь внутренних морей и семь великих рек... От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, от Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная... Вот царство русское... и не пройдет вовек, Как то провидел Дух и Даниил предрек»¹⁹. Но всему этому должно предшествовать воссоединение Церквей, обязательным условием чего должно быть лишение римского папы его светской власти²⁰.

В результате всех этих рассуждений Тютчева цивилизационный образ России получается у него довольно противоречивым: Россия и русское племя, русский народ оказываются по сути дела растворенными в общеславянской империи и общеславянском племени, а будущая славянская империя и соответствующее цивилизационное образование, вдруг должны включить в себя такие неславянские образования как Австрия, Германия и Италия. Видимо, здесь дают о себе знать геополитические аспекты политической доктрины Тютчева, задолго до Маккиндера обозначившего границы Хартленда. Невольно приходят на ум и некоторые аспекты учения евразийства, возникшего в начале 20-х гг. XX столетия с его идей «Континента-Евразии».

Преодоление церковного раскола, безусловно, необходимо для будущего единства Востока и вообще — Вселенской монархии, но мина разноплеменности остается. Нейтрализовать ее может только единое государство: «Мы не имеем никакого повода созидать на Востоке искусственные политические самостоятельности и скреплять их чуждыми нам династическими интересами. Это было бы с только же противно истории, сколько и России. Для органического строя всей этой области православного Востока, или, лучше сказать, всей Восточной Европы, пора бы наконец понять, хоть нам по крайней мере, что тут места нет отдельным державствам, как в Западной Европе, — что для всех этих земель и племен нет и быть не может законной Верховной Власти вне России, вне русского единого государства, и что всякая попытка создать там какие бы то ни было организации, отрешенные от нас, от органической солидарности с нами, — никогда ни к чему не поведут, т.е. ни к чему прочному»²¹.

Итак, идейно-политическое наследие Тютчева в целом, и решение им проблемы цивилизационной идентичности России на основах имперскости, православия и племенного единства, в частности, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, — справедливая установка на необходимость учета специфики, своеобразия исторического развития различных стран, трезвая оценка расстановки политических сил на мировой арене, точное предсказание европейских войн и грядущей мировой войны. А с другой стороны, — носящие скорее характер социально-политической утопии установка на создание греко — славянской империи, воссоединения церквей и т.п. Примечательно здесь то, что будущая империя должна быть именно «греко-славянской», а не «русской», или, хотя бы — «российско-славянской». Попытка реализации данной идеи, несомненно, поставила бы под вопрос сохранение традиционной русской цивилизационной модели. На всю неоднозначность исторической перспективы «славянского мира» указывали не только Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, но и еще ранее — А.С. Пушкин, жестко сформулировавший дилемму с возможным катастрофическим исходом для России: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? Вот вопрос». Это действительно принципиальный вопрос будущности русской цивилизации. А в варианте, предложенном Тютчевым, проблемность этой перспективы усиливалась и добавлением к «братьям» славянам (в том числе, например, окатоличенным и цивилизационно и исторически враждебным к России полякам) еще и иных племен и народов — германских, австрийских, мадьярских, румынских, итальянских и т.д. Кстати, с изрядной долей условности можно допустить, что в своеобразно превращенной форме этот проект на недолгое время получил свое специфическое воплощение во второй половине XX века в виде своеобразного геополитического образования — блока Советского Союза и подконтрольных ему восточноевропейских стран социалистического содружества. Но исторический опыт показал, что это образование оказалось неустойчивым, цивилизационно разнородным и противоречивым, по крайней мере, на современном этапе развития.

Не менее проблемной выглядит и установка на воссоединение церквей. При этом, остается не совсем понятным — на какой собственно основе должно произойти это воссоединение церквей. Лишение римского папы светской власти — это конечно уступка со стороны католиков. Но можно ли сводить все тысячелетние противоречия между католиками и православными только лишь к одному этому фактору. И, более того, встает весьма принципиальная проблема — а что потребуют от православной церкви, на какие уступки она должна пойти, и останется ли она после этого *русской православной церковью*. Невольно вспоминается проект теократического общества В.С. Соловьева, где тоже предусматривалось объединение церквей при сохранении за римским папой только лишь духовной власти, а не политической, которая милостиво оставалась русскому царю. Но Соловьев при этом открыто писал о том, что для этого объединения *Россия должна совершить акт национального самоотречения*. А с другой стороны, возникает вопрос: а не являлся ли данный проект Ф.И. Тютчева (пусть даже невольно, неосознанно) одной из ступеней к развернувшемуся в XX столетии экуменическому движению?

Таким образом, в прогностически-теоретических построениях Ф.И. Тютчева проблема цивилизационной идентичности будущей России (как варианта очередного этапа развития христианской Империи, или Вселенской Монархии) причудливо сочетает в себе элементы всемирной цивилизации в ее глобалистском варианте, с определенными религиозными и этническими компонентами — православием и славянством. Но Россия выступает в данном случае не как самостоятельное и самоценное цивилизационное образование, а только лишь как средство более общего цивилизационного, геополитического проекта. Поэтому и в расстановке идейно-политических объединений и направлений Тютчев занимал свое особое место, не сводимое к концептуальным моделям ни раннего славянофильства (несмотря на много раз высказанные к нему симпатии и поддержку), ни к панславизму Н.Я. Данилевского, ни к цивилизационному образу России К.Н. Леонтьева.

В целом же, необходимо признать, что все политические, цивилизационные проблемы, которые поднимал и пытался решать Ф.И. Тютчев, были актуальными не только для его времени, но, безусловно, сохранили ее и в нынешнее время. Многие его предостережения, предвидения в области мировой политики, нелицеприятные оценки политической элиты и так называемой образованной публики, весьма и весьма злободневно звучат и в наши дни.

¹ См. напр.: Неизбежность империи. Сб. статей по проблемам российской государственности. М., 1996; Православная государственность: 12 писем об Империи. Сб. статей. СПб., 2003 и др.

² *Смолин М.Б.* Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М., 2005.

³ *Аксаков И.С.* Федор Иванович Тютчев // Ф.И.Тютчев: pro et contra, антология.- 2-е изд. СПб, 2018. С.96-99.

⁴ Цит. по: Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. М., 1988. С. 164-165.

⁵ *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия // Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2011. С. 42-43.

⁶ *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма, В 6-ти томах. Т. 6. М., 2004. С. 342.

⁷ *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад. С. 44, 55, 61

⁸ *Тютчев Ф.И.* Записка // Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2011. С. 54-55.

⁹ Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. С. 390, 352.

¹⁰ Там же. С. 387.

¹¹ Цит. по: *Кожин В.В.* Пророк в своем отечестве (Ф.И. Тютчев и история России XIX века). М., 2001. С. 281, 329, 346.

¹² Цит. по: Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. М., 1988. С.152.

¹³ Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. С. 293.

¹⁴ Цит. по: *Кожин В.В.* Пророк в своем отечестве. С. 281.

¹⁵ Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. С. 422.

¹⁶ Цит. по: *Кожин В.В.* Пророк в своем отечестве. С. 276.

¹⁷ *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 6. С. 275.

¹⁸ Там же. С. 133-134.

¹⁹ *Тютчев Ф.И.* Русская звезда: Стихи, статьи, письма. М., 1993. С. 195.

²⁰ См.: Литературное наследство. Том 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. М., 1988. С. 205-225.

²¹ *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 6. С.126.

Clash of Projects of Transformation of Europe

Столкновение проектов преобразования Европы

Mikhail DELYAGIN,
Scientific Director of the Institute for Globalization
Problems, Doctor of Economics
E-mail: office@unity-dana.ru

Михаил ДЕЛЯГИН,
научный руководитель Института
проблем глобализации, доктор экономических наук
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: М. Делягин. Столкновение проектов преобразования Европы. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 42—45.

Annotation. The main long-term projects which collision defines the future of modern Europe are opened. The key role of Brexit in destabilization of the European Union and the beginning of its accelerated transition to new quality is shown. The exclusive role of Austria is proved.

Key words: European Union, Germany, competition, Bannon's mission, Austria, NATO, mission European army

Аннотация. Раскрыты основные долговременные проекты, столкновение которых определяет будущее современной Европы. Показана ключевая роль Brexit в дестабилизации Европейского Союза и начале ускоренного перехода его в новое качество. Обоснована исключительная роль Австрии.

Ключевые слова: Европейский Союз, Германия, конкуренция, миссия Бэннона, Австрия, НАТО, европейская армия

Стратегия США: не допустить превращения Европы в глобального конкурента

Англия традиционно ослабляла Европу поддержкой второго по силе континентального субъекта (кем бы он ни был) против сильнейшего, чтобы не допустить его власти над континентом. Эта объективно обусловленная и постоянная стратегия была творчески переработана представителями финансовой группы Ротшильдов в стремление к максимальному раздроблению Европы и распаду империй на незначительные национальные государства для установления финансового контроля за последними.

Глубочайшая, длившаяся поколениями, поистине талмудическая по непримиримости ненависть банкирского дома Ротшильдов к Российской империи (которая казалась иррациональной наивным российским императорам, как минимум дважды посылавшим к ним парламентаров), увенчавшаяся войной против нее на уничтожение, ведшейся в основном американской ветвью Ротшильдов (через Кунов и, прежде всего, Якоба Шиффа), была вызвана именно блокированием этих планов —

и после наполеоновских войн, и в ходе революций 1848—1849 годов.

Вместе с положением мирового гегемона США унаследовали и многие объективно обусловленные стратегии Британской империи, в том числе и по отношению к континентальной Европе. Начиная с планов уничтожения послевоенной Германии (одно из преступлений Сталина перед англосаксонской цивилизацией — их блокирование, включая идею Рузвельта об уничтожении немецкого народа поголовной насильственной стерилизацией [3]; впрочем, несколько миллионов немцев в западных зонах оккупации успели стремительно выморить до развязывания США «холодной войны»), стратегия США заключалась в предельном политико-интеллектуальном ослаблении Европы, чтобы она никогда не могла стать им стратегическим конкурентом.

Кстати, морально-идеологическое ничтожество Европы во многом вызвано ее соучастием в американо-английском послевоенном проекте уничтожения немецкого национального сознания. Как признал Черчилль, «мы стремимся уничтожить не нацизм Гитлера, а дух Шиллера». С упоением выполнявшие эту

функцию в отношении немцев другие европейцы выполнили ее (по мере расширения данного проекта на них) и по отношению к себе — в рамках единых принципов толерантности.

Переформатирование Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в Евросоюз, породившее принципиально безответственную (в стиле советской интеллигенции) и при том диктующую национальным властям брюссельскую евробюрократию (назвав ее «элитой»), Вы можете спровоцировать драку в любой стране Европы), как и хаотическое расширение последнего как можно дальше за рамки не только культурной идентичности, но и элементарной управляемости, были элементами реализации этой стратегии.

Развязанные США балканские войны и подчинение евробюрократии НАТО ликвидировали глобальный потенциал объединенной Европы, не дали ей стать самостоятельным геополитическим субъектом [2], замкнули ее в собственной региональной местечковости, — обусловив тем самым ее загнивание.

Вrexit: высвобождение Германии

Успех этой стратегии диалектически привел к самоотрицанию в виде Вrexit'a: английская элита, сохранившая самосознание, поддалась инстинкту самосохранения и в ужасе шарахнулась от Брюсселя, когда тот оказался готов всерьез обсуждать предложенное Обамой в виде Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТИП) самоубийство Европы во благо американских хозяев. ТТИП предполагало не только заведомо непосильную для континентальной Европы зону свободной торговли с США (Англия, создав такую зону с Канадой сразу после решения о Вrexit'e, показала, что боится не этого), но и урегулирование споров стран Европы с глобальными (в основном американскими) корпорациями на основе арбитража, создаваемого не правительствами, но, в конечном счете, самими этими корпорациями. Это превращало европейские государства в региональных менеджеров глобального бизнеса и лишало их субъектности.

Эмансипация английской элиты от брюссельской бюрократии не только повысила самостоятельность Англии и сделала ее «одиноким

игроком» в грядущем распаде мира (задав попытку стать партнером Китая и тщетно попытавшись вернуть контроль за арабским миром), — но и завершила процесс исторического высвобождения Германии, начатый ценой своей карьеры «лучшим немцем 1989 года» Горбачевым (именно объединение Германии его волей вопреки интересам США, Англии и Франции и привело к его выбрасыванию из политики, став заметным фактором распада СССР).

В рамках созданного США «расширенного» ЕС Германия жестко удерживалась в тисках между Англией и Восточной Европой: политический бомонд последней настолько же верно служил купившим и воспитавшим его (в том числе и руками проамериканских немцев, в том числе из спецслужб) США, насколько плотно их экономика контролировалась Германией. Выход Англии из Евросоюза выпускает Германию на исторический оперативный простор, — а уход Меркель из политики лишает США возможности править Германией непосредственно, на агентурной основе.

Восточная Европа: евро Палестина

Ослабление позиций Восточной Европы в Евросоюзе из-за утраты ее старшего проамериканского партнера в лице Англии и ухудшения экономической конъюнктуры (вынуждающего помогать сильным, а не слабым для спасения системы в целом) выразилось в намеченной на 2021 год переориентации европейской помощи с востока на юг. Для западноевропейского костяка ЕС Южная Европа важнее Восточной в силу как культурной близости, так и экономической развитости: Южная Европа несравнимо глубже Восточной интегрирована в общеевропейскую (в том числе финансово, через крупные государственные долги) и потому оказывает на нее качественно большее воздействие.

Уход Англии, обеспечивавшей 10% европейского бюджета, стал лишь поводом для глубоких структурных изменений, на самом деле вызванных кризисом. Снижение отчислений в общеевропейский бюджет поддержит наиболее богатых членов Евросоюза (расчетная экономия за 2021—25 годы Германии — 8,4 млрд евро, Нидерландов — 3,8, Швеции —

1.7, Дании — 354 млн и Австрии — 343 млн евро), а новые взносы (в первую очередь за переработанный пластик) ударят по относительно бедным, прежде всего восточноевропейским странам, культурно чуждым западноевропейскому костяку ЕС.

Естественный выход для Восточной Европы — поддержание экономик (и уровня жизни) реинтеграцией с Россией, однако ее блокирует отсутствие модернизации (а значит, и привлекательного имиджа, и растущих возможностей) последней и длительная (продиктованная Западом в качестве условия евроинтеграции) русофобия элит, приведшая в Польше и Прибалтике к формированию глубокой вражды к России в обществе.

Поэтому единственным источником необходимых денег для Восточной Европы становится управляемое США НАТО, а средством их получения — разжигание вражды к России. Но опыт Польши, разместившей огромную базу США за свой счет, показал: новая администрация США требует, чтобы за ее базы платили сами европейцы. Понятно, что попытка заставить немцев платить американцам за восточных европейцев (обслуживающих американские базы) не удастся даже при Меркель.

Это лишает Восточную Европу стратегических перспектив и превращает этих брошенных лимитрофов в перспективное для разнообразных геополитических игр и противоборств, но обреченное на деградацию пространство.

«Внутренняя Европа»: против Брюсселя и Четвертого рейха

Европа же в целом (включая даже импотентную брюссельскую евробюрократию) испытывает объективную потребность создания противовеса потенциальному Четвертому рейху. Это соответствует и интересам России, ибо самый мудрый из ныне живущих немцев, Штайнмайер, приводил к власти на Украине откровенных нацистов и их пособников в соответствии с не только американскими указаниями, но и, возможно, собственно германской исторической традицией.

Новая стратегия США, ориентированная на сохранение максимальной власти при неизбежном распаде глобальных рынков на

макрорегионы и срыве в Глобальную депрессию, также ориентирована на недопущение немецкого доминирования в Европе. Помимо миссии выдающегося оперативника современности Бэннона, разжигающего патриотизм европейских народов для максимального ослабления Европы как целого и имеющей стратегической целью ликвидацию ЕС в его нынешнем виде (представляющем собой готовую оргструктуру Четвертого рейха, просто пока с чужеродным для него кадровым и идеологическим наполнением), США нуждаются в уничтожении самой идеи европейской армии. Ведь та неминуемо станет противовесом полностью управляемой США НАТО и заменит ее, став (наряду с немецкими концернами) основой Четвертого рейха. Не случайно «желтые жилеты» (некоторые группы которых демонстрировали удивительную тактическую выучку) дискредитировали Макрона и на время вывели Францию из европейской политики немедленно после поддержки им этой идеи.

Ключом к реализации устремлений и планов по созданию нового механизма сдерживания Германии объективно становится Австрия. Эта страна, несправедливо воспринимаемая в России в основном как дружественный альпийский курорт, сохранила не просто память о жившей за счет уникальных социальных технологий Австро-Венгерской империи, но и элиту, являющуюся частью и эхом этого общественного организма.

Австрия сдержанно относится к Германии, не принимая ее самоощущения как «старшего брата», жестко хранит нейтралитет (она непредставима в статусе Швеции и Финляндии, обязавшихся по приказу НАТО принять обязанности ее членов, включая финансирование ее войск, — без каких бы то ни было прав) и является ключом к будущему энергетическому доминированию Германии в Европе («Северный поток-2» и последующие проекты сделают ее важнейшим газовым хабом).

Новое стратегическое положение Австрии поставило ее в центр внимания глобальных групп, борющихся за управление будущим и за формирование мира Глобальной депрессии.

Австрийская элита становится ключевым элементом консервативного проекта обновления Европы. Опираясь на «старую элиту», он

вберет в себя американскую энергию дезинтеграционного проекта и, направив ее на размывание брюссельской бюрократии, затем попытается преобразовать ее в неприемлемое для США созидание новой континентальной Европы как геополитического субъекта. Экономическое доминирование Германии может быть уравновешено и нейтрализовано в нем не только Ватиканом и условными Ротшильдами, но и глубинными политическими и идеологическими структурами, обеспечивающими немцам достойное, но не исключительное место, безопасное и полезное как для других европейцев (от Исландии до России, от Турции до Норвегии), так и (прежде всего) для них самих.

Но возможность успеха этого проекта в силу глубины европейской деградации невелика. Даже лучшие из европейских патриотов далеки от давно привычных для их либеральных противников американских технологий системной организации политического процесса и поражают отечественных аналитиков феноменальными разгильдяйством и безответственностью.

Поэтому возрождение патриотизма в Европе не только будет порождать в ряде случаев фашистские проявления (что показывает, например, Польша, жаждущая реализации своей сокровенной мечты о превращении на костях Украины и Белоруссии в рабовладельческое общество), но и не будет обладать должным уровнем осознанности и организации.

Эта внутренняя слабость, с одной стороны, превратит европатриотизм в орудие США по разрушению европейского единства (вместо вывода его на новый уровень) по «схеме Бэннона», лишь усиливающее деградацию Европы во сравнении с временами господства либералов, а с другой — не позволит ему выстоять в цивилизационном конфликте, меняющем лицо и внутреннее содержание Европы прямо сейчас.

Меркель, пригласив в Германию беженцев (или «бешенцев» — от слова «бешенство», как говорят многие русские Европы) для отвлечения среднего класса от неумолимого обеднения и замены в повестке дня вопросов благосостояния вопросами безопасности, лишь ускорила процесс исламизации Европы (как, ранее, ускорил его Обама, превративший исламский фундаментализм в геополитический инструмент США).

Смирение европейского среднего класса с падением уровня жизни и утратой жизненных перспектив (вызванных глобальным кризисом

и потому неустранимых) ценой ускорения исламизации Европы — наглядное выражение ее убожества.

И, поскольку единственным способом сдержать протест беднеющих европейцев для любых европейских руководителей является создание для них прямой и непосредственной угрозы прямо в местах их обитания и замещение культуры потребления культурой повседневного выживания, в ближайшие 30 лет Евросоюз будет превращаться в Еврохалифат.

Подчинение беженцев интересам Европы и изгнание их неинтегрирующейся части представляется невозможным. Прибывшим из разрушенных американцами и европейцами исламских стран завоевывать Европу изнутри не грозит участь цыган (кочующих кузнецов и иных ремесленников, врачей и актеров, пришедших в Европу из Византии и первыми оказавшихся «лишними» на раннем этапе формирования капитализма), тотальное истребление которых началось в конце XV века и продолжалось вплоть до промышленной революции (хотя еще в 1849 году в Польше польские кочевые цыгане были объявлены вне закона — и это положение было отменено только после восстания 1863 года и отмены российским императором автономии царства Польского) [1].

Объективность процесса исламизации богатой части Европы превращает для России в необходимость, наряду с поддержкой консервативных и патриотических сил в Европе (против США), **системную подготовку как минимум управленческих кадров** для грядущего Халифата. Помимо реализации российских геополитических интересов, это даст «социальный лифт» выходцам из Средней Азии (ослабив связанное с ними напряжение в России и частично восстановив ее влияние в Средней Азии и исламском мире в целом) и сохранит максимальную часть достижений европейской культуры (включая восприимчивость к технологиям и абстрактное мышление) после ее глубокого этнорелигиозного реформатирования.

Список литературы

1. Бессонов Н., Деметер Н., Кутенков В. История цыган: новый взгляд. Воронеж: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2000.
2. Делягин М. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! М.: Книжный мир, 2019. Т. 1: Общая теория глобализации.
3. Фурсов А. Ничейный дом Европа! // Завтра. 27 июля 2018 года.

УДК 355.01+336

The Level of Awareness of the Threat of Information War Against Russia Among Students and its Importance for Improving the Educational Process in Educational Institutions of the Interior Ministry of Russia

Уровень осознания угрозы информационной войны против России в среде учащейся молодежи и его значение для совершенствования образовательного процесса в учебных заведениях МВД России

Igor Vladimirovich LYAGUSHKIN,
associate Professor of sociology and politology
of the Moscow University of the IM of Russia
named after V.J. Kikot, PhD, police Colonel
E-mail: ingmarl@mail.ru

Игорь Владимирович ЛЯГУШКИН,
доцент кафедры социологии и политологии Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, полковник полиции
E-mail: ingmarl@mail.ru

Alyona Dmitrievna CHURSINA,
student 367 2-S platoon training 4th year of training Institute
for the bodies of preliminary investigation of the Moscow
University of the IM of Russia named after V.J. Kikot,
police ordinary
E-mail: alerchursina@gmail.com

Алена Дмитриевна ЧУРСИНА,
курсант 367 2-С учебного взвода 4 курса Института
подготовки специалистов для органов предварительного
расследования Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, рядовой полиции
E-mail: alerchursina@gmail.com

Для цитирования: И.В. Лягушкин, А.Д. Чурсина. Уровень осознания угрозы информационной войны против России в среде учащейся молодежи и его значение для совершенствования образовательного процесса в учебных заведениях МВД России. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 46—49.

Annotation. The work is devoted to the assessment of the threat of hybrid war against Russia, its place and role in the system of fears of cadets of educational institutions of the Interior Ministry, the types of fears and their importance for the formation of motivation in the process of professional socialization

Аннотация. Работа посвящена оценке угрозы гибридной войны против России, ее месту и роли в системе страхов курсантов учебных заведений МВД России, выявлены типы страхов и их значение для формирования мотивации в процессе профессиональной социализации

Key words: hybrid war, information war, threat of war, fear, phobia, existential fear, cadet, educational process, professional socialization

Ключевые слова: гибридная война, информационная война, угроза войны, страх, фобия, экзистенциальный страх, курсант, образовательный процесс, профессиональная социализация

Вопросы совершенствования теории, методологии, стратегии и тактики войны в современных условиях остаются одним из приоритетных направлений актуальных философских и научных разработок. Предпочтение отдается исследованиям в области гибридных военных конфликтов, в частности — информационных войн.

В августе 2019 года глава командования Сухопутных войск США по подготовке лич-

ного состава и разработке доктрин (TRADOC) генерал Пол Фанк заявил, что «американская армия должна достичь «превосходства» в информационной сфере. В свою очередь, его коллега, генерал-лейтенант Стивен Фогарти, призвал к созданию командования, занимающегося «вопросами информационной войны». Фогарти считает, что этой структуре «нужны возможности автономного характера — как наступательные, так и оборонительные». По

мнению экспертов, военные Соединенных Штатов намерены играть более активную роль в формировании мирового общественного мнения, выгодного Вашингтону. При этом главными объектами информационных кампаний, по мнению аналитиков, будут Россия и Китай¹».

Похоже, стратегия на параллельную деятельность американского и европейского центров контртеррористических стратегических коммуникаций не оправдала себя на практике и командование вооруженных сил США намерено впредь сконцентрировать управление силами информационного противоборства в одних руках.

Не имеет смысла гадать, почему данную точку зрения в последнее время разделяет руководство командования Сухопутных сил США по подготовке личного состава и разработке доктрин. Специалистами данного командования разрабатываются способы обеспечить разработку информационной стратегии и достижение информационного превосходства при планировании операций сухопутных войск. Американские военные едины в том, чтобы обеспечить безусловное превосходство своей страны в информационном противоборстве, в том числе и с помощью соответствующей работы с личным составом своих частей и подразделений. Такой подход, по мнению представителей американского командования, позволит обеспечить выход на новый уровень использования накопленного в настоящее время опыта проведения специальных информационных операций.

Стивен Фогарти в качестве главы киберкомандования Сухопутных войск США даже заявил, что «намерен добиваться переименования структуры, которую возглавляет, в информационно-военное командование (Army Information Warfare Command). Такое название, по его словам, лучше отражает специфику работы американских военных»². В задачу создаваемой структуры будут входить в том числе борьба с дезинформацией противника и проведение собственных дезинформационных мероприятий и операций.

Подобная новация серьезно подрывает автономность центров стратегических коммуникаций и может изменить роль и значение гражданских специалистов в данных структурах в пользу военнослужащих. Это может означать новый виток эскалации гонки вооружений в информационной сфере.

Особое значение уделяется достижению кибернетического, технологического и технического превосходства США в информационной сфере. Современные военно-политические стратегии США, такие, как «стратегия «упреждающей войны» или «принуждающей мощи», развивают выдвинутую в 2014 году министром обороны США Чаком Хейгелом Оборонную инновационную инициативу (Defense Innovation Initiative, DII), нацеленную на «сохранение и укрепление военного превосходства США в XXI веке» в условиях бюджетных ограничений и эрозии американского доминирования «в ключевых сферах ведения боевых действий». Основной идеей DII является укрепление американского превосходства за счет «интеллектуальных» решений.

Идея достижения технологического превосходства над армиями России и Китая была оформлена в так называемую Третью стратегию противовеса (Third Offset Strategy, TOS-3), разработанную американским Центром стратегических и бюджетных оценок (Center for Strategic and Budgetary Assessments, CSBA)³».

Все приведенное выше ни в коем случае не означает отход американских военных аналитиков от доктрины сетевых войн, которой США придерживается с начала XXI века. Данная доктрина позволяет решать военные задачи невоенными методами или избегать прямого применения вооруженной силы. Следование доктрине сетевых войн позволяет эффективно обходить страхи людей, прежде всего страх войны, который в ряде стран является одним из самых распространенных страхов.

Исследование структуры страхов россиян, проведенное 18—24 июля 2019 года показало, что страх войны испытывает более половины опрошенных россиян. По сравнению с показа-

телями октября 2017 года наблюдается заметный рост: с 37 до 51 процента. Этот страх по уровню распространения опережает только страх болезни близких, детей (58 процентов по состоянию на июль 2019 года)⁴.

Однако, результаты проведенных ранее авторами исследований, предметом которых была распространенность различных страхов в среде курсантов учебных заведений МВД России, разительно отличаются от результатов исследования, проведенного специалистами Левада-центра. Не подвергая сомнению профессионализм российских социологов

и признавая, что в рамках проведенных авторами ранее исследований не проводилось различения экзистенциальных страхов и фобий, а выборка была минимально возможной для получения надежных результатов, невозможно не заметить разительных отличий в показателях.

Результаты проведенного в 2017 году феноменологического исследования, приведенные в таблице ниже⁵, дают адекватное представление о месте страха войны в структуре страхов курсантов учебных заведений МВД России.

<i>№ n/n</i>	<i>Страх</i>	<i>%</i>
1.	Потери близких	25,68
2.	Одиночества	24,32
3.	Высоты	22,97
4.	Смерти близких	18,92
5.	Змей	16,92
	Инвалидности (тяжелой болезни)	12,16
6.	Паукообразных	10,81
7.	Животных	10,81
8.	Темноты	9,46
9.	Насекомых	8,10
10.	Публичных выступлений	5,40
11.	Не закончить университет	4,05
12.	Замкнутых помещений	4,05

Из экзотических страхов были отмечены страхи паранормальных явлений, «рабства, мужа-тирана», экзамена по административному праву, остаться на выходные в общежитии, истощения запасов кислорода в мире, потолстеть.

Из серьезных экзистенциальных страхов опрошенные называли страхи голода, войны, начала войны, ядерной войны и авиакатастрофы на уровне ниже статистической погрешности.

Исследование 2018 года дало сходные результаты:

Как видно из приведенных в таблице данных, проявились в значимых количествах страх увольнения и страх попадания в места лишения свободы. Был упомянут также страх перед террористическими актами и страх

стать жертвой преступления. Страх войны опрошенными не обнаруживался.

Интересным представляется получение результатов предстоящего исследования 2019 года.

Интерпретация полученных результатов приводит к двум основным выводам.

С одной стороны, следует отметить эффективность российской официальной пропаганды и поставленную на должном уровне воспитательную работу в учебных коллективах МВД России.

С другой стороны, фактическое игнорирование актуальной угрозы войны гибридного типа не способствует формированию у курсантов учебных заведений МВД России мотивации овладения эффективными навыками обеспечения информационной безопасности и не формирует стремления к получению адек-

Социально-гуманитарное обозрение

ватных знаний о природе, сущности и последствиях информационной войны, что могло бы

способствовать их более успешной профессиональной социализации.

№ n/n	Страх	число	%
1.	Высоты	24	30
2.	Потери близких	20	25
3.	Насекомых	19	23,75
4.	Одиночества	17	21,25
5.	Смерти	15	18,75
6.	Смерти близких	13	16,25
7.	Змей	12	15
8.	Темноты	10	12,5
9.	Паукообразных	8	10
10.	Инвалидности (тяжелой болезни)	7	8,75
11.	Животных	5	6,25
12.	Глубины	5	6,25
13.	Попадания в места лишения свободы	4	5
14.	Лишиться работы (службы)		

Список литературы

1. Бовдунов Александр. «Операции в киберпространстве»: в армии США объявили о стремлении к информационному доминированию. // <https://russian.rt.com/world/article/661526-ssha-armiya-informacionnaya-voina-komandovanie?fbclid=IwAR06r92n87dUhlMunOLhofnmLLNbTx0wyCyNo58aj-Y4Wkrcwa5KZTOHO3U>

2. Прохвятилов Вадим. США — гонка вооружений под прикрытием программ кибербезопасности. // <https://aurora.network/articles/151-tekhnologii-i-po/71138-ssha-gonka-vooruzheniy-pod-prikrytiem-programm-kiberbezopasnosti?fbclid=IwAR0RRDw4hq-VmhIDJljoFsydpfnwXXLXVJXVtPPZEOUoEOKTM Aqh8ARzvvM>

3. Страхи (россиян по состоянию на 26.08.2019). // <https://www.levada.ru/2019/08/26/strahi-3/>

4. Чурсина А.Д. Страхи курсантов учебных заведений МВД России как основные демотиваторы в образовательном процессе. // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник научных трудов II Международной конференции имени 07 июня 2018 г.): научное электронное издание (5,7 Мбайт). М.: В.Я. Кикотя, (06 Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 607 с. стр. 232—235

¹ Бовдунов Александр. «Операции в киберпространстве»: в армии США объявили о стремлении к информационному доминированию // <https://russian.rt.com/world/article/661526-ssha-armiya-informacionnaya-voina-komandovanie?fbclid=IwAR06r92n87dUhlMunOLhofnmLLNbTx0wyCyNo58aj-Y4Wkrcwa5KZTOHO3U>

² Бовдунов Александр. «Операции в киберпространстве»: в армии США объявили о стремлении к информационному доминированию. // <https://russian.rt.com/world/article/661526-ssha-armiya-informacionnaya-voina-komandovanie?fbclid=IwAR06r92n87dUhlMunOLhofnmLLNbTx0wyCyNo58aj-Y4Wkrcwa5KZTOHO3U>

³ Прохвятилов Вадим. США — гонка вооружений под прикрытием программ кибербезопасности. // <https://aurora.network/articles/151-tekhnologii-i-po/71138-ssha-gonka-vooruzheniy-pod-prikrytiem-programm-kiberbezopasnosti?fbclid=IwAR0RRDw4hq-VmhIDJljoFsydpfnwXXLXVJXVtPPZEOUoEOKTM Aqh8ARzvvM>

⁴ Страхи. // <https://www.levada.ru/2019/08/26/strahi-3/>

⁵ Страхи курсантов учебных заведений МВД России как основные демотиваторы в образовательном процессе А.Д. Чурсина. // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник научных трудов II Международной конференции имени 07 июня 2018 г.): научное электронное издание (5,7 Мбайт). М.: В.Я. Кикотя, (06 Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 607 с. стр.232-235

To the Question of Aesthetic Pleasure in Creativity: the Analysis of the Aristotelian Concept

К вопросу об эстетическом удовольствии в творчестве: анализ аристотелевской концепции

Lyudmila Vasilievna MOLODKINA,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the State University for Land Management, Dean of the Faculty of Retraining of Specialists with Higher Education GUZ, Moscow
E-mail: office@unity-dana.ru

Elena Maksimovna MOISEEVA,

Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines, State University of Land Management, Moscow
E-mail: office@unity-dana.ru

Людмила Васильевна МОЛОДКИНА,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству, декан факультета переподготовки специалистов с высшим образованием ГУЗ, Москва
E-mail: office@unity-dana.ru

Елена Максимовна МОИСЕЕВА,

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству, Москва
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: Л.В. Молодкина, Е.М. Моисеева. К вопросу об эстетическом удовольствии в творчестве: анализ аристотелевской концепции. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 50—53.

Annotation. In this work, the authors conducted a brief philosophical analysis of the Aristotelian theory of pleasure, which is an integral and main part of the aesthetic concept of artistic creation and artistic influence. It is emphasized that it is the achievement of aesthetic pleasure in conjunction with stable moral standards that reflects the diversity of goals and functions of art as the main form of creative activity of man at all times. The philosophical and aesthetic views of the great Aristotle remain relevant and topical in the modern cultural and artistic space.

Key words: aesthetic pleasure, typology of aesthetic pleasure, contemplation, perception, artistic creation, virtue

Аннотация. В данной работе авторы провели краткий философский анализ аристотелевской теории удовольствия, являющейся неотъемлемой и главной частью эстетической концепции художественного творчества и художественного воздействия. Подчеркивается, что именно достижение эстетического наслаждения в совокупности с устойчивыми морально-нравственными нормами отражает многообразие целей и функций искусства как основного вида творческой деятельности человека во все времена. Философские и эстетические воззрения великого Аристотеля остаются актуальными и злободневными в современном культурном и художественном пространстве.

Ключевые слова: эстетическое удовольствие, типология эстетического наслаждения, созерцание, восприятие, художественное творчество, добродетель

«Понять удовольствие и страдание — задача для философствующего о государственных делах, кто словно зодчий воздвигает высшую цель, взирая на которую мы определяем каждую вещь как зло или благо в безотносительном смысле»

Аристотель. Соч.: В 4-х т., М., 1983, т. 4, с. 211.

В 2016 году Греция и весь современный философский мир отметили 2400 лет со дня рождения величайшего мыслителя всех времен — АРИСТОТЕЛЯ. В Афинском Университете и под сводами амфитеатра у Парфенона открылся Всемирный Философский конгресс, посвященный этому знаменательному событию. Гениальнейшие труды древнегреческого философа остаются незыблемо непре-

взойденными классическими философскими памятниками научной мысли человека-творца, не теряющими своей актуальности и могущими дать ответ на злободневные вопросы сегодняшнего дня.

Обращенность наших научных интересов к исследованию эстетической теории Аристотеля обусловлена прежде всего желанием еще раз заглянуть вглубь весьма непростой теории

эстетического удовольствия, постичь ее философский смысл и определить целостный концептуальный характер. Философ выстраивает разнообразные виды и формы художественной деятельности, типологию эстетического наслаждения, а также выявляет специфику взаимосвязи произведений искусства с действительностью. Основные эстетические параметры этой теории Аристотеля включают прежде всего особенности и различия эстетического и художественного и их проявления в процессе созерцания, восприятия и творчества. С необходимостью заметим, что данные аристотелевские концепты достаточно научно устойчивы, ибо зачастую используются в качестве философского базиса в различного рода эстетических интерпретациях тех или иных сторон социально-культурной и художественной современной реальности.

Рассуждая о многоликкой практической деятельности человека, Аристотель выделяет в созидании две стороны — творчество и исполнение. Целью исполнения являются создание определенных качеств или сами действия по изготовлению определенных продуктов. Но этим созидание, по мнению философа, не ограничивается. Определенный продукт изначально должен быть творчески сконструирован в качестве замысла, а затем уже произведен. Аристотель определяет творчество как природный дар к правильному суждению в определенной области и овладению конкретным видом умения. Творчество, с его точки зрения, это «склад души». «...Поскольку зодчество — некое искусство, а значит, и разновидность соответствующего причастного суждению склада души, предполагающего творчество...» [1]. Рассуждения Аристотеля о творчестве зодчего не только как об умении, но одновременно и как об искусстве, и духовном виде деятельности человека, нацеливают на мысль признания того факта, что «...архитектура — это переживание, это событие или цепь событий, запечатленных в молчаливом облике сооружения» [2].

В своих эстетических сочинениях философ рассматривает произведения искусства в структурном плане как отдельные сущности,

анализируя при этом строение их основных частей и главных элементов, а также стремится выявить миметический характер художественной деятельности. Наряду с этим Аристотель задумывается над проблемами психологии художественного творчества и эстетического восприятия. В контексте общеподобной теории великого мыслителя можно вычленить вопросы, касающиеся особенностей художественного мышления, эмоционального отклика на произведения искусства, аффектов и удовольствия.

Практически всегда Аристотель эстетическую проблематику пропускает сквозь призму своей этической теории, соотнося художественное и добродетельное, и таким образом, придает эстетической концепции нормативный характер. Эстетическая проблематика по сути рождается и развивается на стыке аристотелевской теории деятельности, удовольствия и добродетели. Интерес Аристотеля к проблемам удовольствия и страдания проявляется в различных его произведениях, таких как «Этика Никомаха», «Большая этика», «Политика», «Поэтика». Удовольствие рассматривается также, как и благо, как некая самоценность, соединяющая человека с высшими духовными сферами бытия. Удовольствие, по Аристотелю, связано со способностью ощущения и эмоционального переживания. Удовольствие и страдание представлены как несовместимые сущности, диаметрально противоположные полярности. Удовольствие и благо одинаково самоценны, но противоположны в эмпирическом плане: удовольствие рассматривается великим мыслителем как распространенная повсеместно вещь, а благо в качестве оптимального предела.

Аристотель подчеркивает, что связь блага и удовольствия редуцируется из полноты, которая необходима для достижения высшей степени совершенства в любой деятельности, особенно в сфере творчества. Он убежденно показывает, что счастливым может быть только человек, испытывающий удовольствие. С точки зрения философа, «удовольствия не являются процессами становления..., они являются деятельностями в смысле осуществ-

ленности и целью и сопутствуют не становлению, а пользованию (тем, что есть)...» [1, с. 211]. Так называемые восполняющие удовольствия, по мнению Аристотеля, могут отличаться от обычных удовольствий. Это связано с тем, что человеку порой, по тем или иным причинам, необходимо испытывать удовольствие от чего-то противоположного его естественным желаниям и потребностям. В этом смысле Аристотель реабилитирует удовольствие в сравнении с Платоном, который признавал исключительно созерцательные удовольствия. Аристотель глубоко уверен, что счастье как таковое есть удовольствие, так как оно «вытесняет страдание; и при чрезмерных страданиях люди ищут чрезмерного удовольствия и вообще телесного удовольствия, полагая, что они исцеляют» [1, с. 217]. Подчеркивается, что этот тип удовольствия испытывают все люди, в том числе добродетельные, поскольку это естественно.

Однако Аристотелем выстраивается иерархия удовольствий, согласно которой предпочтительными в сравнении с низшими и низменными являются высшие, возвышенные удовольствия. Люди, которые обладают творческими способностями и добродетелями, особым душевным складом, по мнению философа, в большей степени наслаждаются жизнью. Одаренные и добродетельные люди вознаграждены наибольшими и совершеннейшими удовольствиями. Они, считает Аристотель, наиболее творчески проявляют себя в избранной ими сфере деятельности. Добродетельная и счастливая жизнь служит источником постоянного наслаждения, которое превышает другие виды удовольствия. Высшее наслаждение порождено непосредственно процессом творческой деятельности как конкретное неповторимое удовольствие.

Согласно аристотелевской концепции, наиболее достойными являются нравственно прекрасные удовольствия, основанные на созерцании. Это обусловлено уникальной природой человека, высокими помыслами человеческого бытия. Такого рода удовольствия сродни творческой деятельности, в которой проявляется высшая полнота совершенства.

Это может быть как умозрительная, так и созерцательная деятельность, например, созерцание произведений искусства. Эти виды деятельности осуществляются сообразно добродетели, и удовольствия, получаемые от них, не связаны со страданием; они не могут быть чрезмерными, случайными и искусственными. Это естественные и необходимые удовольствия. Деятельность, сопряженная со страданием или с его преодолением, согласно Аристотелю, не может доставлять удовольствия как таковая. Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что удовольствие как достижение цели может иметь место.

Удовольствие, получаемое от процесса творчества, имеет свою специфику. Аристотель делает акцент на особенностях этого типа удовольствия, которое в отличие от удовольствия созерцания направлено не только на саму деятельность, но и на создаваемый в процессе этой деятельности предмет, то есть, на произведение искусства, вызывающее особенное чувство любви в своем творце. «Именно так бывает и у мастеров: в самом деле, всякий любит собственное творение больше, чем оно, оживши, полюбило бы его; и наверное, в первую очередь так бывает с поэтами, потому что они обожают собственные сочинения, словно своих детей» [1, с. 255].

Весьма интересным представляется суждение Аристотеля о противопоставлении удовольствия, связанного с каким-либо видом деятельности, развлечению, также связанного с некоей деятельностью иного характера. Отнюдь не верно считать, что все человеческие действия определяются лишь стремлением к развлечению. «...Не в развлечениях заключается счастье, ведь это даже нелепо, чтобы целью было развлечение и чтобы человек всю жизнь работал и терпел беды ради развлечения» [1, с. 280]. Аристотель не отождествляет удовольствие и развлечение. Не труд существует ради развлечений, считает он, а отдых и развлечение ради труда. «...Развлекаться для того, чтобы усердствовать в добропорядочных делах, это считается правильным, потому что развлечение напоминает отдых, а не будучи в состоянии трудиться непрерывно, люди

нуждаются в отдыхе. Отдых, таким образом, не цель, потому что он существует ради деятельности» [1, с. 280].

К основным источникам высшей добродетели Аристотель относит щедрый дар природы и сознательные усилия личности. Истинно добродетельным человек становится только при условии объединения этих двух начал, которые в процессе творческой деятельности доставляют удовольствие одаренным, искусным и умелым людям. При этом творческий человек получает удовольствие не столько из-за блаженства, сколько из-за ощущения гармонии и совершенства, содержащихся в той деятельности, в которой он находит свое предназначение. «...Все стремятся к удовольствию потому же, почему все тянутся к жизни, ведь жизнь — это своего рода деятельность, и каждый действует в таких областях и такими способами, какие ему особенно любы; например, музыкант действует слухом в напевах, любознательный — мыслью в предметах умозрения» [1, с. 275].

Можно проследить, что философ рассматривает искусство как творческую деятельность в свете своей общей этической концепции, анализирует и дифференцирует его возможности в воспитании добродетели. Отчасти искусство, по его мнению, предназначено для созерцания, отчасти для восприятия и оценки изображенных в нем мыслей, поступков и состояний человека. Основным достоинством искусства в плане нравственного воздействия Аристотель считает его способность изображать величественные и благородные поступки и характеры и тем самым давать возможность людям испытывать удовольствие от созерцания прекрасного и величественного в жизни. Необходимо «...уметь правильно судить о благородных характерах и прекрасных поступках и достойно радоваться тем и другим» [1, с. 636].

Наиболее способна к воспроизведению нравственных состояний и переживаний музыка, считал философ. Изобразительным искусствам воспроизведение эмоций и страстей доступно меньше, поскольку они апеллируют прежде всего к зрению, а не к слуху. Однако

они имеют преимущества, так как позволяют в большей степени созерцать величественное и прекрасное. Театр, согласно Аристотелю, занимает промежуточное положение между музыкой и изобразительным искусством, поскольку сценическое изображение воплощается в зрелище, которое сочетает в себе живописные красоты (декоративное оформление сцены) с музыкальными средствами воздействия, (например, музыкальные инструменты и хор). В изобразительных искусствах философ отдает предпочтение таким произведениям, в которых достаточно точно воспроизведены черты человеческого характера. В отличие от удовольствия, вызываемого музыкальным произведением, удовольствие, получаемое от созерцания, подчеркивает Аристотель, близко удовольствию познавательного вида. Об этом он говорит в «Поэтике», рассуждая о радости, которую испытывают люди, созерцая живописные полотна. Удовольствие от созерцания или познания определяется, по мнению Аристотеля, эффектом соответствия между познаваемым, воспринимаемым и воспринимающей или познающей деятельностью.

Подводя краткий итог нашим рассуждениям, заметим, что созданная Аристотелем теория удовольствия, лежащая в основе его эстетической концепции художественного творчества и художественного воздействия, отражает многообразие целей и функций искусства как основного вида творческой деятельности человека. Философские и эстетические воззрения великого Аристотеля спустя множество веков не потеряли своей глубочайшей научной значимости и поныне остаются актуальными и современными.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч.: В 4-х т., М., 1983. Т. 4, С. 176.
2. *Молодкина Л.В.* К вопросу о феноменологии творчества в архитектуре // *Философия творчества. Когнитивные и социально-культурные измерения*. Ежегодник. Выпуск 2. М.: ИИнтелЛ, 2016. С. 283.

Role and Functions of Metaphors in Scientific Cognition

Роль и функции метафор в научном познании

Irina Vladimirovna POLOZOVA,
doctor of philosophical sciences,
professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна ПОЛОЗОВА,
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикота
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Для цитирования: И.В. Полозова. Роль и функции метафор в научном познании. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 54—58.

Annotation. The article discusses the importance of metaphors in science. Shows that the change in attitudes to scientific metaphor is due to the softening of the criteria of scientific, the rejection of neo-positivist attitudes. Metaphor is considered as a form of scientific creativity. The functions of scientific metaphors are analyzed.

Key words: metaphor, science, creativity in science, functions of scientific metaphors

Аннотация. В статье рассматривается значение метафор в науке. Показывается, что изменение отношений к научной метафоре обусловлено смягчением критериев научности, отказом от неопозитивистских установок. Метафора рассматривается как форма осуществления научного творчества. Анализируются функции научных метафор.

Ключевые слова: метафора, наука, творчество в науке, функции научных метафор

Наука является важной областью приложения метафоры. Оценка роли метафор в научной сфере изменилась во второй половине XX века с пересмотром традиционного образа науки. Стало очевидным, что метафоры выполняют в науке важную роль, и без их использования наука не сможет осуществить масштабную цель постижения реальности. Обращение к изучению реального языка науки сделало бесспорным факт наличия в нем значительного количества метафорических выражений. Современные исследователи изучают метафоры различных научных дисциплин, практически всех фундаментальных и прикладных наук.

Вопрос о правомерности использования метафор в науке тесно связан с вопросом о природе самой науки, об определении меры ее соответствия традиционным канонам научности (объективность, точность, рациональность, логичность, системность). Как известно, в теории науки уже четко обозначилась тенденция

смягчения исходных установок, и обнаружилось существенное расхождение идеального образа науки с реальной ситуацией.

Метафора является важнейшим средством, представляющим в науке творческое измерение. Метафору можно рассматривать как интуитивный импульс, своеобразный «квантовый скачок» от одного смыслового уровня к другому, с помощью которой осуществляется научное творчество. В отличие от знания, полученного логическим путем, и представляющего собой вывод из информации, содержащейся в исходных посылках, принципиально новое может быть выражено, например, через метафору, соединяющую идеи, принадлежащие к различным смысловым уровням. Метафора основывается на эффекте, близком к квантовому, и, поэтому, предполагает рождение совершенно нового видения в противовес традиционным, шаблонным трактовкам явлений. Метафора несет в себе также и обратное начало, являясь, в силу своей природы, соединением смысла и образа.

Приведем в качестве примера метафору «Большого взрыва», описывающую первые мгновения существования Вселенной и имеющую большое значение в современной космологии. В соответствии с данной метафорой предполагается, что Вселенная возникла спонтанно в результате гигантского взрыва из состояния с очень большой плотностью и энергией (состояния сингулярности), при котором выделилось огромное количество теплоты, а затем по мере расширения Вселенной ее температура падала от очень большой до довольно низкой, обеспечивавшей возникновение условий, благоприятных для образования звезд и галактик. Понятие «взрыва» в данном случае используется метафорически, обозначая настолько быстрое расширение Вселенной, при котором все ее части разлетаются, как при взрыве. Без данного образа начальное положение Вселенной с трудом поддавалось бы пониманию, и было бы крайне сложно описать расширение Вселенной со скоростью, значительно превосходящей световую.

Более того, с развитием науки даже увеличивается степень метафоричности ее гипотез¹. От использования достаточно простых аналогий и образов наука движется к применению метафор, предполагающих творческое, нестандартное видение научных проблем.

Рассмотрим в качестве примера метафоры одной из областей физики микромира — квантовой хромодинамики, ключевым термином которой является термин «кварк». Сам термин вряд ли можно считать метафорой в собственном смысле слова, так как он изначально не означает ничего определенного, но он, тем не менее, является результатом переноса в физику из области литературы, будучи заимствованным из романа Д. Джойса «Поминки по Финнегану».

В квантовой хромодинамике метафора осуществляет репрезентацию одной из важнейших характеристик кварка, представляя ее как «цвет». Данная метафора имеет смысл, лишь являясь развернутой: так, кварк может быть «окрашен» в один из трех возможных «цветов», красный, зеленый или синий, кроме

того, существуют антикрасные, антизеленые и антисиние кварки. Кварки способны изменять свой цвет, создавая своеобразную «игру цветов».

Представляя существенную характеристику кварков в виде «цвета», метафора выполняет важную задачу — сделать в некотором смысле наглядной в высшей степени абстрактную физическую характеристику мира элементарных частиц. С помощью метафоры обмен частицами в составе адронов в каком-то смысле видится аналогичным игре цветов в видимом физическом мире.

Метафора репрезентирует также и другую характеристику кварков, получившую название «аромат», которая включает в себя всю совокупность квантовых чисел (электрический заряд, странность, очарование и др.), за исключением цвета. Выбор данной метафоры, по-видимому, связан с тем, что именно аромат (например, аромат цветка) характеризует уникальность и неповторимость любого явления, (не исключая в данном случае и кварки). Но вместе с тем, цвет представляет собой некоторое противостояние аромату, т.к. он воспринимается не с помощью обоняния, но иных, зрительных ощущений.

Таким образом, можно увидеть, что метафора приближает микромир к возможностям обыденного человеческого восприятия, делает его в значительной степени понятным и доступным исследователю.

Важнейшая роль метафоры в науке состоит также в ее способности являться *конститутивным* элементом научной теории. Такие конститутивные метафоры являются неотъемлемой частью научной теории и являются организующим средством для науки. Они организуют концептуальную систему и задают целостное видение какой-либо предметной области. В силу сказанного, метафора играет важнейшую роль не только на этапе научных открытий, но она является необходимым элементом зрелой науки.

Метафора рассматривается здесь как фокус карты, переносимой из одной сферы в другую, где к объекту прилагается система

отношений, описывающих исходный объект. Центральным для структурного картографирования является принцип систематичности, означающий, что переносу подлежат не отдельные свойства, но организованная система признаков. Предполагается также отсутствие ненужных ассоциаций и смешанных аналогий, означающее, что при установлении параллелей учитываются общие для систем признаки и отсекаются различия, и что карта одной структуры переносится без привнесения черт других структур. При этом метафорический перенос рассматривается как чуждый детерминации в классическом смысле данного слова: из аналогичности двух феноменов не следует вывод об их детерминированности друг другом.

Наука представляет собой множество случаев использования метафоры в роли организатора концептуальной системы. Так, например, с развитием в XX веке генетической теории можно говорить о заимствовании из области лингвистики целого комплекса метафор. В числе данных метафор «генетический код», под которым имеется в виду система условных сокращенных названий, применяемых для передачи и хранения информации. Данная метафора является основополагающей для других метафор, обуславливающих построение терминологического аппарата генетической теории: код подлежит «транскрипции» (считыванию), под которой понимается переписывание наследственной информации из ДНК в РНК, а также «трансляции» (переводу), под которым имеется в виду процесс производства белков или, иначе, перевод генетических сведений с языка нуклеотидов на язык аминокислот. Транспортные РНК выполняют здесь роль «переводчика», владеющего двумя языками (нуклеотидов и аминокислот).

Обратимся теперь к рассмотрению следующих вопросов: Как создается научная метафора? Как происходит поиск нужной метафоры? Выявим важнейшие критерии подобного отбора. требования, которым должна удовлетворять научная метафора. Во-первых,

метафора должна быть информационно адекватной, она должна максимально соответствовать поисковой ситуации, и наличие посторонних смыслов в ней должно быть сведено к минимуму. Данное требование к метафоре является одним из важнейших. Большинство метафор науки демонстрирует нам пример того, как некоторое формальное сходство вещей является основой для последующих серьезных научных конструкций.

Во-вторых, метафора должна быть эвристичной, то есть способной осуществлять в последующем появление целого семейства метафор. Язык науки предполагает поиск такой метафоры, которая влекла бы за собой поток других, производных метафор. Следует отметить, что такому требованию отвечает большинство метафор науки. Метафора волны, например, переместившись в языкознание, влечет за собой появление вторичных метафор, в качестве которых выступают применительно к языку образы интерференции и дифракции, традиционно характеризующие волновые явления. Метафора поля, находясь в социологии, влечет за собой понятие напряженности, являющейся важнейшей характеристикой поля. В определенном смысле можно говорить о неисчерпаемости любой метафоры. Так как она потенциально содержит в себе множество различных смыслов, когда выбор одной метафоры определяет рождение последующих. Можно, например, показать действие данного принципа на примере теории струн в космологии, где образ струны приводил к рождению последующих образов петьель и целого космического невода.

В-третьих, научная метафора должна быть способна трансформироваться в понятие. Метафора, попадая в корпус науки, сразу же приобретает иной статус. Постепенно происходит процедура превращения метафоры в термин, значение которого фиксируется достаточно строго. Научные метафоры постоянно подвергаются дальнейшему анализу и проверке. Метафоры, находясь в системе науки, постоянно приглашают к коллективной проверке установленных с помощью них соотне-

сений. Для науки важно не столько установить сходство или аналогию, но показать следствие таких отношений сходства. Использование метафор вдохновляет исследование новых черт и характеристик объекта. В результате подобной проверки научные метафоры могут либо приниматься, либо отклоняться, могут со временем и «умирать», став неотъемлемой частью научного знания. Можно увидеть, что в этом смысле не существует принципиальной разницы между ролью буквальных и метафорических утверждений в языке науки. Метафоры являются открытыми для интерсубъективных исследований, они могут быть подтверждены, приняты или внедрены в науку или, напротив, отвергнуты, как тривиальные или лишенные объясняющей силы. Научная метафора, являясь первоначально элементом языка одного ученого, становится со временем достоянием целого научного сообщества.

На основе сказанного, покажем специфику научных метафор (в отличие от метафор поэтических и философских) выделив их наиболее существенные признаки: Научные метафоры: 1) делают неизвестное известным; 2) подлежат дальнейшей проверке и уточнению; 3) являются достоянием научного сообщества.

Другой аспект исследования научных метафор, мы назовем его функциональным, — состоит в выделении наиболее значительных функций метафор в науке. Наиболее часто называются следующие функции:

1) репрезентативная — метафора представляет новое явление, новый научный объект;

2) информационная — метафора дает первоначальную информацию об объекте;

3) объяснительная — метафора поясняет смысл явления

4) предсказательная — метафора предсказывает наличие у объекта каких-либо свойств;

5) экономичная — метафора позволяет кратко охарактеризовать явления и процессы, которые при другом способе выражения было бы описать очень трудно;

6) наукообразующая функция состоит способности метафоры расширять границы

какой-либо научной области и обуславливать появление новой научной дисциплины

Репрезентативная функция научной метафоры — функция, состоящая в способности метафоры представлять новый научный объект. Очень часто предметы, ставшие объектом внимания ученых, не имеют собственного названия, и в таких случаях роль их первоначального именованья осуществляет метафора. Метафора называет неизвестные объекты с помощью слов обиходного языка, делая их понятными и известными. Сам выбор исходного слова здесь не является случайным. Как нам представляется, важнейшую роль в данном выборе играет смысловое или структурное подобие вещей. Первые научные метафоры черпались из сферы бытовой жизни, многие из них являлись производными от физической деятельности людей (сила, давление, работа, мощность и др.) На наш взгляд, репрезентативная функция зачастую совпадает с информационной, т.к. именно метафора, указывая на сходство объекта с какими-либо предметами реальности, предоставляет о нем первичную информацию. *Информационная функция* метафоры — способность метафоры предоставлять первичную информацию об объекте. Метафора особенно необходима для репрезентации объекта в случае недоступности его для чувственного восприятия.

Объяснительная функция научной метафоры — способность метафоры пояснять смысл какого-либо научного явления. Данная функция является одной из важнейших, т.к. иногда без вмешательства метафоры бывает крайне трудно понять смысл какого-либо явления. Метафора нередко оказывается единственным средством, способным прояснить сложную исследовательскую ситуацию. Объяснительную функцию, метафора способна осуществлять, вводя в описание явления образное измерение. Создавая зрительный образ, метафора представляет явление живо и объемно, что позволяет постичь его смысл и сущность. Наличие таких образов и приводит к постижению смысла рассматриваемого явления.

С объяснительной тесно связана, по нашему мнению, и *предсказательная (прогностическая) функция* научных метафор — способность метафоры предсказывать наличие у исследуемого объекта каких-либо свойств. Единственное различие касается здесь временного модуса: если метафора используется для понимания ситуации, имеющей место в прошлом или настоящем, то она выполняет объяснительную функцию, если же метафора относится к ситуации, возможной в будущем и пока неизвестной, то она осуществляет прогностическую функцию. Мы полагаем, что принципиальной разницы в механизме осуществления по сравнению с объясняющими метафорами у прогностических метафор не существует, в каждом из случаев активно вовлекаются зрительные и другие образы

Следует отметить, что практически все метафоры осуществляют, вместе с репрезентативной, объясняющей, предсказательной, и *экономичную функцию*, являясь наиболее емким и компактным способом выражения научной мысли. Без метафоры происходило бы неоправданное расширение научного языка. Мы считаем, что метафора способна осуществлять данную функцию благодаря заложенному в ее природе эффекту «квантового скачка», являющегося кратчайшим расстоянием между различными семантическими уровнями. Таким компактным способом, с помощью метафоры, названы некоторые научные объекты, например, «черная дыра», «солнечная корона» в астрономии, «электронное облако» в химии. Так, метафорическое выражение «черная дыра», введенное в 1969 г. американским ученым Дж. Уилером, максимально кратко характеризует гипотетический продукт звездной эволюции, представляющий собой объект с колоссальной массой и сильным гравитационным полем, не выпускающим за свои пределы свет.

Наукообразующая функция научной метафоры состоит в расширении с помощью метафоры границ какой-либо научной области и возможности появления новой научной дисциплины. Перенос, состоящий в применении сложившейся научной терминологии к новым сферам, может со временем привести к появлению новой отрасли науки. Так, появление такой новой научной дисциплины как социальная экология стало возможным благодаря использованию биологических понятий в качестве метафор при изучении общественной жизни.

Так, в работе Р. Парка «Введение в науку социологию» (1921) были изложены основы экологии человека. Экологией человека в настоящее время называется наука о влиянии на поведение людей «естественного региона», в котором они живут, и изучающая в связи с естественным окружением человека явления социальной стратификации, преступности, бродяжничества. Центральным понятием новой дисциплины является понятие «конкуренции» (перекочевавшее в свое время в биологию из области социальной жизни), которое в социальной экологии рассматривается не столько как борьба людей за средства к существованию в социальной сфере, сколько как их соперничество за выживание в природной среде.

Можно утверждать, что главное значение научной метафоры состоит в расширении с ее помощью горизонтов человеческого знания, так как благодаря метафоре в науку проникают новые понятия и идеи.

---

¹ *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993, с. 21

Transformation and Deformation of the Values of Modern Humanity

Трансформация и деформация системы ценностей современного человечества

Irina Vladimirovna POLOZOVA,
doctor of philosophical sciences,
professor in the department of sociology
and political science of the Moscow University
of the Ministry of internal Affairs of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна ПОЛОЗОВА,
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Для цитирования: И.В. Полозова. Трансформация и деформация системы ценностей современного человечества. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 59—62.

Annotation. The article deals with the transformation of the value system that has occurred in Western culture since the Renaissance. It is shown that the refusal to recognize the idea of the absolute leads to the temporary absolutization of relative values and their subsequent degradation.

Key words: axiology, values, hierarchy of values, transformation of values, cultural crisis

Аннотация. В статье рассматривается трансформация системы ценностей, произошедшая в западной культуре начиная с эпохи Возрождения. Показывается, что отказ от признания идеи Абсолюта ведет к временной абсолютизации относительных ценностей и их последующей деградации.

Ключевые слова: аксиология, ценности, иерархия ценностей, трансформация ценностей, кризис культуры

Одной из наиболее значительных идей аксиологии является идея о существовании порядка ценностей. В системах, утверждающих объективное существование ценностей (Н.О. Лосский, Н. Гартман, М. Шелер), объективным признается также и порядок ценностей, предполагающий, что абсолютные ценности стоят выше относительных, самодовлеющие ценности выше служебных. В наиболее последовательных аксиологических системах (Н.О. Лосский), среди абсолютных ценностей выделяется и признается в качестве главной ценность Божественной реальности, само Божественное Бытие как таковое, оно стоит выше частичных самодовлеющих ценностей и, тем более, тварных ценностей¹.

Русский мыслитель Б.П. Вышеславцев убедительно показывает, что «иерархия ценностей всегда завершается признанием ценности высочайшей, ощущаемой как высшая святость, высшее совершенство»². Данная ценность определяет все последующие ранги ценностей: моральные, эстетические, правовые. Религия, поэтому, задает всю систему ценностей, обра-

зующих культуру, причем системы ценностей различных религий вовсе не равны друг другу и не могут быть сведены к единому знаменателю.

Б.П. Вышеславцев справедливо говорит о том, что уничтожить высшую иерархическую ступень в иерархии ценностей нельзя. «Бог есть вершина иерархии, ее нельзя отрицать и зависимость от нее нельзя уничтожить»³. Упразднив высшую точку ценностного ряда, мы с неизбежностью получим другую вершину. Высшая ценность заменяется, таким образом, другой, подчиненной ценностью. Процесс абсолютизации, не доходящий до идеи Абсолюта, приводит, поэтому, к абсолютизации конечных ценностей. Подобный процесс, который происходил в Европе, начиная с эпохи Возрождения, стал причиной распада ценностной иерархии и привел к масштабной «переоценке ценностей».

В настоящей статье мы обозначим основные этапы процесса разрушения ценностной иерархии человечества и покажем, что каждый этап являлся закономерным моментом деструктивной логики демонтажа системы ценностей. Основная идея нашей статьи состоит

в том, чтобы показать, что устойчивостью по отношению к трансформациям обладает лишь Абсолют, никакая же относительная промежуточная стадия ценностного ряда устойчивой не является, и, поэтому, влечет за собой дальнейшее снижение ценностного ранга и, далее, полное разрушение системы ценностей.

Пришедшие на смену христианской системе ценностей в Европе ценностные системы являются производными системами более низкого ранга. Б.П. Выщеславцев обозначил три такие производные системы. Первая из них, соответствующая натуроцентристскому миропониманию, рассматривает в качестве высшей ценности природу и означает придание природе свойств и качеств Бога. Вторая, антропоцентристская, в качестве высшей ценности утверждает человека. Третья, социоцентристская, рассматривает как наиболее высокую ценность общество и придает ему черты и характеристики Абсолюта.

Продолжая развивать далее идеи Б.П. Выщеславцева, можно увидеть, что данные системы, лишённые своего подлинного духовного основания, не являются устойчивыми и обнаруживают тенденцию к дальнейшим изменениям и разрушению. Принципом нарушения ценностной иерархии во всех случаях является редукционизм, означающий сведение высшего к низшему, придание особого значения ценностям низшего порядка. В современной культуре мы можем проследить распад ценностных систем всех трех типов.

Так, становление натуроцентристской системы, предполагающей придание природе свойств и качеств Бога, происходило через промежуточные формы, такие как, например, деизм и пантеизм. В эпоху Возрождения пантеистическую позицию в той или иной форме развивали Николай Кузанский, Б. Телезио, Д. Бруно. В Новое время о божественности природы говорил Б. Спиноза. Впоследствии же, с забвением идеи Бога упразднилась и божественность в понимании природы, в ее трактовке возобладало материальное начало, пантеизм постепенно трансформировался в материализм. Природа стала пониматься как огромный механизм, как гигантская система материальных тел. Кульминацией данного подхода стало философское учение П. Гольбаха и Д. Дидро.

Но, лишившись божественных свойств, природа перестала восприниматься как высшая ценность, особенно по отношению к человеку.

В новейшую эпоху природа стала пониматься как начало, гораздо менее активное по сравнению с человеком, являющееся полем приложения его физических и интеллектуальных сил, как предметный материал для человеческой деятельности. Все более получает распространение утилитарно-прагматическое отношение к природе как безмерной кладовой. Признание природы как высшей ценности, поэтому, со временем практически сошло на нет. Напротив, в качестве высшей ценности на некоторое время утвердилось значение человека.

Антропоцентризм, утвердивший человека в качестве высшей ценности, является вторым направлением трансформации изначальной ценностной системы. Данная система восходит к принципу софистов «человек — есть мера всех вещей». Средоточием Вселенной и целью существования универсума в данной ценностной системе провозглашается человек. Антропоцентризм, поставил человека на место Бога, и изначально утверждал божественность человека (например, в работах гуманистов Возрождения).

Разумеется, и в данном случае замену абсолютной ценности относительной ценностью невозможно признать правомерной. Замена идеи Бога как высшего совершенства фигурой человека не является равноценной, так как человеческое существо само по себе не абсолютно, но является смертным и конечным. Человеку свойственно переживание трансцендентальной зависимости, он способен осознать, что существует не по собственной воле.

Антропоцентризм привел, с исчезновением идеи Бога, к разрушению и опустошению самой идеи человека. Ведь ценность человека, собственно, и состоит в его богоподобии, его причастности духу. Признание наибольшей ценности высших, духовных проявлений человека исходит из признания существования Высшего начала по отношению к человеку. Отсутствие же такого начала допускает возвышение иных полюсов человеческого бытия, в том числе и низшего, природного, плотского, телесного. Следствием отказа от признания Бога в качестве Абсолюта явилось то обстоятельство, что человек, лишенный духа и сведенный преимущественно к физиологическим функциям, стал трактоваться фактически как животное.

Действительно, если посмотреть на изменение ценности человека в исторической пер-

спективе, то в учениях мыслителей Возрождения М. Фичино и Пика делла Мирандолы человек рассматривался как промежуточная инстанция между божественным и природным бытием. Человек мог подниматься благодаря своим добродетелям к ангельскому миру, а мог упасть и опуститься до животного бытия. Желательным и ценностно положительным было направление человека вверх, его духовный рост, второе же направление рассматривалось как крайне негативное, как деградация и падение человека. Отказ от идеи Бога, таким образом, означал отказ от различения благого и порочного в бытии человека.

В Новое время понимание человека как существа преимущественно разумного, в первую очередь обладающего разумом (Р. Декарт, Г. Лейбниц), также исходило из признания Бога (*Intelligentia Supramundana*) в качестве Высшего начала мироздания. Ценность человека, таким образом, в значительной степени определялась его родственностью Богу. Вместе с тем, в Новое время появляются уже трактовки человека, низводящие его до образа производящей ощущения машины или даже до некоего (в естественном состоянии) звероподобного существа (Т. Гоббс). Таким образом, понятие человека как высшей ценности серьезным образом трансформируется. Трехмерность человека, трехсоставность (дух, душа и тело) оборачиваются одномерностью, сведению к телесности, чувственности, животности. Божественность человека утрачивается, уступая место его животной природе.

Во второй половине XIX — начале XX века человек начинает уже мыслиться преимущественно как животное, прошедшее определенную эволюцию, но сохраняющее в себе свойства, присущие животному бытию. Ключевыми фигурами в низведении ценности человека до уровня животного бытия являются Ч. Дарвин и З. Фрейд. Гуманизм трансформировался в такие побочные формы как эгоизм, гедонизм. Но и на данном уподоблении снижение ценности человека не закончилось. У Ф. Ницше появляется идея человека, представляющая его как больное животное, существование которого противоречит принципам животного мира. Поэтому вслед за смертью Бога Ф. Ницше провозглашает и смерть человека.

Трансформация происходит и в понимании ценности человеческой свободы. Свобода, имеющая свое колоссальное достоинство лишь в сфере божественного бытия, начинает

рассматриваться как самодостаточная, автономная ценность, что приводит ее к деградации и вырождению. Антиномии свободы глубоко показаны в сочинениях Ф.М. Достоевского и проанализированы Н. Бердяевым. Ж.-П. Сартр, рассматривающий человека как производное от свободы бытия, трактует его как ничто, как дырку в бытии.

В постмодернистских учениях человек низводится до уровня телесности и рассматривается преимущественно как тело. Постмодернизм говорит о смерти человека, связанного с духом, душой, разумом. Более того, освобождение от духовности является сознательной установкой постмодернизма. Так, например, М. Фуко, применяя метод археологии, снимает и упраздняет такие пласты человеческой сущности, как уровни разума, воли, души, духа и подбирается к телу, которое рассматривается им как последняя тайна человека. Человек лишается также и экзистенциального измерения и сводится лишь к телесным реакциям. В результате наивысшей ценностью оказывается пребывающая сама по себе плоть. Так, для М. Мерло-Понти «очагом смысла» является именно человеческое тело. Современная цивилизация, поэтому, преимущественно ориентирована на тело, и связанные с ним спорт и медицину. Проблемы, связанные с телом, темы диет, косметологии, спорта являются, поэтому, одними из наиболее актуальных.

Но и эта ценность утрачивает свои позиции. На рубеже XX–XXI вв. радикально меняется отношение к телу, оно начинает рассматриваться как способ хранения и передачи информации, далеко не самый удобный, достаточно сложный и громоздкий, который должен быть также преодолен. Тело все больше подлежит расшифровке, интерпретации, виртуальному представлению. «Человеческое тело, наше тело, кажется излишним в своей распростертости, в сложности и множественности своих органов, тканей и функций, потому что сегодня все концентрируется в мозге и генетическом коде, которые целиком исчерпывают операциональное определение бытия»⁴.

С точки зрения новых научных идеологий человеческое тело также должно быть преодолено. Предполагается, что в некотором будущем сознание, отделившись от биологического носителя, не будет нуждаться в посредничестве тела. Материальность тела рассматривается как вторичная по отношению

к логическим и семиотическим структурам, которые в ней закодированы.

Современная теория в основном «постчеловечна», она ставит информационную модель выше ее материального воплощения, и тем самым уравнивает человека с роботом или даже ставит его ниже. Так, Ханс Моравек, автор идеи мыслящих машин, говорит, что «человек... — это всего лишь второсортный робот, в который вмонтирован неисцелимый дефект — его конструкция задана протеиновым синтезом под руководством ДНК. Только в глазах человеческих шовинистов у него будет какое-то преимущество»⁵.

Таким образом, и человеческое тело, последний оплот антропологии, более не рассматривается как ценность, а напротив, понимается как нечто, требующее преодоления. Антропоцентрическая ценностная система, таким образом, демонтируется полностью.

В Новое время получила свое рождение третья из производных аксиологических систем, социоцентристская, которая состоит в абсолютизации общества и общественной жизни. В данном случае в качестве высшей ценности, занявшей место Бога и подчинившей себе человека, стало рассматриваться общество. Такой подход мы можем увидеть, например, в позитивистской и марксистской социологии, отстаивающих принцип социологического реализма. При данном подходе, человек, его личность является уже вторичным и производным началом по отношению к обществу. Все содержание личности рассматривается как изначально принадлежащее обществу. Более того, личность определяется через совокупность общественных связей, другого содержания в ней не усматривается.

Отсутствие высшего начала по отношению к социуму привело к тому, что в качестве основных и определяющих в жизни общества стали трактоваться материальные факторы (марксизм). Вся духовная жизнь общества стала рассматриваться как надстройка, целиком обусловленная материальными условиями жизни, состоянием и уровнем развития производительных сил. Но такое самодовлеющее общество, лишенное духовных и ценностных ориентиров, трансформировалось, в конце концов, в общество потребления, являющееся, согласно Ж. Бодрийяру, обществом самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура, и где даже изобилие является следствием тщательно маски-

руемого и защищаемого дефицита, имеющего смысл структурного закона выживания современного мира⁶.

В таком обществе потребления все превращается в симулякры — призрачные ценности, знаки без значения.

Таким образом, можно увидеть, что система секулярных ценностей была основана и существовала на основе ценностей религии. Европейская культура была построена на основе христианских ценностей. Но, как только светская ценностная система окончательно эмансипируется от религиозной системы, ценности, лишённые своей духовной онтологической подпитки, перерождаются и вырождаются. Религия, поэтому, должна оставаться фундаментом культуры и системы ценностей.

Можно сказать, что в определенной степени судьба человечества зависит от того, какое понимание ценностей возобладает. Наличие абсолютных ценностей утверждает наличие вневременных образцов культуры и жизни и, тем самым, сохраняет человеческую цивилизацию от разрушения. Релятивизация ценностей приводит к их размыванию и упрощению, что ведет к распаду и гибели человеческой культуры.

Деформация ценностного строя — особенность современной цивилизации, она имеет причины философского и общекультурного порядка. Выходом из распада ценностной системы является восстановление изначальной, неповрежденной иерархии ценностей, вершиной которой является Бог. Следует отметить, что актуальность данной проблемы не уменьшается, а, напротив, возрастает и в наше время в связи с продолжающимся распадом системы ценностей у современного человечества.

¹ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей.// Лосский Н.О. Бог и Мировое зло. М., Республика, 1994, с. 273.

² Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии// Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М. 1994, с. 294-295.

³ Вышеславцев Б.П. Миф о грехопадении// Путь, 1932, с. 9-10.

⁴ Бодрийяр Ж. Экстаз коммуникации. New York: Semiotext(e), 1988, p. 18.

⁵ Hans Moravec/ Mind Children. The Future of Robot and Human Intelligence. Cambridge. 1988., p.108 цит. по М.Н.Эпштейн Философия тела. Г.Л. Тульчинский Тело свободы. Спб, Алетейя, 2006, с.10-15.

⁶ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Пер. с фр. М., Республика, 2006.

Slavic Writing and Culture (Public and Historical-Legal Aspects)

Славянская письменность и культура (государственные и историко-правовые аспекты)

Vasily Dmitrievich SAMOILOV,
doctor of pedagogy,
candidate of military sciences, professor,
professor Institute of Economics and culture
E-mail: office@unity-dana.ru

Василий Дмитриевич САМОЙЛОВ,
доктор педагогических наук,
кандидат военных наук, профессор
профессор Института экономики и культуры
E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования: В.Д. Самойлов. Славянская письменность и культура (государственные и историко-правовые аспекты). Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 63—65.

Annotation. The state-legal aspects of the phenomenon of slavic writing and culture are reflected, which orient students, mastering the disciplines of historical, legal and state orientation, to the formation of general cultural competences.

Key words: slavic writing and culture, Cyril and Methodius, the history of the domestic state and law, the history of state and law of foreign (slavic) countries, general cultural competence

Аннотация. Отражены государственно-правовые аспекты феномена славянской письменности и культуры, которые ориентируют обучающихся, осваивающих учебные дисциплины историко-правовой и государственной направленности, на формирование общекультурных компетенций.

Ключевые слова: славянская письменность и культура, Кирилл и Мефодий, история отечественного государства и права, история государства и права зарубежных (славянских) стран, общекультурные компетенции

Наследие Кирилла и Мефодия воздействовало на культуру славянских государств: Болгарии, а через нее — Руси, Сербии, Чехии, Хорватии. Разработанная братьями письменность оказала влияние на развитие русской книжности и литературы. Однако Кирилл с Мефодием не имели отношения к созданию русско-славянской письменности. Русские тогда знали, что греки перевели Священное Писание на доступный славянам язык, что папа Иоанн XIII (965—972) в 967 г. запретил богослужение на русском или славянском языке, в чем трудно было усмотреть благое желание к русским. Для уяснения такого события сделаем экскурс в отечественную историю, а затем в историю государства и права зарубежных (славянских) стран [1, С. 235; 2—6].

1. История отечественного государства и права

18 июня 860 г. на берегу Босфора высадились до 50 000 русов на 360 кораблях и осадили

Константинополь (Царьград) [1, С. 631]. Император Михаил III выплатил выкуп 48 000 гривен золотом, предложив заключить мир, и 25 июня 860 г. русы сняли осаду. Более удачного похода русов на Византию не было; все позднейшие кончались поражениями. В 862 г. Ростислав, князь Великой Моравии из династии Моймировичей (правил с 846 по 870 г.), обратился к царю Византии Михаилу III с просьбой прислать священника для *окормления* (стар. слав. — кормчий, ведущий — это наставление духовного лица мирянину, ведение его духовным путем, путевождение, управление [7]) славян. Царь отправил в Моравию Константина и Мефодия (греки, уроженцы города Солунь /Фессалоники/, из семьи византийского военачальника).

Кирилл (светское имя Константин, 827—869) — сверстник Михаила III, с кем он учился у патриарха Фотия, миссионеры которого обратили в 867 г. часть *киевлян* в христианство,

установив русскую епископию [1, С. 106, 632]. Кирилл с юности обладал способностями к филологии и в Константинополе учился у Льва Грамматика и Фотия. После обучения принял сан священника, был библиотекарем собора Св. Софии и преподавал философию. В составе посольства в 851—852 г. был при дворе арабского халифа Муттавакия, где вел богословские дискуссии с мусульманскими учеными.

Брат Мефодий (ок. 815—885) по военной стезе дослужился до стратега провинции, но, оставив службу около 852 г., удалился в монастырь на Олимп, где принял монашеский постриг, стал игуменом монастыря Полихрон на вифинском Олимпе (Малая Азия). Сюда прибыл Константин. В монастыре братья получили от Правительства Греции поручение отправиться в Хазарию, на пути в которую в Херсонесе они увидели мощи Апостола, римского епископа Св. Климента, Евангелие и Псалтырь (русские письма). В 863 г. братья прибыли в Моравию, где латинское духовенство протестовало против богослужения на славянском языке. Для разрешения спора братья поехали в Византию, но были извещены об отлучении Фотия (863), и повернули в Рим к понтификсу Николаю I (умер в 867 г.).

На самом деле, папами римские наместники стали называться после 1052 г., когда окончательно ушли в ересь, а до 797 г. все римские главы церкви были епископом римским, пока евреи не посадили своего еврея на римскую кафедру для исполнения должности понтификс, не стали извращать каноны и догматы. В Риме преемник Николая I понтификс Адриан II встретил братьев с мощами Св. Климента (они привезли их из Крыма), одобрил их начинания, поручил епископам Формозу и Гаудериху ехать в Моравию для совершения богослужения на славянском языке, а Мефодия посвятил в священники.

Кирилл и Мефодий составили славянскую азбуку, переведя с греческого на славянский язык несколько *богослужебных книг* (включая избранные чтения из Евангелия, апостольские послания и Псалтырь), способствуя введению

и распространению славянского богослужения, своего алфавита.

Из-за болезни брата Мефодий пребывал в Риме. Константин умер 14 февраля 869 г. Из Рима Мефодий уехал в 870 г. не в Моравию, а в Нижнюю Паннонию, куда его назначил архиепископом римский понтификс Адриан II. Но послужить Мефодию не удалось, здесь латинские священники, обвинив его в ереси и потребовав на суд собора, на два с половиной года осудили его. После чего он вынужден был ехать в Рим к новому понтификсу Иоанну, кто оправдал Мефодия, удовлетворив латинское духовенство, и разрешил славянское богослужение (Апостол и Евангелие) читать сначала по-латыни (для князей и вельмож), а потом по-славянски.

Снова Мефодия оклеветали перед понтификсом римским Стефаном VI, кто назначил вместо Мефодия архиепископа Вихинга. Умер Мефодий после прибытия его сменщика. Вскоре латинские священники стали истреблять все следы славянских священников. В 886 г. ученики Мефодия (Горазд, Климент, Наум, Ангеларий, Савва и Лаврентий), пробыв в заключении, были изгнаны из Моравии и нашли прибежище у болгарского царя Бориса /Михаила/.

2. История государства и права зарубежных (славянских) стран [2—6]

День болгарского просвещения, культуры и славянской письменности является официальным болгарским национальным праздником и отмечается 24 мая, когда чествуют культуру и создателей славянской азбуки (кириллицы) равноапостольных святых (они же солунские братья, признанные святыми в конце IX в.), Кирилла (младший брат, умер 14/27 февраля) и Мефодия (старший брат, умер 6/19 апреля). История праздника характерна для болгарской церковной традиции в X—XI в. Изначально праздновали 11 мая.

В период болгарского возрождения праздник святых Кирилла и Мефодия превратился в праздник созданной ими азбуки и с 1851 г. выражал духовное стремление к независимо-

сти церкви, национальное самоопределение, расцвет просвещения и культуры болгар. Причем, праздник отмечался в Болгарии и эмигрантами из России и Румынии, болгарскими студентами за границей, заключенными в тюрьмах Турции. С переходом Болгарии в 1916 г. на григорианский календарь праздник отмечается 24 мая по решению 9-го Народного собрания Болгарии 30 марта 1990 г. С присоединением Болгарии к Евросоюзу 1 января 2007 г. кириллица стала его третьей официальной азбукой [2—6].

В России празднование тысячелетия Моравской миссии святых Кирилла и Мефодия связано с постановлением Российского Святейшего Синода от 11 мая 1863 г., а 24 мая объявлен «праздником славянской культуры и письменности» в 1985 г., когда отмечалось 1100-летие преставления Мефодия. Президиум Верховного Совета РСФСР от 30 января 1991 г. № 568—1 постановил ежегодно проводить «Дни славянской культуры и письменности» в одном из населенных пунктов России [8].

В Македонии это День всеславянских просветителей и учителей или День святых солунских братьев святых Кирилла и Мефодия, когда граждан страны приветствует ее премьер-министр, а основные торжества проводятся перед памятником Святым Кириллу и Мефодию в городском парке общины Охрид и организуются муниципальными властями в присутствии деятелей образования и культуры, студентов, представителей общественных организаций и политических партий, с возложением цветов к памятнику.

Таким образом, государственно-правовые аспекты феномена русско-славянской письменности и культуры следует ориентировать на освоение обучающимися содержания профильных учебных дисциплин историко-правовой и государственной направленности с целью формирования у них более достоверных представлений, знаний, умений, навыков как совокупности общекультурных компетенций.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2016. 736 с.
2. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60—63.
3. Самойлов В.Д. Государственно-правовое регулирование социально-экономических и политических процессов: учебник / В.Д. Самойлов. М., 2013. 272 с.
4. Самойлов В.Д. Миграциология. Конституционно-правовые основы: монография. М., 2013. 487 с.
5. Самойлов В.Д. О совершенствовании государственной миграционной политики Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. № 3. С. 82—88.
6. Самойлов В.Д. Методология преподавания юриспруденции в системе высшего образования России: монография. М., 2016.
7. URL: <https://yandex.ru/search/> (дата обращения: 26.5.2019).
8. URL: <https://my-calend.ru/holidays/den-slavyanskoy-pismennosti-i-kultury> (дата обращения: 25.5.2019).

Legal Policy of the State as an Object of Political Science Analysis

Правовая политика государства как объект политологического анализа

Aleksandr Ilitch SATSUTA,
professor of the department of the Sociology
and Politology of the Russian MIA
Moscow University named after V.Ya. Kikotya,
candidate of philosophy, professor
E-mail: al.satsuta@mail.ru

Александр Ильич САЦУТА,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук, профессор
E-mail: al.satsuta@mail.ru

Для цитирования: А.И. Сацута. Правовая политика государства как объект политологического анализа. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 66—71.

Annotation. On the basis of theoretical ideas and provisions developed and used in the domestic legal science, the article provides a political science interpretation of the legal policy of the state as a phenomenon. Through the prism of political science, the concept of «legal policy of the state» is defined, its nature, essence and structure as an institutionalized integral phenomenon in the system of general policy of the state are characterized. Some features and problems of the legal policy of the Russian state are revealed.

Key words: jurisprudence, political science, politics as a public phenomenon, legal policy of the state, political relations, legal relations, political science dimension of the legal policy of the state, legal policy of the Russian state

Аннотация. В статье на основе разработанных и используемых в отечественной юридической науке теоретических идей и положений дается политологическая интерпретация правовой политики государства как явления. Через призму политической науки определяется понятие «правовая политика государства», характеризуются ее природа, сущность и структура как институализированного целостного явления в системе общей политики государства. Раскрываются некоторые особенности и проблемы правовой политики российского государства.

Ключевые слова: юридическая наука, политология, политика как общественное явление, правовая политика государства, политические отношения, правовые отношения, политологическое измерение правовой политики государства, правовая политика российского государства

В современных цивилизованных странах правовая политика государства приобрела высокую социальную значимость, является объектом особого интереса ученых, политиков, публицистов и всех граждан. В России, как и в других странах, правовая политика государства наиболее активно изучается и исследуется учеными-юристами. В отечественной юридической науке разработаны и используются множество определений понятия «правовая политика», ее показателей и характеристик и их толкования [5, с. 52—63]. Правовая политика государства определяется и как «деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию механизма эффективного правового регулирования, по цивилизованному использо-

ванию юридических средств» [5, с. 58], и как «деятельность государства и институтов гражданского общества по обеспечению функционирования и развития правовой системы, оптимизации механизма правового регулирования, укреплению правовых основ в жизни общества» [8, с. 16], и как «комплекс идей, задач, целей, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права» [6, с. 469].

В юриспруденции понятие «правовая политика» часто употребляется как синоним понятия «легитимная политика» или «законная политика». Нередко оно трактуется как «особая форма выражения государственной политики, средство юридической легитимации политического курса страны, воли ее официаль-

ных лидеров и властных структур» [6, с. 470]. Исследуется и характеризуется правовая политика также и как деятельность государства в определенной сфере общественных отношений, жизнедеятельности общества [4]. По-разному раскрываются принципы, структура, формы, цели, средства, приемы и способы, механизм реализации и совершенствования правовой политики [5, с. 61—62; 7, с. 10—11].

Очевидно, что, даже при некоторой несогласованности и противоречивости формулировок, оценок, выводов и заключений, в отечественной юридической науке имеются существенные наработки в области исследований правовой политики государства, выдвинуты и обоснованы разнообразные теоретические взгляды и идеи с различных позиций, объясняющие и характеризующие правовую политику как феномен. Они составляют качественную теоретико-методологическую основу дальнейшего системного научного осмысления правовой политики государства, концептуализации представлений о ней в широком диапазоне социально-гуманитарного знания, в т.ч. через призму политической науки.

При политологическом измерении и объяснении правовой политики государства следует исходить из понимания природы и сущности политики как общественного явления. По Аристотелю происхождение политики и ее природа как явления обусловлены природой человека как существа социального, способного полноценно жить лишь в коллективе, обществе и обреченного взаимодействовать с другими людьми [1, т. 4, с. 378]. В самом общем смысле сущность политики составляют сознательные и целесообразные общественные отношения, целенаправленная деятельность по регулированию взаимоотношений и взаимодействия людей во всех сферах их жизни, обеспечивающие реализацию определенных интересов и достижению тех или иных целей. «Политика, — писал М. Вебер, — имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству» [2, с. 664].

При политологическом анализе правовой политики государства важно учитывать, что

политическая наука исследует и характеризует политику не только как широкое общественное явление, пронизывающее все стороны человеческой жизни и имеющее различные проявления, но также и все то, что, по Аристотелю, относится к государству. Государство рассматривается в политологии как основной субъект и институт политики, призванный согласовывать различные социальные потребности и интересы, обеспечивать социальную стабильность в стране и ее безопасность, выстраивать ее взаимоотношения на международной арене с учетом национальных интересов.

Исходя из природы и сущности политики, как родового по отношению к правовой политике общественного явления, с учетом особой роли государства в политике, которую ему отводит политическая наука, допустимо утверждать, что правовая политика государства является социально обусловленным и общественно необходимым феноменом, результатом усложнения и дифференциации общественных отношений, она зарождается и формируется в сфере правовых отношений. Правовые отношения при этом составляют часть общественных отношений внутри страны и в мире, относятся, как и другие их формы, к объекту государственного воздействия и регулирования.

Правовая политика государства представляет особый вид его деятельности, специфическую форму взаимодействия государства с другими субъектами политических отношений в обществе и мире. Она одна из разновидностей государственной политики, выделяемых в соответствии со сферами общественной жизни (экономическая, социальная, военная, духовная и др.), часть внутренней и внешней политики государства. Содержание правовой политики составляет деятельность государства по развитию и совершенствованию правовых отношений в целях юридической легитимации политического курса и задач развития страны, ее места и роли в системе международных отношений, интересов и целей официальных политических элит и властных институтов. Правовая политика государства — это деятельность государственных

органов по разработке, совершенствованию и реализации норм национального и международного права, по правовому регулированию отношений в стране и на международной арене, созданию правовых условий жизнедеятельности общества и использованию правовых средств для реализации национальных интересов.

Правовая политика государства в политологическом ракурсе, как и другие разновидности государственной политики, — это относительно самостоятельная, обособленная политика, обладающая специфическими особенностями. Так, ее содержание и характер непосредственно определяются состоянием и развитием правовой сферы общества, международными правовыми отношениями, интересами и целями господствующей в обществе политической элиты, зависят от социально-экономического и общественно-политического устройством страны, уровня и задач ее развития, внутри общественных и внешних социокультурных факторов. В правовой политике государства, в отличие от других разновидностей государственной политики, используются в основном специфические правовые механизмы и средства воздействия на все сферы общественной жизни и виды общественной деятельности, международные отношения. В реализации правовой политики государство публично использует нормативно-правовое принуждение. По воздействию на общественные отношения и проявлению правовая политика имеет государственно-волевой характер, властно-императивное содержание. Правовая политика представляет также единство теоретической и практической деятельности государства, обеспечивающее комплексную организацию и функционирование правовой системы общества, всеобъемлющее регулирование правовых отношений.

В соответствии со структурным подходом, элементами структуры правовой политики государства в политической науке принято выделять субъекты правовой политики, ее теоретические и доктринально-политические основы, принципы, направления (формы), средства, приемы и методы организации и реализации.

Естественно, что ведущим и главным субъектом правовой политики является государство в совокупности составляющих его органов. Им определяется стратегия и тактика правовой политики, ее содержание и приоритеты, осуществляется организация и реализация правовой политики, координация взаимодействия участников правовых отношений. Кроме государства в современном обществе субъектами правовой политики являются и другие социальные институты, организации и группы, граждане, институты гражданского общества, органы местной власти, которые при решающей роли государства и во взаимодействии с ним принимают то или иное участие в организации и осуществлении правовой политики.

В России правовая политика вырабатывается, организуется и реализуется Президентом страны, Федеральным собранием и Правительством Российской Федерации, Конституционным и Верховным судами Российской Федерации, комитетами Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации, законодательными (представительными) и исполнительными органами власти субъектов Федерации, научными организациями и учреждениями. В формировании и реализации правовой политики в России, в соответствии с установленными государством правилами и механизмами, принимают участие политические партии и другие общественные объединения, а также отдельные индивиды, органы местного самоуправления.

Теоретические и доктринально-политические основы правовой политики государства составляют совокупность теоретических положений и идей юридической и других наук, а также, закрепленные в государственных документах текущие, долгосрочные и перспективные цели общественных преобразований и задач развития страны, обеспечения ее безопасности, национальные интересы и приоритеты. Современная российская правовая политика основывается на классических и актуальных идеях теории права, теоретических положениях философии права, социологии права, политологии и других социально-гуманитарных наук о взаимосвязи и взаимо-

действию права и других явлений и сфер общественной жизни, положениях и нормах основополагающих государственных политических, политико-правовых и нормативных документов по актуальным проблемам организации и развития общественной жизни России и ее внешних отношений.

Теоретические и доктринально-политические основы правомерно считать «идеологией» правовой политики государства. Ими определяются методология и технологии разработки, организации и реализации правовой политики, в них системно изложены интересы личности, общества и государства, цели и задачи властвующей политической элиты, внутренней и внешней политики государства, в соответствии с которыми определяются содержание, приоритеты и механизмы правовой политики.

Принципы правовой политики представляют собой нормы и правила ее организации и реализации, выработанные в результате обобщения и осмысления практики регулирования государством правовых отношений и ее результатов. Наиболее общими принципами современной правовой политики государства являются: научность, устойчивость и последовательность, легитимность, демократический характер, гуманность и справедливость, гласность, соблюдение баланса интересов личности и государства, приоритет прав человека и гражданина, соответствие общепринятым международным стандартам и нормам. Безусловно, что эти принципы не являются раз и навсегда данными аксиомами, они подвижны и изменчивы, дополняются другими. Однако, как свидетельствует практика, следованием общим принципам в правовой политике является фактором ее качества и эффективности.

Направления (формы) правовой политики государства составляют доктринальное, правотворческое, правоприменительное, правоинтерпретационное, право обучающее. Доктринальное направление правовой политики реализуется развитием теории права как основы организации и проведения правовой политики, разработкой и развитием концепции правовой системы государства. Основные

содержание доктринального направления составляют выдвижение и обоснование теоретических идей и положений новых отраслей права, юридических конструкций и механизмов правового регулирования, взаимодействия правовой системы общества с правовыми системами других стран и их структурами, разработка и принятие основополагающих политических, политико-нормативных и нормативных документов по проблемам и приоритетам развития страны.

В современной России юридическая наука пока развивается весьма противоречиво, фрагментарно, отсутствует единая и скоординированная программа правовых исследований. Отечественная юридическая наука отстает от потребностей и запросов правовой практики, нередко заимствует те, или иные правовые постулаты и конструкции из-за рубежа и механически переносит их на российскую действительность.

Принятие, уточнение, изменение и отмена нормативных актов составляют правотворческое направление правовой политики современного государства. Этот процесс включает анализ и оценку состояния правовых отношений в обществе и на международной арене, прогнозирование перспектив их развития, анализ эффективности действующих норм национального и международного права, их соответствия общественным потребностям, реальной обстановке в стране и мире, определение приоритетов нормотворчества.

Совершенствование правотворческого направления правовой политики российского государства сегодня связано с повышением качества принимаемых законов и других нормативных актов, их общественной востребованностью и социальной значимостью. Актуальную повестку дня правотворческой деятельности в российском обществе составляют вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства, создания гарантий для защиты прав и свобод личности и гражданина, предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), борьбы с терроризмом и экстремизмом, коррупцией, распространением наркотиков, защиты нацио-

нальных интересов и повышения авторитета страны в системе международных отношений. Российское законодательство нуждается в систематизации и относительной стабильности, должно быть ограждено, особенно конституционные и федеральные законы, определяющие правовое пространство организации и функционирования важнейших сфер общественной жизни, от частой корректировки, внесения непродуманных поправок, принятия искажающих их смысл подзаконных актов.

Правоприменительное направление правовой политики государства заключается в создании, обеспечении функционирования и совершенствовании механизма правового регулирования общественных отношений, в реализации норм права. Правоприменительное направление правовой политики российского государства в современных условиях, несмотря на то, что в последние годы ему неоднократно уделялось внимание в Посланиях Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, разного рода государственных документах и актах, в этой области практически перманентно осуществляются реформы и преобразования, является пока еще недостаточно эффективным, не пользуется доверием российских граждан. Основными причинами этого являются недостатки и проблемы в правотворческой деятельности, многочисленность и разнородность субъектов право применения, несогласованность и даже противоречивость их действий.

Совершенствование правоприменительного направления правовой политики в Российской Федерации требует оптимизации и комплексного развития состава, и структуры государственных институтов и органов правоприменительной практики, координации и согласования их взаимодействия между собой, а также с муниципальными органами, гражданским обществом. В реализации правоприменительного направления правовой политики постоянно следует помнить предупреждение отечественного мыслителя В.С. Соловьева: «Если Россия не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины,

она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах, ни внешних, ни внутренних» [9, т.2, с. 24].

Разъяснение и толкование сути и смысла правовых актов и норм, порядка и механизма их реализации составляют право интерпретационное направление правовой политики государства. Реализуется это направление принятием органами правоохранительной системы актов толкования норм права, постановлений и решений по оценке применения отдельных норм права, письменными и устными комментариями законов как в целом, так и по статьям, правовым информированием граждан и правовой пропагандой.

Развитие право интерпретационного направления правовой политики государства в Российской Федерации связано с формированием, расширением и реализацией прецедентного права, что имеет существенное значение для точного, без искажений применения норм права на практике. Требуется повышение качества отечественных актов толкования норм международного права, национальных законов и других нормативных актов, постановлений и решений по практике применения правовых норм, улучшение стиля изложения и обеспечение доступности языка содержания этих документов. Особую актуальность в современных условиях имеет разъяснение соотношения и приоритетности норм национального и международного права.

Прав обучающее направление правовой политики — это организация юридического образования в стране, подготовка кадров в области теории права и правовой практики, правовое просвещение граждан, формирование и развитие их правовой культуры и активности. Несмотря на позитивные изменения в последнее время, пока еще требуется дальнейшая корректировка, созданной в 90-ые годы прошлого века в России, как модный бренд и ответ на общественный запрос, система юридического образования, которая по сути оказалась неэффективной и недейственной, не обеспечивала подготовку высококвалифицированных юристов. Злободневным является вопрос повышения качества юриди-

ческой подготовки сотрудников правоохранительных органов и спецслужб. В России пока нет систематической работы по формированию и развитию правовой культуры, правовой грамотности и активности граждан, формированию их правового сознания, следствием чего являются правовая неграмотность и правовой нигилизм в обществе. Сегодня необходимо, как предлагал в свое время еще И.А. Ильин, сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы добровольно соблюдал свои обязанности и запреты, лояльно пользовался своими полномочиями» [3, с. 178].

Средства (ресурсы), приемы и способы в структуре правовой политики представляют собой совокупность все того материального и идеального, что используется субъектами правовой политики для организации и осуществления правового обеспечения общественных отношений и их правового регулирования, с помощью чего достигается воздействие государства на правовую систему общества и правовые отношения в мире с целью достижения определенных политических целей, решения тех или иных конкретных задач, как в обществе, так и на международной арене. Средства правовой политики весьма разнообразны, так как государство использует в ней практически все средства, которые применяются политике в целом. Однако все же, приоритетное значение в правовой политике имеют такие средства как законы, указы, постановления, международные договоры и соглашения, правовые традиции, правовая культура, а также специализированные учебные заведения и научные учреждения, институты и организации правоохранительной системы, обеспечения общественной и государственной безопасности.

Приемы и способы правовой политики государства составляют разработка, принятие и введение в действие нормативных актов, контроль эффективности правовых актов и норм и их корректировка, пропаганда и разъяснение правовых актов и норм, убеждение, поощрение, стимулирование, насилие, манипу-

лирование и т.д. Средства, приемы и способы составляют ядро механизма правовой политики государства.

Политологический анализ правовой политики государства предполагает раскрытие и объяснение и других ее характеристик (показателей), таких, например, как классификация правовой политики, механизм ее реализации и совершенствования и др. В современной политической науке правовая политика государства рассматривается как институализированное явление в структуре общей политики государства, в системе политических отношений и взаимодействия, выполняющее исключительно важную роль в обеспечении социальной стабильности, общественной и государственной безопасности, защите и реализации интересов личности, общества и государства.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч. В 4-х т. М.: Мысль, 1976.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. М., 1994.
4. *Ирошников Д.В.* Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности (теоретический аспект). Автореф. дис. на соиск. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. *Малько А.В.* Правовая политика: дискуссионные аспекты понимания // Правоведение. 2012. № 2.
6. *Матузов Н.И., Малько А.И.* Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2015.
7. *Панченко В.Ю.* О формах правовой политики // Право и политика: история и современность: материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (13—14 декабря 2013 г.). Омск, 2014.
8. *Рысина Е.П.* Эффективность правовой политики: проблемы теории и практики. Автореф. дис. на соиск. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
9. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. Собр. соч. в 2-х т. М., 1988.

Transnational Military Mechanism and the State Erosion: Global and Latin American Aspects

Транснациональный военный механизм и эрозия государства: глобальный и латиноамериканский аспекты

Andrei Nikolaevich PIATAKOV,
Cand. Sci (Politicalology), Leading Researcher of Political
Studies Center, RAS Latin America Institute, Moscow
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Андрей Николаевич ПЯТАКОВ,
кандидат политических наук, ведущий научный
сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва
E-mail: anpyatakov@yandex.ru

Aleksandrovich Vladimirovich KHARLAMENKO,
Cand. Sci (Philosophy), Leading Researcher of Political
Studies Center, RAS Latin America Institute, Moscow
E-mail: aharlamenko@yandex.ru

Александр Владимирович ХАРЛАМЕНКО,
кандидат философских наук, ведущий научный
сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва
E-mail: aharlamenko@yandex.ru

Для цитирования: А.Н. Пятаков, А.В. Харламенко. Транснациональный военный механизм и эрозия государства: глобальный и латиноамериканский аспекты. Социально-гуманитарное обозрение. 3/2019. С. 72—76.

Annotation. The article considers two key elements of the emerging transnational State «military machine» — the US military bases and private military corporations. Modern approaches to the military bases classification are covered. The analysis is based upon both Latin American and international political realities» factual material.

Аннотация. В статье рассмотрены два ключевых элемента формирующейся «военной машины» транснационального государства — военные базы США и частные военные корпорации. Освещены современные подходы к классификации военных баз. Анализ проведен на основе фактического материала латиноамериканской и международной политической действительности.

Key words: military bases, private military corporations, transnational capital, Latin America

Ключевые слова: военные базы, частные военные корпорации, транснациональный капитал, Латинская Америка

Данная статья представляет собой продолжение [1] рассмотрения феномена транснационального государства (далее — ТГ) и посвящена более детальному рассмотрению феноменов военных баз (далее — ВБ) США и частных военных корпораций (далее — ЧВК) как ключевых составных частей военной компоненты ТГ, активно формирующегося, согласно обосновываемой авторами гипотезе, в современном мире.

Глобальный контекст

После распада СССР и социалистического блока современный капитализм становится непосредственно глобальной мировой системой. Вследствие этого в мировом масштабе формируется транснациональный класс [2], который, следуя логике защиты своей собственности, вынужден обзаводиться глобальным военным аппаратом, охраняющим его интересы. Экономические интересы мировой

буржуазии выражают такие наднациональные финансовые органы, как МВФ, ВТО, Всемирный Банк. Возможно, сейчас мы стоим на пороге образования нового наднационального института, выполняющего военные функции. Причин (а отчасти предлогов) для образования такой глобальной военной «машины» в современном мире достаточно: это и проблема терроризма [3], и рост трансграничной преступности [4], и наркотрафик и т.п.

Прообразом такого института стремятся стать Пентагон и НАТО. Но они, будучи по происхождению государственной и межгосударственной структурами, доступными в принципе воздействию общественно-политических процессов в соответствующих странах, не вполне адекватны транснациональному капиталу, отрицающему национально-государственную организацию как таковую. Уже существуют другие зачатки будущей мировой армии ТГ, пожалуй, более адекватные нынешнему этапу

глобализации капитала. Это, с одной стороны, иностранные ВВ США, с другой — ЧВК. Рассмотрим последовательно каждое из этих явлений, опираясь преимущественно на латиноамериканский опыт, поскольку он дает наибольшее количество фактического материала для осмысления.

Феномен военных баз

В настоящее время США располагают по всему миру порядка 800 ВВ [5], которые уже давно стали мощным инструментом геополитического гегемонизма и давления [6]. Самый яркий и символичный в этом отношении регион — Латинская Америка, где военное присутствие Пентагона носит перманентный характер. Вместе с тем его формат претерпевает в последние десятилетия институциональные трансформации. Ряд политологов фиксирует формирование феномена «квазибаз», которые внешне выглядят иначе (что делает их в определенном смысле «невидимыми», о чем говорилось в предыдущей статье), но де-факто выполняют те же функции. Изменение внешней оболочки феномена американских ВВ обычно не приводит к изменению содержания.

Что касается экспертных оценок количества ВВ США в регионе, то здесь нет единого мнения; разные источники предоставляют подчас противоречивую информацию. Так, согласно докладу Департамента Обороны США в 2015 г. [7], по меньшей мере в 5 государствах региона официально действуют ВВ США. Речь идет о Кубе (база Гуантанамо), Гондурасе, Сальвадоре, Колумбии и Перу. Но это официальная точка зрения, так сказать, де-юре, а не де-факто. Чтобы составить представление о реальном положении дел и оценить общий объем ВВ США в регионе, следует обратиться к их официальной классификации. После закрытия в 1999 г., согласно договору, заключенному еще в 1978 г. О. Торрихосом и Дж. Картером, базы Говардс (Howards) в Панаме, США почувствовали минусы прямого, неприкрытого военного присутствия и разработали более гибкую модель. Согласно типологии, внедренной Пентагоном в начале XXI века, существует две разновидности ВВ.

Первый тип — ВВ в традиционном понимании, обозначаемые в американской терминологии как основные операционные базы (Main Operating Base, МОБ). Это максимально

оснащенные военные комплексы с соответствующей инфраструктурой и логистикой, с крупным военным контингентом на постоянной основе. Именно базы такого типа Пентагон считает за собственно военные и упоминает в своих докладах. Главная особенность таких баз в том, что они функционируют в рамках соответствующих межгосударственных соглашений, с согласия местных правительств и поэтому юридически легитимны. В настоящее время тенденция такова, что добиваться согласия правительств, а иногда и Конгресса США, становится все сложнее (хотя случай Перу демонстрирует обратное), поэтому США отдают предпочтение более мягким, «невидимым» формам военного присутствия.

Второй тип — передовые операционные пункты (Forward Operating Locations, FOL). В таком формате размещаемый на месте военный контингент США минимален, но имеется возможность его временного увеличения в случае проведения военной операции или совместных учений. Юридически база не принадлежит США. В некоторых случаях она может сдаваться в аренду, в других — использование ее инфраструктуры осуществляется по коммерческому принципу (например, за приземление военного самолета на такой базе Пентагон должен заплатить определенную сумму). Часто базы типа FOL находятся под управлением частных военных корпораций, а основной контингент военнослужащих составляют контрактники принимающей стороны.

По всей видимости, к такому типу «мягких» баз (или квазибаз) можно отнести семь военных объектов Колумбии, которые в официальных отчетах не фигурируют в статусе собственно военных баз США, но де-факто ими являются. Напомним, что в 2010 г. Богота и Вашингтон подписали соглашение о планируемом размещении американских экспертов на семи базах колумбийских вооруженных сил, но Верховный суд признал это решение правительства неконституционным. Тогда колумбийские власти решили сдать их в аренду сроком на 10 лет. Сейчас американское присутствие ограничивается 200 военными экспертами, но договор аренды предполагает возможность в случае необходимости расширения военного контингента США до 800.

В современной истории Латинской Америки есть ряд случаев закрытия военных баз США и пресечения переговоров по их уста-

новке. Так, в 2010 г. эквадорское правительство Р. Корреа решило не продлевать контракт на аренду базы Манта. В 2003 г. бразильский президент Л.И. Лула да Силва вышел из переговоров с Пентагоном по развертыванию радиолокационной базы в Алькантара, однако после прихода к власти в 2016 г. правого правительства М. Темера переговоры были возобновлены.

Процесс установки новых военных баз в традиционном понимании происходит и в настоящее время. Например, в конце 2016 г. региональное (заметим, не федеральное) правительство перуанской провинции Амасонас, Южное командование США и корпорация Partenon Contratistas E.I.R.L. подписали соглашение о проведении работ по строительству вертолетной базы. Какого-либо названия данный объект не имеет, а обозначается довольно расплывчато — Центр по проведению региональных операций в случае чрезвычайной ситуации (Centro de Operaciones de Emergencia Regional, COER). Перуанский вариант COER можно рассматривать в качестве третьей разновидности американских ВБ. Для Перу подобная практика является скорее правилом, нежели исключением. Развертывание центров типа COER активно ведется здесь с 2008 года. К 2017 г. уже функционировало 17 военных центров с различным функциональным назначением.

Наконец, четвертая разновидность «невидимой» формы ВБ — это базы в формате непрерывных военных учений. Подобная практика ведет начало от регионального конфликта в Центральной Америке 80-х гг., когда она применялась администрациями Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего для обхода ограничений Конгресса США на дислокацию американских войск в зоне конфликта. В качестве примера можно привести маневры, проведенные в «сердце» Амазонии — в зоне так называемой «тройной границы» Перу, Бразилии и Колумбии. Проводились они в ноябре 2017 г. под названиями «Amazon Log-17» и «Операция «Объединенная Америка» (America Unida). Всего в маневрах приняли участие 1,5 тысячи военных трех стран. Ход учений пристально отслеживали и координировали представители ЮжКома США. Официально маневры проводились с целью отработки операций по контролю за нелегальной миграцией, гуманитарному содействию, борь-

бе с наркотрафиком и ликвидации последствий экологических катастроф. Дело не ограничилось обозначенными временными рамками учений как таковых. По их завершении решением бразильских военных было установлено, что в Табатинге будет функционировать «временная военная база», а учения будут продолжены на неопределенный срок. Таким образом, и для Южной Америки был создан прецедент формирования де-факто военной базы в формате непрерывных военных учений.

Подытоживая рассмотрение феномена военных баз, можно констатировать, что с учетом гибких форматов американского присутствия (включая FOL и COER) в Латинской Америке в настоящее время функционирует порядка 75 военных объектов с участием военного контингента США. Если же присовокупить к этому числу новый формат, апробированный Бразилией (ВБ в формате непрерывных военных учений), то это количество возрастет.

Феномен ЧВК как разновидность транснациональных корпораций

Бурный рост ЧВК на рубеже веков вызван, в частности, массовой демобилизацией военнослужащих после «холодной войны». Только в семи странах — России, Украине, Болгарии, Франции, Израиле, Великобритании и ЮАР — с 1985 по 1996 г. было уволено из вооруженных сил около 5 миллионов человек. Лишенные социальных льгот и гарантий, которые раньше им обеспечивало государство, многие профессионалы военного дела «адаптировались» к условиям рыночной экономики, став наемниками транснационального капитала. Крупные корпорации, которые ранее только производили оружие и военное снаряжение, стали нанимать профессиональных военных, чтобы предоставлять клиентам новую хорошо оплачиваемую услугу — оказание военной помощи.

К помощи частных военных подразделений уже прибегают многие государства, международные организации и транснациональные корпорации (ТНК). Так, ООН заключила контракт с частными армиями для обеспечения безопасности стран Центральной Африки. British Petroleum за 60 млн. долларов контрактовала 650 наемников для охраны нефтепровода в Колумбии. США в 2019 г. обозна-

чили готовность заключить контракт с корпорацией Blackwater с целью избежать ответственности за гипотетическое вторжение в Венесуэлу (хотя нынешнее консолидированное состояние венесуэльских военных дает основания предполагать, что подобные попытки не принесут искомого результата [8]). Примеров подобного рода контактов можно привести множество. Достаточно сказать, что современный мировой рынок услуг, связанных с ЧВК, в первую половину XXI века качественно вырос, составив к 2013 г. порядка 100 млрд долларов [9]. Если в начале века частные армии насчитывали около 2 млн «работников» (раньше их называли наемниками), то к 2014 г. их численность увеличилась вдвое [10].

Наибольший фактический материал дает изучение опыта частных военных подразделений в Латинской Америке. Еще со времен диктатуры А. Пиночета в Чили (1973—1990) данный регион стал своего рода мировой лабораторией неолиберальных реформ, направленных на ослабление функций национально-государства. С 80-х гг. по региону прокатилась волна неолиберальных реформ, «эхо» которых ощущается по сей день [11]. Одним из проявлений этих последствий стало передача функций безопасности из рук государства в ведение частных субъектов. Повсеместно в регионе развивается такое явление, как частные охранные предприятия. Нередко даже функции обеспечения гражданской безопасности передаются частным фирмам. Происходит вялотекущий, но довольно мощный процесс «приватизации» военных функций государства. В настоящее время в Латинской Америке и Карибском регионе существует около 16 тысяч военных предприятий, обеспечивающих «частную безопасность». В них занято, по оценкам научно-исследовательской организации «Межамериканский диалог», порядка 2,4 млн человек, а объем финансовых средств, вовлеченных в этот мощный сектор экономики, составляет, по данным той же организации, около 3% регионального ВВП [12].

В целом в мире контингент военных, задействованных в частных военизированных подразделениях, превышает численность государственных военно-полицейских образований, но в Латинской Америке соотношение в пользу первых выражено наиболее ярко. Например, в Бразилии на одного полицейского приходится четыре сотрудника ЧВК или част-

ного охрannого предприятия, в Гватемале — пять, а самый высокий уровень зафиксирован в Гондурасе — семь [12]. Причем тот факт, что государство нередко заключает с ЧВК контракты с целью тренировок и повышения квалификации государственных военнослужащих указывает на более высокую степень и уровень подготовки частных подразделений подобного рода.

В Латинской Америке довольно остро стоят проблемы организованной преступности и наркотрафика. Нередко США нанимают частные военные корпорации с целью противодействия этим проблемам в регионе, в рамках соглашений с латиноамериканскими странами по противодействию криминалитету и борьбы с наркоторговлей.

Кроме того, Латинская Америка является одним из центров притяжения транснациональных корпораций и банков, которые располагают здесь свои дочерние филиалы ввиду относительной дешевизны рабочей силы и сырья. Вполне логично, что ими также для обеспечения охранных функций нанимаются частные военизированные подразделения, что представляет довольно мощный источник занятости для местного населения.

Услуги, осуществляемые частными армиями, не сводятся только к предоставлению контингента наемников. Поскольку речь идет о сугубо международном рынке, «военные фирмы» обязаны выявить степень риска, который представляют для инвесторов определенные страны, регионы, населенные пункты или отрасли. Принимая во внимание огромные финансовые средства, задействованные в военной промышленности, весьма существенна другая функция ЧВК — консультирование государств и их армий в связи с военными закупками. Частные армии могут предоставлять как профессиональный контингент для войны, так и советников для анализа социально-экономических вопросов, военной организации, подготовки боевых сил специального назначения и приобретения военного снаряжения.

Еще одним важным проявлением приватизации вооруженных сил и каналом формирования военизированных организаций и рынком услуг военных корпораций служат полувойсковые группы (в Латинской Америке их называют *paramilitares*). Это — военизированные незаконные (подчас только формально) организации наемников из гражданского на-

селения. Возможно, что именно ЧВК участвуют в формировании (обучении, поставке оружия, финансировании) парамилитарес по заказу тех или иных корпораций или государств, стремящихся реализовать свои интересы в выгодном для них регионе.

В целом в глобальном масштабе функционирует около 90 ЧВК, имеющих места дислокации (военные базы) в 110 странах. Они уже стали третьей по мощи военной силой после США и Великобритании, хотя такое сопоставление весьма относительно: в основе происхождения ЧВК лежит приватизация национальных армий, в том числе США и Великобритании.

ЧВК представляют собой транснациональные корпорации в военной сфере. Если, например, филиалами автомобилестроительных или нефтяных ТНК являются сборочные предприятия или инфраструктура добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья, то для ТНК военного профиля роль филиалов выполняют военные базы и очаги локальных военных конфликтов. С военным потенциалом и масштабами деятельности сопоставима экономическая мощь ЧВК. 35 крупнейших ЧВК имеют штаб-квартиры в США. В 2001 г. сумма, потраченная этими корпорациями на лоббирование своих интересов в Конгрессе США, составила 32 млн долларов, причем эти корпорации имеют значительные группы давления как в Республиканской, так и в Демократической партиях, что обеспечивает практически стопроцентные шансы на принятие выгодных им решений. К тому же, если треть функций вооруженных сил США приватизирована и находится в частной собственности, то можно ли такую армию считать национальной? Может ли здесь идти речь об обеспечении национальных интересов и национальной безопасности в традиционном смысле? И являются ли в таком случае сами США национальным государством или уже де-факто транснациональным?

Становится очевидным, что феномены военных баз нового типа и ЧВК тесно переплетены между собой и представляют собой мощную наднациональную силу. Можно предположить, что их институционализация как военно-политического органа глобального значения — вопрос времени.

Список литературы

1. *Пятаков А.Н.* Феномен транснационального государства: иллюзия или формирующаяся реальность. Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 1. С. 69—75.
2. *Рахманов А.Б.* Капиталистические классы ведущих стран мира: сравнительный анализ. ЭКО, 2017. № 10 (520). С. 62—84.
3. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография // под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 479 с.
4. *Бельский В.Ю., Лепехин В.А.* Терроризм как инструмент борьбы с суверенными государствами и цивилизациями. Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 23—28.
5. *Мартынов Б.Ф., Ивановский З.В., Воронникова Т.А., Дьякова Л.В., Лукин В.Л., Проценко А.Е., Пятаков А.Н., Шинкаренко А.А., Щербакова А.Е., Зинкер Хайдрунн, Николаев А.К.* Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. М.: ИЛА РАН, 2017. 272 с.
6. Bases militares de EE.UU. en América Latina y el Caribe. Granma. 9.08.2018. Available at: <http://www.granma.cu/mundo/2018-08-09/bases-militares-de-eeuu-en-america-latina-y-el-caribe-el-plan-suramerica-09-08-2018-17-08-04> (accessed: 23.05.2019)
7. *Байков А.А.* Геополитика американских военных баз. Национальная безопасность. 2011. № 1 (12). С. 32—37.
8. Department of Defense. USA. Base Structure Report. 2015.
9. *Пятаков А.Н.* Венесуэльские вооруженные силы: эпоха Уго Чавеса. Латинская Америка, 2019. № 6. С. 18—38.
10. Ejércitos privados: los grupos de mercenarios más importantes del mundo. RT. 29.03.2013. Available at: <https://actualidad.rt.com/actualidad/view/98695-eeuu-mercenario-ejercito-privado-irak-blackwater> (accessed: 23.04.2019)
11. Seguridad privada, una industria que florece en América Latina. Clarin. Argentina. 27.11.2014. Available at: https://www.clarin.com/mundo/seguridad_privada-america_latina-delincuencia-homicidios_0_ByMKvhvcvXx.html (accessed: 23.04.2019)
12. *Давыдов В.М.* Глобальные и региональные детерминанты развития Латинской Америки. Латинская Америка, 2017. № 12. С. 6—14.
13. Unos 2.4 millones de personas trabajan en la seguridad privada en America Latina. Herald de Mexico. 28.03.2018. Available at: <http://www.seguridadenamerica.com.mx/noticias/articulos/15142/mas-de-2-millones-de-personas-trabajan-en-seguridad-privada-en-al> (accessed: 23.04.2019)